

ПРЕССА

НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

239 0730 МВД
СЛУЖБА
СОБСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

Сергей
РОМАНОВ

ВЕДОМСТВЕННЫЙ ПРИТОН

239 0730

СЛУЖБА
СОБСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

МВД

ВЕДОМСТВЕННЫЙ ПРИТОН

Сергей РОМАНОВ

ПРЕССА

Сергей РОМАНОВ

Окончил факультет журналистики
Дальневосточного
государственного университета.
Работал журналистом
в центральных газетах и журналах.
Разработчик многих энциклопедий
и литературно-публицистических
книг, а также автор книг «Нищие»,
«Угонщик», «Мошенничество
в России» и др.

ВЕДОМСТВЕННЫЙ ПРИТОН

Секс-притон процветал, принося баснословные прибыли его организаторам и их покровителям — оборотням из МВД. И когда сотрудники собственной службы безопасности силового ведомства Олег Фочкин и Сергей Блинков решили под видом обычных клиентов проникнуть в закрытое заведение, они испытали на себе не только профессионализм ночных бабочек, но и крепость резиновых дубинок охраняющих притон ментов. Что ж, это хороший повод для начала войны между структурами одного ведомства. Главное, чтобы теперь за оборотней не заступились на самом верху, и тогда они не уйдут от наказания...

ISBN 5-699-13202-3

9 785699 132027 >

НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

239 07 30

**СЛУЖБА
СОБСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

МВД

Сергей РОМАНОВ

***ВЕДОМСТВЕННЫЙ
ПРИТОН***

МОСКВА. «ЭКСМО». 2005

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 69

Оформление серии художника *М. Левыкина*

Романов С. А.
Р 69 **Ведомственный притон: Роман.** — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 352 с. — (Служба собственной безопасности).

ISBN 5-699-13202-3

Секс-притон процветал, принося баснословные прибыли его организаторам и их покровителям — оборотням из МВД. И когда сотрудники собственной службы безопасности силового ведомства Олег Фочкин и Сергей Блинков решили под видом обычных клиентов проникнуть в закрытое заведение, они испытали на себе не только профессионализм ночных бабочек, но и крепость резиновых дубинок охраняющих притон ментов. Что ж, это хороший повод для начала войны между структурами одного ведомства. Главное, чтобы теперь за оборотней не заступились на самом верху, и тогда они не уйдут от наказания...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-13202-3

© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

1

Если бы у Олега Фочкина, тридцатитрехлетнего майора милиции, сто раз спросили, что больше всего в этом мире ему мешает наслаждаться жизнью, он бы сто раз подряд, не задумываясь, ответил — Клавдия Петровна. Теща.

Ровно в девятнадцать часов Клавдия Петровна, не обращая внимания на устроившегося в кресле зятя, уверенным шагом промаршировала к телевизору, опрокинув заблаговременно открытую банку с пивом, и переключила «ящик» на первый канал. Бой за звание чемпиона мира по боксу и бразильский сериал начались в одно время. Апелляция бравого майора о том, что мама могла бы увидеть повтор той же самой серии утром следующего дня, осталась без внимания. Импортный телевизор с диагональю около метра, на котором так хорошо было смотреть спортивные поединки, видеть в деталях пот и кровь соперников, полгода назад был куплен на сбережения тещи. С того памятного дня по негласному закону считалось, что только она в любое время суток могла свободно манипулировать кнопками телеканалов.

Из многолетнего опыта совместного проживания под одной крышей майор Фочкин давно извлек урок,

что втягиваться в спор — дело, полное лишней нервозности и бессмыслия. В любом случае победа всегда оставалась на стороне тещи.

Майору оставалось лишь с досады поддеть ногой ополовиненную банку и поспешить в прихожую. Внутренне он себя успокаивал, что если бой не закончится в первом или втором раунде, то все остальные он сможет посмотреть в кафе. При этом Фочкин был уверен, что знакомый бармен, когда узнает грустную историю, с радостью возместит не только утраченное пиво, но и угостит рюмкой водки.

Фочкин влетел в кафе, когда начинался третий раунд. Около стойки с телевизором все банкетки, за исключением двух, были свободными. На одной, качая ногами, сидел чем-то опечаленный студент в потертых джинсах и лениво помешивал соломинкой коктейль. Поединок его явно не интересовал. Другую занимал мощный стриженный затылок, с такой же объемной шеей, плавно переходящей в плечи. Затылок ни на что, кроме экрана телевизора, не реагировал.

Бармен, узнав Фочкина, приветливо улыбнулся и без лишних разговоров поставил перед ним высокую кружку с пивом как раз в то время, когда майор занял стул рядом с затылком, а претенденту на высокое звание удалось провести мощный хук справа и послать чемпиона мира в легкий нокдаун. Фочкин был на стороне претендента и вскриком радости одобрил его действия.

Зато затылок в отчаянии взревел и рубанул воздух тяжелой ладонью. Реакция Фочкина была запоздалой, локоть соседа задел кружку, и на полу образовалась пе-

нистая лужа вперемешку с разбитыми осколками. Вторая опрокинутая кружка пива за один вечер — это было уже слишком. На физиономии Фочкина одновременно отразилось торжество и негодование. Но, сдержав последнее чувство, он лишь слегка толкнул соседа в спину:

— Эй, друг, а осторожней никак нельзя? Ты ведь не на ринге!

— Ну извини, — до ушей Фочкина долетела угроза.

Затылок медленно разворачивал откормленное лицо в его сторону. Фочкин, собравшись, терпеливо ожидал полного разворота. По правде сказать, его больше пугал чемпион мира по боксу, тотовый тут же взять реванш за нокдаун, чем сосед с мощным стриженным затылком.

Несколько секунд они смотрели в глаза друг другу. Но это был не поединок взглядов, какими перед началом боя одаривают соперника боксеры.

— Олечка, ты?! — снова рубанул воздух сосед. — Глазам не верю! Ты как здесь оказался?

— Серега! — с восторгом произнес Фочкин. — Вот так встреча! Сколько же мы с тобой не виделись?

Не отвечая на вопрос, Серега с завидным для его мощной фигуры проворством прыгнул с банкетки и облапал Фочкина.

Первоначальная тревога бармена за целостность посуды, столов, стульев и здоровья посетителей тут же улетучилась. Он лишь кивнул откуда ни возьмись вынырнувшей уборщице, предлагая убрать осколки, и выставил перед посетителями две новые кружки, наполненные до краев. Немного подумав, дополнил заказ бутылкой водки. Видимо, по своему долгому опыту

знал, что такие встречи только пивом не ограничиваются.

На экране чемпион мира всюду метелил претендента, и шансов у последнего никаких не оставалось. Но бывшие однокашники и сокурсники школы милиции Серега Блинков и Олег Фочкин за поединком уже не следили.

— Ты как здесь оказался? — после объятий повторил свой вопрос Блинков.

— Да все теща, стерва! — радовался неожиданной встрече Фочкин. — Представляешь, с работы удрал только ради того, чтобы бокс дома посмотреть, так не дала, гадина. На телесериал переключила.

— Господи, да я вижу, у тебя в жизни ничего не изменилось! Все с тещей воюешь?

— Больше нет стоящих соперников, — кивнул Фочкин. — А ты? Оттуда?

— Да уже два месяца как оттуда. Все — свое отвоевал. Хватит с меня.

Они приняли угощение бармена и перенесли все за свободный столик.

— У меня тоже теща стервой была, — наливая водку в стаканы, сказал Блинков. — Такая гадюка — противнее твоей в несколько раз.

— Почему была? — перебил товарища Фочкин.

— Так разбежались мы с Дашкой, Олег! Года три назад это было, вот все это время я с Кавказа не вылезал.

— А что так? — участливо поинтересовался Фочкин. Блинков отмахнулся:

— Исполнились ее мольбы — нашла какого-то бизнесмена. Не хочется вспоминать.

— Ну и не надо. Не бреди душу.

— Да я про бывшую тещу хочу тебе рассказать. Однажды домой прихожу, жрать хочется, ну я и сделал себе бутерброд с тушенкой. Жую, а он какой-то вонючий. Спрашиваю мамашу, чего это она стала покупать консервы такие говнистые? Оказывается, это не тушенка была, а корм для кошки. Ну скажи мне, Олечек, какого хрена жратву для кошки держать в холодильнике?

— Э, от этого не отравишься! Я вот как-то на даче просыпаюсь с похмелья, а на окне полная бутылка «Фанты». Недолго думая, половину и ошаршил. Теща выхватить успела. И нет, чтобы неотложку вызвать, так разоралась, что уничтожил удобрение для полива цветов! Ну за что выпьем, Серега?

— Давай за встречу!

Фочкин поморщился:

— Не люблю этот тост. Говоришь — встреча, а всегда подразумеваешь расставание. Зачем за нее пить, если это всего лишь короткий миг? Зато расставание, как у нас с тобой, всегда бывает долгим.

Блинков опустил голову:

— Пусть лучше долгим, чем навсегда. Знаешь, наверное, Федя Савичев погиб, Егор Измайлов...

— Знаю. Я как раз из ОМОНа увольнялся. Давай их и помянем, наших с тобой сокурсников.

Они выпили и, как полагается, помолчали.

— Ты уволился из ОМОНа? И где же теперь? — В голосе Сергея послышались нотки волнения. — В телохранители к кому-нибудь подался?

— Да что ты, Серега? Неужели я могу кому-то яйца

лизать? Из МВД я никуда не уходил. Перевелся в управление собственной безопасности.

Блинков отодвинул стакан и, широко раскинув ноги, откинулся на спинку стула. Фочкину показалось, что к волнению добавилось и осуждение:

— И чем же вы там занимаетесь?

Вопрос был задан чисто автоматически, но Фочкин понимал, что старый друг прекрасно осведомлен о спектре профессиональных и служебных интересов управления, так недолюбливаемого самими милиционерами. Предпочитая оставить глупый вопрос без ответа, Олег потянулся за бутылкой и снова наполнил стаканы. Но товарищ и не думал ставить на этом точку.

— Уж не за мной ли сечешь? — с тревожной иронией оскалился Блинков. — Того и гляди, при случае под уголовную статью подведешь...

— Пошел к черту! — не скрывая раздражения, ответил Фочкин. — За что тебя под статью подводить? Тебе ведь даже взятку и ту не за что всучить! Серега, у нас и без тебя дел по горло! Пока ты там, на Кавказе, с автоматом забавлялся, здесь менты совсем распоясались. Такого никогда не было! То за решетку садят, а потом выпускают за деньги, то документами торгуют направо и налево, то коммерсантов крышуют, то наркотой торгуют. Порой читаешь протоколы, и волосы дыбом встают! Народ нас стал бояться больше, чем бандитов и уголовников. До чего дошло: на несправедливость жаловаться идут не в милицию, а к уголовным авторитетам!

Блинков не ожидал такой горячей тирады. Готовый замять разговор, он ближе подвинул стакан и долго

смотрел на жидкость, словно стараясь определить, насколько она чиста от вредных примесей.

— Ладно, забыли. Наверное, тебе виднее.

— А ты — слепой? Ничего вокруг не замечаешь или не хочешь замечать? — То ли под воздействием выпитого алкоголя, то ли от досады, что, кроме сослуживцев, Фочкину больше некому было выговориться, Олега вдруг понесло. — Недавно на въезде в Москву задержали грузовик, доверху набитый взрывчаткой. Машина с кавказскими номерами полстраны проехала, через добрую сотню стационарных постов. Теперь ответь мне честно, ты веришь, что ни один из милиционеров не поинтересовался, чем наполнен кузов?

— Успокойся, Олег, я же сказал — забыли.

Но Фочкина уже было не остановить.

— До Воронежа грузовик сопровождал подполковник милиции из Ростова. А потом его сменил наш, московский мент. Чувствуешь, ради каких денег они решились на такой риск? А какими были гонорары для самых настырных дорожных инспекторов? — Фочкин осекся, словно не знал ответа, какой суммой обошелся риск и в каких денежных единицах исчислялись гонорары. — Знаешь, Серега, мне и самому иногда страшно становится. Копаешься в заявлениях и в протоколах допросов и словно чувствуешь, что работать тебе, как шпиону, приходится на вражеской территории.

— Все вокруг тебя враги? — осмелился на вопрос Блинков и внимательно посмотрел на майора. — Трудно, если не бессмысленно, жить с таким чувством.

Фочкин взял стакан и улыбнулся:

— Ну, живу же! Потому что нас больше. А подонков — их везде хватает.

— Тогда давай еще водки закажем! — Блинков обернулся, стараясь отыскать глазами официанта.

— Хватит, я и так пустой, — похлопал себя по карманам Фочкин. — Люблю пить и жрать на халяву только на презентациях.

— Тогда считай, что я тебя и пригласил на такое мероприятие. Устраиваю презентацию в честь русского ОМОНа.

— А потом?

Блинкову удалось глазами отыскать официанта и на пальцах показать, что от него требуется. Довольный мгновенной смекалкой служащего, он хитро посмотрел на Фочкина.

— Потом? Вспомним курсантские деньки и поедem по бабам. Сегодня отрываемся на полную катушку и пускаемся во все тяжкие.

Фочкин тут же запротестовал, будто отгонял от себя нечистую силу:

— С ума сошел, Серега! Жена и теща со свету сживут! Не-ет, лучше десять раз попасть на ковер к начальству, чем однажды не угодить этой сварливой женщине. Сатана в юбке!

— Тещу, дорогой мой товарищ, нужно воспитывать. Без жалости и регулярно, — склонившись через стол, открыл секрет Блинков. — У тебя в этом деле — большой пробел. Но, так и быть, я тебя научу. У меня есть проверенный опытом план.

Фочкин даже расхохотался:

— Как бы не вышло наоборот! Вот если моя теща что-то замыслит, можно даже не пытаться предотвратить ее действия.

— Не перебивай и слушай сюда. Мы ее арестуем и

упрячем в обезьянник. Устроим показательный концерт с экзекуцией правонарушителей. И когда очередь дойдет до нее, тут явишься ты и вызволишь эту старую гадину из беды.

— Какая же она старая! Ей еще и полтинника нет! — непринужденно заступился за Клавдию Петровну зять.

— Какая разница, сколько ей лет! — отмахнулся Блинков. — Сколько бы ни было, но поверь, после такой дезинфекции всю оставшуюся жизнь она будет смотреть на тебя как на ангела-спасителя.

Уже захмелевшему Фочкину идея друга показалась заманчивой и оригинальной.

— И как же ты ее арестуешь?

— А то не знаешь, что придаться можно и к фонарному столбу! Документов нет, возникшая ссора на улице или в магазине, наконец, она может и улицу перейти в непопозволенном месте...

— Улицу — не может. А вот хай по поводу и без повода поднять может. В этом что-то есть! — осушив стакан, согласился Фочкин. — Но надо все продумать до малейших деталей. Моя теща — враг самый хитрый, коварный и изворотливый. Ну так что у нас по плану? По бабам, говоришь...

2

Частник-бомбила, который сразу под-вернулся около кафе, оказался сговорчивым, даже на редкость сообразительным и понятливым мужиком. Насладившись атлетическими фигурами и крепкими шеями клиентов, он не испугался и всего лишь за пять-сот рублей согласился не только отвезти Фочкина и

Блинкова к девочкам, но и предоставил полную информацию в области рынка сексуальных услуг, стоимости и качестве товара. По его словам, в центре, в пределах Садового кольца, стоимость любовного аукциона меньше ста долларов за час никогда не опускалась, зато великое многообразие выставленных лотов было товаром стоящим, отечественным и, несмотря на высокую цену, пользующимся повышенным ночным спросом. Порой за темное время суток один и тот же предмет для любви мог оборачиваться по несколько раз.

Зато на магистральных трассах, всего лишь в двух кварталах от центра, цены на сексуальный аттракцион падали почти вдвое. Правда, и товар большей частью выставлялся эсэнгэвский и разнокалиберный, как правило молдавского, белорусского или украинского производства. Зато, если оказаться в первых рядах покупателей, можно было рассчитывать на красоту и свежесть. Ехать к вокзалам или Кольцевой дороге, где располагались торговые точки для бедных и транзитных пассажиров, где порой эквивалентом покупки являлся литр водки, бомбила не советовал. Во-первых, продукция была самого низкого сорта, с душком, а следовательно, ожидаемого удовольствия и наслаждения не гарантировала. Во-вторых, даже такие крепкие ребята легко могли стать жертвами проституток-клофелинщиц. Убить, конечно, они бы не убили, но расхотиться поутру пришлось бы не на такси, а на своих двоих.

Конечно, по доброте душевной он назвал еще несколько известных ему адресов, где долго и прочно функционировали ночные бары, сауны и бордели, но

тут же сослался на ограниченность выбора и непомерные цены. А потому счел, что лучшим вариантом для могучих пассажиров станет переулочек в начале Кутузовского проспекта, где спектр услуг и товара всегда широк и держится в пределах разумных цен. Полным диетантам Фочкину и Блинкову оставалось целиком положиться на мнение профессионала.

Водила оказался прав. Высунувшись из окна, рулевой негромко свистнул, и около машины тут же оказалась женщина не первой молодости, но со следами былой привлекательности на лице. В пяти шагах от нее маячили фигуры двух ребят, по всей вероятности, охранников-телохранителей, рост и объемы которых не произвели на пассажиров легковушки никакого впечатления. Бомбила, улыбнувшись женщине, видимо, произнес секретное слово, и из подворотни, словно по мановению волшебной палочки, появилась длинная вереница девушек. Виляя бедрами в ночной темноте, словно под ногами был не грязный тротуар, а сверкающий подиум для показа последних моделей одежды, они остановились перед машиной.

Веселое и разгульное состояние Фочкина сняло как рукой, и он, обнаружив себя совершенно трезвым и неготовым к такому продолжению вечера, продолжал оставаться на заднем сиденье машины, скрываясь за спиной шофера. За свою сознательную жизнь в милиции ему никогда не приходилось пользоваться услугами ночных бабочек. Его неожиданно посетила мысль о том, что, если начальство управления узнает или догадается, каким образом он, представитель обеспечения

правопорядка, намерен развлекаться этой ночью, мало не покажется.

В отличие от него, Блинков нисколько не комплексовал и, увлекаемый женщиной-продавцом, неторопливо двигался вдоль длинного строя, целиком погружившись в оценочный процесс. Видимо, вспомнив, что приехал сюда не один, он обернулся к машине, и Фочкин услышал его возбужденный голос:

— Олег, ну чего ты прячешься?! Беги на помощь!

Поборов робость, Фочкин присоединился к товарищу в тот самый момент, когда тот осматривал точеное бедро девицы, покрытое вычурной сеткой черных колготок. Шатенка лет двадцати с короткой прической, откинув длинную полу пальто, не снимала с лица дежурной улыбки. По ее глазам было видно, что она совсем не прочь провести время с этим крепким парнем. И на косой взгляд и слова Блинкова: «А что у нас внутри?» — отработанным движением манекенщицы распахнула оба ворота пальто, обнажив незащищенную и загоревшую грудь.

— Берем! — тут же скомандовал Блинков.

— Как тебя зовут? — не рассчитывая на правдивый ответ, спросил Фочкин у девушки.

— Ляля, — томно ответила она, обещая минуты блаженного удовольствия, и тут же, взяв под руку соседку, попросила: — Возьмите товарищу мою лучшую подругу. Ее зовут Жанет.

Блинков с головы до ног облапал ее взглядом и в ожидании согласия посмотрел на Фочкина. Майор догадался, что она ему также пришлась по душе, и при

желании он мог уступить другу и отобранную уже ша-тенку.

Подруга вела себя скромно и свои прелести демон-стрировать не собиралась. Русые волосы до плеч, из-под челки настороженные глаза. Она была стройна и высока. Хотя очаровательной и красивой назвать ее можно было с большой натяжкой, но и несимпатич-ной она вовсе не казалась. По крайней мере, скром-ность и простота, если такие элементы нравственности могли присутствовать у представительниц свободной любви, импонировали Фочкину. Олег в ответ лишь пе-редернул плечами: мол, мне все равно.

— Берем, — рубанул ладонью воздух Сергей.

— На час, на два или до утра? — поинтересовалась женщина.

— Гулять так гулять! На два!

— Тогда по три тысячи за каждую.

— А если в долларах? — вынимая деньги из карма-на, поинтересовался Блинков.

— Лучше в рублях. Нынче курс падает. Доллар — валюта ненадежная.

Бомбила поджидал около машины и за дополни-тельные триста рублей готов был отвезти пассажиров в любую точку в пределах Садового кольца или Кутузов-ского проспекта.

Блинков, обняв девушек, расположился между ни-ми на заднем сиденье. Фочкин перебрался к водителю. Территория любви, где прозябали и частенько по мес-ту жительства оказывали услуги девицы, располагалась в районе Грузинского переуллка. Отсчет купленного времени начинался, когда друзья должны были пере-

шагнуть порог интимной квартиры. Но Блинков терять время не хотел, и Фочкин видел в зеркало лишь макушку его головы, которая все больше и больше зарывалась в откинутый воротник Ляли.

Водитель вывел машину из переулка, и они оказались на Кутузовском проспекте. Но разогнаться им так и не удалось. Разбрасывая по сторонам синие блики, их подрезал «Форд» с гербом муниципальной милиции на борту, и водитель тут же припарковался к тротуару.

Сердце в груди Фочкина екнуло. Для полного счастья и удовольствия ему только не хватало разборок с коллегами.

— Что за дела? — почувствовав остановку, вытащил наружу голову Блинков.

— А хрен их знает! Они порой сами не понимают, что им нужно! Но денег попросят, как пить дать!

В сердцах хлопнув дверью, водитель покинул салон. Тут же в окно со стороны Фочкина заглянула улыбающаяся физиономия сержанта. Муниципал поманил пальцем, приглашая покинуть салон:

— Граждане, проверка документов. Выходите.

Фочкин тут же повернулся к товарищу:

— Серега, я тебя прошу — только ксивой не козырай. Муниципалы тут же доложат начальству по инстанции. И с бабами, и пьяные. Напишут все, что им заблагорассудится. Потом греха не оберемся. И веди себя спокойно.

— А что тогда показывать? — выталкивая девиц наружу, спросил Блинков.

— Права есть? Вот их и покажем.

Они вышли из машины, когда муниципалы приглашали девушек занять места в служебном «Форде».

Забыв о предупреждении, Блинков бросился на вырубку оплаченного товара:

— Э, ребятки, мы так не договаривались! Куда это вы наших женщин прячете!

Сержант, постукивая резиновой дубинкой по ладони, вызывающе улыбался:

— Ты еще скажи, что это ваши жены!

— Да какая вам разница! — ухватив Лялю за полу пальто, попытался извлечь ее из кабины иномарки Блинков.

Но тут же его руку перехватил сержант:

— Спокойно, мужик, без пены! У девиц при себе нет документов! У тебя самого-то они есть? А то поедем с нами.

— У нас все в порядке, сержант, — вмешался Фочкин. — Мы местные, но при себе только права. Там и адрес жительства.

Лейтенант, до этого момента не принимавший участия в споре, не без осторожности оглядел двух мощных парней:

— Тогда следуйте за нами. Установим личность этих красоток, проясним место жительства, и вы сразу сможете забрать своих барышень.

— Как же, барышень! Шлюх с панели, — скабречно хохотнул сержант и захлопнул дверь со стороны Ляли. — Лялька на нашей территории личность известная. Представительница братского хохляцкого государства. Ее не проверять, а депортировать на родину нужно. Ну, мужики, какие у вас еще есть вопросы?

— Нет вопросов, — поспешил ответить Фочкин. — Удачи!

Проводив взглядом «Форд», они уселись в машину.

— Олег, отгадай загадку! — срывая пробку с бутылки водки, сказал Блинков. — Шесть тысяч рублей, а сверху волоса?..

— И что же? — вместо Фочкина отозвался водитель и повернулся в сторону заднего сиденья, ожидая ответа на вопрос и дальнейших указаний клиентов.

— Это называется, что месячная зарплата мандой накрылась! — Блинков сделал несколько больших глотков и передал бутылку Фочкину. — Ну нет, гулять так гулять! Шеф, поехали обратно, прикупим еще одну партию.

Фочкин знал, что возражать старому товарищу не было смысла. До конца протрезвевший, он понимал, что в сложившейся ситуации у него было лишь два выхода: либо ехать с ним за девицами, либо хлопнуть дверь, оставить одного и навсегда потерять товарища. Возможно, окажись на месте майора кто-то другой, он бы так и поступил. Но с Сергеем его связывали не только четыре года учебы в школе милиции, несколько лет службы в одном отряде ОМОНа, но и три месяца бесславных боев в Чечне. А еще была операция, в ходе которой Фочкин получил ранения и передвигался до госпиталя на спине Блинкова.

Фочкин принял бутылку и допил оставшуюся водку до конца. Но, прежде чем вернуться к месту ночного аукциона, они решили заехать в ближайший ночной магазин и пополнить спиртные запасы.

На этот раз они были уже не первыми. Около под-

воротни стояла очередь из четырех иномарок. Клиенты носились вдоль поредевшего ряда девиц, выхватывая из ночи самых привлекательных и подталкивая их к машинам. И, хотя водитель не сводил глаз с часового хронометра на приборной доске, показывая всем видом, что время для обслуживания клиентов у него закончилось, Фочкин и Блинков не спешили. Водитель не выдержал первым:

— Мужики, мне жену и детей на вокзале надо встретить. А машину вы другую поймаете.

Аргумент был бесспорным, и друзья, покинув салон, направились к нестройным рядам ночных бабочек. Но яркий свет фар и синие блики, разбрасываемые на стены домов, заставили их остановиться. Мимо, резко снижая скорость, протиснулся «Форд» с муниципальным гербом на борту. Блинков схватил Фочкина за рукав:

— Е-мое, Олег, это же те самые! Ну-ка посмотрим, что им здесь нужно?

«Форд», не доехав до «подиума», остановился в стороне. Из салона выскочили знакомые персоны в милицмейской форме и, как по команде, услужливо открыли задние двери, выпуская наружу дам. Прощались они так, словно, помимо давнего знакомства, их связывали и куда более тесные отношения.

— Олежек, так они за наши бабки наших же баб и обслужили, — не скрывая гнева и возмущения, хриплым голосом промолвил Блинков. — Ни фига себе, девки пляшут!

Фочкин ощутил, как боевой товарищ уже готов был сорваться с места, и крепко ухватил его за локоть:

— Не надо, Серега! Не стоит на свою задницу искать приключения...

Девушки скрылись в подворотне, но менты уезжать не спешили. События, как в сказке, продолжали развиваться своим чередом. По мановению все той же волшебной палочки около мигающей машины объявилась не первой молодости сутенерша и, раскланявшись, что-то передала лейтенанту. В руке Фочкина все еще сохранялось ощущение, что он держит товарища под локоть. На самом деле, словно сорвавшись с цепи, Сергей Блинков уже неся к милицмейской машине, и Фочкин видел, как сержант снимает с пояса резиновую дубинку. Впрочем, когда Олег оказался на месте схватки, потасовка уже закончилась. Оба муниципала, осыпаемые синими бликами мигалки и отчаянным матом товарища, лицом вниз лежали на асфальте. От него требовалась только моральная поддержка. Пришлось раскрываться и объяснять, кто есть кто. Через пять минут конфликт уже был исчерпан. Сотрудники правоохранительных органов, обменявшись адресами и словесными визитками, не скрывая обиды и злобы друг на друга, расстались. Даже деньги за девочек до рубля были возвращены Блинкову.

3

Войдя в кабинет, Золотарев от удивления остановился в дверях и широко раскрыл глаза, не веря в реальность происшедшего. Когда это было, чтобы Олег Фочкин первым пришел на работу? Майор, казалось, даже не заметил вошедшего товарища и,

понурый, продолжал тупо смотреть на телефонный аппарат. Кроме двухлитровой бутылки с минеральной водой и аппарата, на столе ничего не было.

Скинув куртку, Золотарев прошел к столу и, без разрешения открыв минералку, сделал несколько больших глотков. Вернув бутылку на стол, он довольно сощурился:

— Вода — это жизнь!

— А жизнь — дерьмо! — Мрачный Фочкин, наконец, соизволил поднять голову.

— Что так? — Золотарев участливо присел на краешек стула.

— Все мои беды из-за тещи! — скривился Олег. — Будь она неладна!

— Не любишь ты свою мамашу, Олег!

— Да за что же ее любить! Если бы не она...

— Впрочем, у ученых на сей счет есть объяснение, — перебил майора Золотарев. — Все дело в наших мужских генах.

— Не понял! Объясни. — Фочкин глядел на Золотарева так, словно тот и в самом деле вот-вот должен был открыть ему большую тайну.

— Согласись, что собака изначально не любит кошку.

— И что из этого?

— А то, что аргументы своей нелюбви она ищет только после того, как загонит ее на дерево.

Фочкин почесал затылок:

— Хорошо сказал, но непонятно. Кто в моем случае собака, а кто кошка?

Золотарев, поняв, что майор соображать не в состоянии, тяжело вздохнул и пересел в свое кресло. Но унылое лицо товарища навело его на мысль, что теща

всего лишь объект, на который можно переложить собственную вину.

— Что произошло, Олег? Тебя в очередной раз отлучили от тела или выгнали из дома? Так это не беда.

— И то и другое, — недвусмысленно отозвался майор.

В кабинет вошел Катышев и, тут же сообразив, что у старшего по званию коллеги возникли крупные неприятности, был готов принять участие в спасении товарища.

— Кажется, мужики, я влетел по полной программе.

Сбиваясь на хрипоту, а порой переходя на шепот, Фочкин рассказал, как теща не дала посмотреть бокс, как в кафе он встретил старого друга, как, отметив встречу, они помчались снимать ночных бабочек. И как муниципалы из отдела нравов районного отделения милиции обвели их, лохов, вокруг пальца, за что и были проучены и наказаны.

Майор замолчал, но и Золотарев и Катышев прекрасно понимали, что на этом вся комедия не закончилась, иначе не сидел бы перед ними товарищ в таком подавленном состоянии. Но понукать Фочкина на пересказ развязки никто не спешил.

Майор нехотя потянулся к бутылке и сделал глоток воды.

— Утром позвонил Серега Блинков и сообщил, что девицы написали на него «телегу». Якобы их пытались изнасиловать, а когда они позвали на помощь, мы с Блинковым оказали сопротивление сотрудникам милиции.

Золотарев негромко присвистнул:

— Вот суки, что творят! А я ведь говорил, что эти

отделы нравов давно надо вывернуть наизнанку. Вся Москва знает, что они крышуют проституток.

— Теперь уж поздно выворачивать. — Катышев прошелся по кабинету и остановился рядом с Фочкиным. — Олег, а где теперь эта «телега» находится?

Фочкин пожал плечами:

— Наверное, там, в районном управлении, и находится. Разве что в отряд ОМОН, где служит Блинков, успели по телефону сообщить. Может, и Полуяров уже в курсе. Что делать-то, мужики?

— Что делать? Ты выговорешником, может, и отделаешься, а твоему дружку-омоновцу как пить дать — сухари сушить. Муниципалам и «нравственникам» на нем отыграться — только лишний повод, — успокоил товарища Золотарев.

Фочкин на выпад коллеги обижаться не стал. По крайней мере, ни для кого из обитателей этого кабинета не было новостью, что между сотрудниками местных отделов нравов и омовцами давно существовали неприязнь и разногласия. Одни, лелея, курировали сексуальный бизнес, другие — регулярно проводили операции по зачистке ночных улиц и беспощадно разгоняли все известные места скопления ночных бабочек, лишая самозванных опекунов прибылей и выручек.

Милицейская война началась с первых дней перестройки, когда только-только стали появляться предпримчивые одиночки и складываться робкие и неопытные кооперативы любви. Но уже вскоре гости и жители столицы вдруг не только узнали, но и ощутили на себе, насколько многочислен, интернационален и многолик высокопрофессиональный коллектив работ-

ниц сексуального цеха. Многим «адвокатам» и «правозащитникам» стало понятно, что столь производительный и доходный бизнес нуждался в квалифицированной опеке, и поначалу роль профсоюзных кураторов взяли на себя криминальные авторитеты. Но воры в законе быстро поняли, что договариваться и ладить с женщинами, при этом соблюдая воровские понятия, очень сложно, а потому представили дамам выгодные льготы, переведя на полный хозрасчет и самофинансирование. Попросту говоря — отпустили на все четыре стороны.

Сексуальный бизнес прочно бы занял одно из ведущих мест, если бы не постоянно изменяющийся закон о борьбе с проституцией, раз за разом перекраиваемый центральными и местными законодателями. В одном случае с дамами легкого поведения должны были бороться постовые и участковые милиционеры, в другом — сексуальные сообщества предписывалось разгонять отрядам омоновцев, в третьем, по западному образцу, по всей России при районных управлениях милиции были созданы отделы нравов, на плечи которых и была переложена обязанность перевоспитания легкомысленных девиц. И, хотя очень скоро законодатели убедились, что ночные бабочки если еще не имеют дипломов о высшем образовании, то большинство из них в свободное от работы время активно посещают студенческие аудитории, и в правовом и нравственном плане они гораздо начитаннее и образованнее самих воспитателей. Но пробел в образовании для милиционеров помехой не стал. В умах прочно обосновалась мысль, что кухарки также имеют право на управление госу-

дарством и производством. И, нисколько не жалуясь на судьбу, управление проститутками взяли на себя сотрудники отделов нравственности.

Катышев оставил шутку Золотарева на счет сухарей без внимания.

— Ничего тут нет удивительного. «Нравственники», вымарав рыло в пуху, сработали на опережение. Предположим, если бы Блинков рассказал, как его «кинули» муниципалы, то козлами отпущения оказались бы они сами.

Золотарев усмехнулся:

— Ты что же думаешь, Блинков стал бы писать заяву о том, как его надули, когда он решил воспользоваться услугами проституток?

— Я ничего не думаю. Я предлагаю план действий. Надо найти тех девиц и правдами и неправдами добиться, чтобы они забрали свое заявление.

Фочкин, закатив глаза к потолку, философски хмыкнул:

— Костя, допустим, ты смог организовать такое заявление, и теперь оно лежит в твоём сейфе. Разве ты бы с ним легко расстался?

— Смотря за сколько, — вставил Золотарев, но сам понял, что шутка оказалась неудачной.

Катышев склонился над столом Фочкина:

— Конечно, не отдал. Но пойми, Олег, это единственный выход. Нет заявления — нет дела. Бери Золотце, и сегодня же вечером езжайте, он же у нас непревзойденный специалист по женским сердцам.

— По женским сердцам, но не по проституткам!

Это большая разница! — наотрез отказался помогать коллеге Золотарев.

Фочкин, не поднимая головы, молчал.

— Ну хочешь, я с тобой поеду? — предложил Катышев.

— Ты? — На лице майора нарисовалось крайнее удивление. — Конечно, хочу!

Общим консилиумом решили, что ставить непосредственное начальство в известность о ночном инциденте пока преждевременно. А если заявление истцов ликвидировать все же не удастся, то полковник, а за ним и Князь сами узнают о происшествии. Поэтому вся надежда майора Фочкина была только на капитана Катышева.

4

План был до банальности прост. Когда Катышев по секрету поделился с Пичугиным, что вечером они с Фочкиным собираются посетить некоторые злачные места, Гриша не только согласился без разрешения полковника Полуярова покатать их на «Волге», но и предложил себя в главной роли. Уж очень ему хотелось самому пообщаться с одной из продажных женщин. По договору, вторую подружку снимает сам Катышев. Далее они везут девиц в закрома омовца Блинкова, где и должен произойти откровенный разговор по душам. Методы воздействия на свидетельниц не оговаривали, полагая, что все будет зависеть от конкретной ситуации.

По дороге Фочкин боялся лишь одного: чтобы до-

тошные клиенты не опередили их и не увезли девиц в свои апартаменты.

Его тревога оправдалась лишь наполовину. Когда Гришина машина подрулила к заветной подворотне и хозяйка заведения, пообщавшись с Катышевым, вывела на тротуар оставшийся ассортимент, в ряду оказалась только коротко стриженная Ляля. В том же самом длиннополом пальто и в тех же черных в сеточку чулках. Фочкин тут же пояснил возбужденному Пичугину, какая из девиц им с Катышевым больше всего приглянулась.

— Только одну будем брать? Нас же трое, товарищ майор! — удивился Гриша. Но, сообразив, что пассажирам в данный момент вовсе не до шуток, покинул салон.

Пичугин развязной походкой продефилировал вдоль строя, не удостоив нужную Фочкину персону даже взглядом. И только возвращаясь обратно, он остановился около нее.

— Как дела? — простецки задал он самый дурацкий вопрос и поднес к лицу девушки огонек зажигалки. — Работаешь?

Фочкин начинал нервничать. Из окна машины ему было хорошо видно презрение к клиенту, которое отразилось на лице ночной бабочки. Проститутка, знающая себе цену, в конце концов, могла послать Гришу подальше и отказаться идти в машину. Такие, как она, практически никогда не бывают в простое и всегда востребованы клиентами

— Допустим, работаю. А тебе-то что? — По всему

было видно, что клиент не производил на девушку никакого впечатления.

И Фочкин с Катышевым даже занервничали, зная, что по условиям «съемки» девица могла отказаться от первых двух клиентов. Но Гриша Пичугин уже вошел в роль, которая его все больше и больше увлекала.

— Тогда каким образом ты развлекаешься после работы? — осклабился Пичугин, довольный своей находчивостью и юмором.

— Мужик, у тебя с головой все в порядке? — с вызовом ответила девушка. — Ты вообще чего сюда приехал?

Операция была на грани срыва, и Катышев поспешил на выручку. Вынимая пачку банкнот, он направился к сутенерше. Проявляя опыт и познания в этом деле, он отсчитал три тысячи и галантно раскланялся, будто стоял не на грязной улице, а на светском балу.

— Мы эту красавицу в подарок товарищу берем. Ему сегодня тридцать лет исполняется.

Девица тут же сделала шаг назад:

— В тридевятое царство? Где еще тридцать тридцатилетних!..

Катышев улыбнулся:

— Угадала! Какой же банкет без гостей? Только там все уже с дамами. Он у нас один холостой. Робкий и неуверенный. Вот тебе и предстоит его растормошить.

Он взял ее под руку и повел к машине. Фочкин набрал номер телефона:

— Серега? Встречай, подарок везем.

Только теперь, когда Гриша взял с места в карьер, она, расположившись на заднем сиденье, бесцеремонно разглядывала рядом сидящего пассажира. Фочкин

повернулся и приблизил к ней лицо, словно давая себя хорошенько разглядеть:

— Узнала, красавица? Как жить дальше будем?

— В каком смысле? — напрягая зрение, спросила она и поняла, что рядом с ней сидит один из тех самых клиентов, которых они кинули накануне и на которых же после драки с муниципалами успели накатать заявление о попытке изнасилования.

Фочкин не стал ничего объяснять, решив отложить выяснение отношений до приезда к Блинкову.

Понимая, что ее здоровье и жизнь под угрозой, девушка испуганно заскулила:

— Что вы собираетесь со мной делать? Я отработаю!

Скорее всего, ее посетила мысль о том, что крутые парни везут ее к кому-то из них на квартиру только с целью, чтобы вернуть должок.

— В этом мы не сомневаемся, — ровным голосом, без эмоций, откликнулся с переднего сиденья Катывшев.

Блинков ожидал около подъезда. Встречая старую знакомую, он, широко раскинув руки, подошел к девушке и опустил голову ей на плечо:

— Как я тебя хотел видеть, дорогая... А где же подруга, как ее звали, Жанет?

— Востребована клиентами...

Они вошли в квартиру Блинкова. По пожелтевшим обоям на стенах и немногой устаревшей и поцарапанной временем мебели Ляля сразу догадалась, что хозяин жилища человек не только не состоятельный, но даже не дотягивает до понятия «мидл класс», на кого ориентированы секс-услуги, распродаваемые на ули-

цах и проспектах. Сразу вспомнились газетные публикации о нищих маньяках, которые жестоко расправлялись с ночными бабочками. Содрогаясь от страха, она облокотилась на стену рядом с ванной комнатой и, плотнее прижав сумочку под мышкой, взялась за ручку:

— Вы не возражаете, если я подготовлюсь? Умоюсь и подкрашусь...

— А заодно наберешь номер и пожуешься своим покровителям? — Катышев протянул руку в направлении сумочки, предлагая сдать ее на временное хранение. — С гигиеной и марафетом — еще успеешь. А пока, милочка, сядем и поговорим.

Она присела на диван — единственное спальное место в квартире Блинкова.

— Что вы от меня хотите? — В ее голосе все сильнее и сильнее проявлялась дрожь.

— Да в общем-то самую малость, — включился Фочкин. — Вы с подругой заявление о попытке изнасилования писали? Вас об этом сотрудники отдела нравов просили?

Она перевела дыхание и с тоской посмотрела на сумочку, с которой, казалось бы, и не думал расставаться Катышев.

— Там сигареты. Здесь можно курить?

Катышев услужливо открыл «молнию» на сумке и выудил пачку с сигаретами. Девушка, немного успокоившись, играла тонкой сигареткой в наманикюренных пальцах, ожидая, когда кто-нибудь из похитителей окажет услугу. Но, так и не дождавшись приступа галантности и гостеприимства, сама была вынуждена

достать из кармана зажигалку. Она выпустила струйку дыма и только потом нарисовала на лице удивление:

— Заявление? Какое заявление? Я не понимаю, о чем вы говорите, господа...

Блинков сорвался с места, ветром подскочил к ней, казалось, вот-вот готовый учинить расправу:

— Ты что, дура, не врубаешься, куда попала и с кем имеешь дело?

Фочкин тут же отстранил товарища от гостьи.

— Успокойся, Серега, не суетись. Все она понимает и сделает как надо.

— Хорошо, — вдруг согласилась она. — Мы заберем заявление. Что еще вы хотите?

Катышев посмотрел на хозяина квартиры:

— У тебя чистая бумага найдется?

Блинков вытащил из серванта ученическую тетрадь, бросил ее на диван. Катышев, услужливо протягивая карандаш, занял стул напротив девушки.

— Если вы даже сильно захотите, то заявление вам никто не отдаст. Мы поступим по-другому. Сейчас ты напишешь еще одно.

— Кому? Министру или президенту? — чтобы скрыть новый приступ волнения, она постаралась отделаться шуткой.

— Пиши, — не обращая внимания на иронию, приказал Катышев. — Начальнику службы собственной безопасности МВД России... А дальше подробно, как вы с помощью муниципалов кидаете клиентов и как они с помощью угроз заставили вас написать заявление о попытке изнасилования.

— Мы будем очень тебе благодарны, если ты честно

расскажешь о вашем тесном сотрудничестве с «нравственниками», — добавил Фочкин.

Ляля отшвырнула от себя раскрытую тетрадь:

— С ума сошли?! Они же нас живыми похоронят! Я ничего не знаю и ничего писать не буду. Я вообще человек маленький: меня выбрали, я поехала. А кто и с кем там сотрудничает, меня мало касается.

— Пока не напишешь, — отсюда тебе не выйти, — постарался напугать испуг Фочкин. — Свяжем, на хрен, заклеим пасть и наручниками прицепим к батарее. Подохнешь тут, и искать тебя никто не будет.

Катышев, не одобряя методов омоновцев, дотянулся до тетради, разгладил ладонью примятую страницу и положил ее девице на колени:

— Хорошо, Лялечка, ты пока только опровергни свое ранее написанное заявление. Итак, начальнику службы собственной безопасности...

Молящими глазами она посмотрела на Фочкина, затем перевела взгляд на Блинкова:

— Давайте я лучше отработаю. Сколько вам надо? День, два, неделю. Я ваша... Но писать ничего не буду. Хоть убейте! Впрочем, если не вы, так они убьют.

Катышев потянулся, нехотя зевнул и поднялся со стула:

— Вот еще, руки и все остальное пачкать! Отработать тебе — только удовольствие получить. Смотри, какие парни около тебя собрались! Да и убивать нет смысла. Ты и твоя подруга нам еще понадобятся. А вот заглянуть в твою сумочку не мешает. А ну, как там... Товарищ Блинков, произведите, пожалуйста, тщательный досмотр этого ридикюля!

Он швырнул сумку омовцу. Блинков, не церемонясь, расстегнул «молнию» и высыпал все принадлежности на пожеванную и давно не стиранную скатерть круглого стола. Движением руки он разгреб гору, состоящую из парфюмерных принадлежностей, упаковок с презервативами и помятых банкнот, и только потом двумя пальчиками извлек целлофановый пакетик с белым порошком. По его удивленной физиономии Катышев увидел, что он вовсе не рассчитывал найти в сумке проститутки такую значительную улику.

— Вот! — только и нашелся, что сказать, Блинков, не выпуская из пальцев пакетика.

Фочкин и Ляля также не сводили глаз с неожиданной находки.

— Что это такое? — в свою очередь изумился Катышев и, требуя объяснения, повернулся к госте.

— Я не знаю, у меня этого не было, — хрустнув пальцами, чуть слышно ответила она и тут же соскочила с дивана. — Это вы подбросили!

Не обращая внимания на истерику, Катышев, выхватив пакетик из рук Блинкова и тут же открыв, сунул в него кончик носа:

— Кокаин. Ей-богу, кокаин. — Он поддел пальцем порошок и прикоснулся им к языку. — Чистый кокаин!

— Граммов десять — пятнадцать — целое состояние! — оценивающе глядя на пакетик, сказал Фочкин. — Тысячи на полторы долларов и годков на пять тюрьмы потянет.

— Не было у меня никакого кокаина, я вообще никогда не употребляла наркотики! — продолжала истерику Ляля.

— Мы тебе верим! Сама не употребляла — другим продавала, — ответил Катышев и обратился к Блинкову: — Сергей, найди понятых, будем оформлять.

Ляля кинулась с ногами на диван, забилась в угол и закрыла лицо ладонями:

— Суки вы, менты поганые, сволочи!

— Кого ты, дорогая, имеешь в виду? — постарался уточнить Фочкин. — Нас или тех, кто тебя под клиентов подкладывал и заяву заставил написать? Так мы тебя пока и пальцем не тронули!

Она убрала ладони, размазывая по щекам тушь и губную помаду, затравленно посмотрела на Фочкина:

— И те сволочи, и вы не лучше, раз действуете такими методами. Это же подстава!

— Так и ты нас подставила! Разве не так? — с рассеянной улыбкой произнес Блинков.

Она резко соскочила с дивана, прошла к столу и, заняв единственный стул, требовательно сказала:

— Бумагу дайте, что надо писать? Завтра же уеду из этой Москвы!

— Вот это совсем другой разговор, — подкладывая тетрадь, сказал Катышев и обратился к Фочкину: — Диктуй, Олег, как было дело...

Она писала широко, но быстро, порой Фочкин и Блинков даже не успевали сформулировать мысли. В течение часа добрая половина ученической тетрадки была заполнена ее почерком. Расписавшись под заявлением, она швырнула карандаш на стол и устремила неподвижный взгляд в ночное окно, не удостоившееся в этой квартире даже простых занавесок.

— Вы бы, менты, между собой сначала разобрались!

Ишачим на вас, как проклятые, обслуживаем, ублажаем, а вы даже наш заработок между собой поделить не можете. Хотя, по большому счету, вы те же проститутки, только в погонах и с пистолетами.

— Ты с обвинениями осторожней, подруга интимного фронта! — вспыхнул Блинков.

— Не сомневайся, Ляля, — махнув в сторону Блинкова и нежно взяв тетрадь, ответил Катышев, — вот теперь мы, менты поганые, все по-братски и поделим. Каждый получит свою долю от вашего нелегкого бизнеса.

Она поднялась:

— Я свободна?

— В принципе, у нас больше нет оснований тебя задерживать, — посмотрел ей в глаза Катышев. — Ты хотела покинуть Москву?

— Надо паспорт у мамки забрать, — в ее голосе появилась тревога и безнадежность. — Только она не отдаст. Как всегда, скажет, что я свой хлеб еще не отработала.

— А кто такая твоя мамка? Как ее зовут? Фамилия, имя, отчество... — спросил Фочкин.

Девушка скривила губки и передернула плечами:

— Мамка-Танька. Вот и все. А как фамилия и отчество? Зачем нам это? У нас не принято фамильярничать...

— Это та, с которой мы расплачивались?

— Нет, это попка. Местный менеджер. Мамка-Танька — там! — Она показала пальцем в потолок.

— И где живет, не знаешь?

— Она нас к себе в гости не приглашает. Правда,

ходит слух, что когда-то работала в детской комнате милиции.

— В детской комнате милиции? — нисколько не поверил в слова девушки Блинков. — Выдумают же!

— Всякое в этой жизни случается, — отозвался Фочкин. — А где ваш бордель находится, в который мы так с вами и не доехали?

— В Грузинском переулке, — промолвила она и тут же поникла.

— Ну дальше, дальше, номер дома, квартиры... — Фочкин достал из кармана листок, уже готовый записывать.

Она неохотно назвала адрес.

— Твой паспорт мы сами заберем, — вклинился в разговор Катышев. — А Мамке-Таньке своей, как и всем остальным сутенерам, пока лучше вообще на глаза не показывайся. Завтра этому заявлению будет дан ход, и покровители из отдела нравов постараются с тобой выяснить отношения. Сама понимаешь, для тебя это не только нежелательно, но и чревато последствиями. Тебе есть где перекантоваться недельку?

Она неуверенно дернула плечиками:

— Мы с Жанет квартиру снимаем на Белорусской.

— Пусть здесь остается, — сказал Блинков. — Апартаменты, конечно, не роскошные, но крыша не протекает. Спать можно!

— С тобой, что ли? — с вызовом спросила Ляля.

— Да нет, подруга, даже если ты мне предложишь, я с тобой и за твои деньги не лягу. Располагайся здесь, в комнате, а я у соседа раскладушку попрошу и в кухне устроюсь.

— И вот еще что, — положив руку на плечо девушке, сказал Катышев. — Ты своей подруге-то позвони, пусть она тоже, от греха подальше, к тебе в гости приезжает.

Они вышли на лестничную площадку, оставив девушку одну.

— Позвонит подруге-то? — вглядываясь в темноту лестницы, засомневался Фочкин.

— Впечатление полной дуры она не производит. Если они действительно хорошие подруги, то обязательно позвонит, — нисколько не сомневаясь, ответил Катышев.

— На наркоманку она тоже не смахивает, но ведь кокаин с собой таскает, — слышался из темноты голос Блинкова, решившего проводить товарищей до машины.

Оказавшись под светом уличного фонаря, Катышев вынул из кармана пакетик с белым порошком, открыл и под удивленные взгляды коллег высыпал все содержимое в рот. Сглотнув «кокаин», он улыбнулся:

— Даже сахарная пудра считается белой смертью. Надо пить только натуральные соки, господа.

Гришу Пичугина, который залихватски храпел в машине, пришлось потревожить. Протерев глаза кулаками и сладко позевывая, он выскочил из машины, чтобы размять тело.

— Ну как девочка? — спросил он. — Достоинно работает?

— Бесподобно! — решил за всех ответить Фочкин и, скосив глаза на светящиеся окна квартиры Блинкова, протянул ему руку. — Ты уж там особо-то не увлекайся!

— А почему бы не совместить приятное с полезным? — улыбнулся Катышев, занимая переднее сиденье в машине. — Насколько мне известно, товар давно оплачен...

— Ну ее к лешему! — не поняв шутки, отмахнулся Блинков. Он тоже поднял голову вверх на соседние со своей квартирой окна. — Жалко соседа будить. Придется обойтись без раскладушки и устроиваться на старых бушлатах...

5

Восемьдесят процентов всех расследований, которые по заявлениям и жалобам граждан проводились сотрудниками службы собственной безопасности, как правило, касались нарушений законности и злоупотреблений служебным положением со стороны работников милиции. И только лишь в одном из пяти случаев обращения за помощью от эсэбэшников требовалась защита самого милиционера. Но таких происшествий становилось все меньше и меньше: время разгула преступных группировок, когда бандиты, почти не скрываясь, угрожали и охотились на мешавших их деятельности сотрудников правоохранительных органов, уходило в прошлое.

В то же время правительство и народные законодатели, ссылаясь на мнение народа и заказы избирателей, настоятельно требовали от сотрудников силовых ведомств, чтобы они скрупулезнее и тщательнее отслеживали интересы государства. Но, анализируя создавшуюся обстановку, начальник управления ССБ гене-

рал Милославский и начальник оперативного отдела полковник Полуяров все больше и больше приходили к мнению, что эти самые государственные интересы начинали здорово совпадать с личными и корпоративными интересами сотрудников правоохранительного ведомства. Такого массового присутствия силовых структур вокруг различных отраслей бизнеса никогда не было. Конечно, на этот счет у них имелось самое примитивное объяснение. Оба, когда произносили присягу, обязались служить верой и правдой совершенно другому государству, которому не было необходимости привлекать людей в погонах к охране коммерческих интересов, так как интересы были народными. А само государство по закону преследовало самопальных бизнесменов и предпринимателей.

Но ни в одном докладе, ни в одном заявлении, кроме внутриведомственных засекреченных сводок и смелых газетных статей, не сообщалось, что многие управления милиции давно уже перешли на хозрасчет, днем и ночью, официально и тайно выстраивая собственные финансовые структуры. Каждое управление имело свой кусок пирога и тщательно оберегало его от вмешательства проверяющих органов, и главным образом от вторжения сотрудников собственной безопасности.

То, что эсэбэшников недолюбливал остальной милицейский мир, не знал разве что необразованный лимитчик, приехавший в Москву из забитой деревни посмотреть на большой город, поносить на груди автомат Калашникова, пощеголять по улице с кобурой на поясе, а заодно выиграть жетон на бесплатный проезд в городском транспорте да лишние две-три тысячи руб-

лей по сравнению с его прошлой, провинциальной зарплатой.

А потому генералу Милославскому и полковнику Полуярову приходилось лишь фиксировать, что подставы их сотрудников случались все чаще и чаще.

Полуяров исподлбья бросил взгляд на понурившегося Фочкина, который с опущенной головой, словно раскаявшийся преступник, сидел напротив него, пока единственного и главного судью, и, не зная с чего начать разнос, перекадывал файлы с бумагами и отчетами с одного края стола на другой. Воспитанный в советском духе и как бывший коммунист, Полуяров нисколько не сомневался, что головомойку проштрафившемуся подчиненному устроить просто необходимо. Но в то же время он знал, что майор Фочкин уже внутренне настроился на разнос и сейчас сидит на стуле в ожидании того, что вскоре все это закончится и он получит от Полуярова соответствующие приказы и наставления о том, как поступить и каким образом действовать дальше. В конце концов, когда, как ему казалось, очень-очень давно Полуяров сам был молодым, и, чего греха скрывать, он также не отличался идеальным поведением. И никогда в жизни он, теперь уже полковник Полуяров, не забудет того дня, как в его запертый кабинет, где они с коллегой наслаждались обществом двух прекрасных созданий, старались попасть начальник управления и члены министерской комиссии, нагрянувшие с внеплановой проверкой. И только когда до них донеслась угроза о ликвидации входной двери, пришлось спешно ретироваться. В тот памятный вечер дежурный состав управления мог воочию лицезреть,

как из окна третьего этажа по водосточной трубе разом спускались работники убойного отдела, своими действиями поощряя на героический поступок боевых подруг. Причем порывы летнего ветра даже фиксировали, что обе девушки или не успели надеть, или вовсе никогда не носили нижнего белья.

Первым не выдержал и нарушил молчаливую дуэль Фочкин. Не поднимая головы, он невнятно пробубнил сначала о том, что такое больше никогда не повторится. Затем, сбившись на лепет и с трудом подменяя разнообразие необходимых в данном случае ругательств на однозначное и официально разрешенное «блин», которое так любила употреблять его дорогая теща, рассказал, как облапошили, а потом и подставили их сотрудники муниципальной милиции, на защиту которых почему-то встали «нравственники». Из всего сказанного полковнику больше всего пришлось по душе слова, что виновники уже нашли выход из созданной ими же ситуации и теперь готовы действовать.

Полуяров, уже начавший было заново перекладывать файлы, вдруг отбросил в сторону папку и забарабанил пальцами по столу:

— Вот что я тебе скажу, майор! Я, конечно, понимаю, что русский раздолбай славится своим умением находить выход из самых трудных ситуаций. Но мне также известно, что более всего он славится своим умением находить туда вход!

Фочкин впервые поднял голову и посмотрел на непосредственного начальника, стараясь по его лицу определить, с шутки ли началась воспитательная работа или с оскорбления. Но оно было непроницаемым. И толь-

ко по тому, как все громче и громче пальцы полковника отстукивали мелодию походного марша, майор понял, что Полуяров уже раздумывает о дальнейших действиях.

— Ты не радуйся, — сказал он, стараясь разгладить ладонью складки на лбу, — к вашим ночным похождениям мы еще обязательно вернемся. Хотя как раз эти самые похождения и можно будет повернуть в нашу пользу.

Он перестал выстукивать, взял в руки файл и вытащил из него несколько листов.

— Заявление от девицы вы получили? Здесь, — помахал он листками, — есть еще несколько жалоб о противозаконных действиях сотрудников отделов нравов. Правда, далеко не убедительных. Но что уж есть! Сегодня же я переговорю с Князем и, думаю, добьюсь разрешения на проведение расследования. Тема, конечно, скользкая. Навряд ли ее одобрят в министерстве.

— Куда интереснее по одному вылавливать мелких взяточников-гаишников, — вздохнул Фочкин. — В нашей стране ведь секса нет, есть только проституция!

Полуяров не обратил на иронию майора внимания.

— Кстати, я надеюсь, вы позаботились о защите этих девчонок?

— Обижаете, товарищ полковник. Но пока только одной, — настроение майора улучшалось. — Ей предоставлены отдельные апартаменты со всеми удобствами и надежной охраной в лице капитана ОМОН Блинова.

— Надо полагать, твоего дружка, который и втянул тебя в эту историю?

— У меня своя голова на плечах, — постарался защитить Блинкова майор.

— Задница у тебя вместо головы! А где вторая девица?

Фочкин пропустил оскорбление в свой адрес мимо ушей и посмотрел на часы:

— Я думаю, товарищ полковник, что и подружка если уже и не находится на конспиративной квартире, то через час-другой непременно там будет. По крайней мере, задержанная сама изъявила желание связаться с партнершей и предупредить ее об опасности.

— Уверен? — Полуяров поднялся и подошел к окну. — А если она ей не позвонила? Или того хуже, о месте пребывания девушки стало известно сутенерам и, соответственно, их кураторам — муниципалам?

— Вы хотите сказать, что они тут же постараются напроситься в гости?

— Именно это я и имею в виду.

— Тогда их радушно встретит капитан Блинков.

— Твоему Блинкову радоваться рано. Мне уже звонил командир отряда ОМОН полковник Журбин. Парня могут просто выгнать из органов. Несмотря на его боевые заслуги. Так что, майор, погуляли вы славно...

6

Блинкова разбудила модная мелодия сотового телефона, доносившаяся из комнаты. И, хотя аппарат настырно и громко наигрывал бандитский марш уже в течение пяти минут, гостя, занявшая старенький диванчик хозяина квартиры, просыпаться не спешила. Блинков откинул шинель и, изогнувшись,

прыжком встал на ноги, надеясь с помощью шума разбудить гостью. Громкий стук пяток и скрипучие половицы не возымели никакого результата. Тогда он, сладко потянувшись, снял с плиты чайник и сделал несколько больших глотков воды, с лязгом водрузил его на прежнее место. Мелодия телефона не умолкала. Чертыхнувшись, он не стал утруждать себя натягиванием штанов и футболки и в одних трусах направился в комнату. Подняв аппарат с пола, он легко толкнул им с головой накрытую одеялом спящую красавицу. Тело недовольно застонало и зашевелилось. Край одеяла медленно сполз вниз, и в мощную фигуру Блинкова вцепились два снайперских глаза. Не обращая внимания на вытянутую с телефоном руку, девица улыбнулась и подвинулась к стене.

— А ты, мужик, хоть куда! — словно заманивая его к себе, проворковала она. — Ну ложись, если уже разделся.

Блинков криво усмехнулся:

— Телефон-то возьми, может быть, подруга твоя объявилась.

— Успеется, — ответила Ляля и отбросила край одеяла.

Увидев во всей красе нагое тело, Блинков лишний раз смог убедиться, как в здоровом теле моментально просыпается здоровый дух. Нелепо было, стоя перед диваном, демонстрировать девице, как этот самый дух крепнет и овладевает им все больше и быстрее. Смутившись, чего никогда от себя не ожидал, он опустил ся на край дивана, не выпуская их рук уже примолкший аппарат. Торжественная мелодия смолкла, насту-

пили секунды вручения награды. Он почувствовал, как легкие, но настойчивые руки обвили его шею и принудили опустить голову на единственную подушку. И он не стал отказывать себе в удовольствии, лишь вспомнив в шутку оброненные слова Катышева о давно оплаченной услуге. Острые укусы змеи, выразившиеся в чувствительных прикосновениях губ к его телу, он сначала ощутил на плечах и шее. Но с каждым мгновением жало впивалось все ниже и ниже...

Затерявшийся в постели телефон вновь дал о себе знать, когда все закончилось. Блинков ощутил, как медленно соскользнула с его груди гибкая змея, как вдруг раздвоилась и потом и разделилась еще на несколько частей, как, извиваясь, ползали скользкие руки и пальцы под одеялом, натыкаясь на чувствительные части его тела. Он даже напрягся, готовясь принять новую порцию яда вождения. Но все вдруг остановилось, и он понял, что в этот раз змея искала вовсе не то, что ему чудилось и хотелось. Где-то вдалеке он услышал реальный хриплый голос:

— Это ты, Женька? Ты где?

Блинков сбросил ноги с дивана, понимая, что теперь уже все закончилось навсегда.

— Пусть срочно едет сюда, — сказал он уже совсем ровным голосом, будто не пол часа назад, а только что вошел в эту комнату.

Назвав свой адрес и ближайшую станцию метро, он устремился на кухню, где все еще валялась на полу походная постель. Сдвинув ногой кипу одежды в сторону, он непроизвольно открыл дверцу холодильника, понимая, что полки его давно пусты, и даже разинув-

шая пасть хлебница напоминала, что кормить гостей ей абсолютно нечем.

— Жанет будет здесь через пару часов, — услышал он за спиной голос Ляли.

Он повернулся, механически посмотрел на завернувшуюся в простынь подругу, теперь даже нисколько не ощущая, что перед ним находится представитель противоположного пола довольно недурной внешности.

— Очень хорошо, — кивнул он в ответ. — Тогда я успею слетать хотя бы в булочную.

— Только в булочную? На завтрак неплохо было бы выпить бокал вина и съесть что-нибудь вкусненькое.

— Вино и шоколад по инструкции не предусмотрены, — сухо отрезал он.

— По какой еще инструкции? Я ведь не в тюрьме? — В ее словах послышалось неподдельное удивление. — Теперь, красавчик, ты меня не только оберегать должен, но и лелеять и боготворить.

Не обращая внимания на разглагольствования девчонки, Блинков склонился, чтобы надеть ботинки.

— Ах какая же я дура! Теперь все понятно! — Она тут же выскользнула из кухни и уже через секунду снова стояла перед ним. В пальцах вытянутой руки зеленела купюра. — Вот возьми. Я забыла, что полный пансион мне не обещали.

Он выскочил из подъезда и чуть было не попал под колеса микроавтобуса. Выяснять отношения с водителем не очень-то хотелось. И, хотя водила двумя колесами медленно ехал по пешеходному тротуару, Блинков также был не в меру внимательным. Он лишь стряхнул с куртки грязь, которая осталась на рукаве

после легкого удара о борт машины, и заспешил в сторону площади, на которой располагались знакомые ему торговые точки.

Близлежащие пункты обмена валюты, словно сговорившись, были закрыты. И, чтобы обменять сто долларов, выделенные узницей на покупку завтрака, Блинкову пришлось сделать кросс по городским улицам. Тем не менее двадцати минут ему хватило, чтобы успеть разменять деньги, сделать необходимые покупки и выполнить персональный заказ.

Микроавтобус — только теперь Блинков заметил, насколько он был грязным, — стоял около подъезда на том самом месте, где накануне вечером припарковалась «Волга» Гриши Пичугина. Единственный чистый след на борту, оставленный рукавом Блинкова, говорил о том, что первоначальный цвет автомобиля был изумрудным. Профессионально бросив взгляд в сторону номерных знаков, Блинков их не обнаружил по той же самой простой причине — судя по всему, машину давно не мыли. Встретив такой заляпанный грязью автомобиль на Кавказе, Блинков, несмотря на тамошнее бездорожье и разруху, все равно придал бы этому факту определенное значение. Но здесь, при полной столичной демократии и вседозволенности, обращать внимание на грязные номера было бы излишним. Тем не менее Блинков, седьмым чувством ощущая что-то недоброе, поднимался к себе на этаж перепрыгивая через две ступеньки. Он вставил ключ и уже готов был подтолкнуть дверь плечом. Но неожиданно для него она резко раскрылась, и в проеме он увидел двух плечистых мужчин. Один — высокий, рябой и ушастый.

Другой, роста небольшого, но крепко сложенный, легко запоминался чрезвычайно острым подбородком. Словно и не подбородок это был вовсе, а бронзовый крюк.

— А вот и хозяин, — сказал ушастый и приветливо улыбнулся. — Здравствуйте. Мы вас уже давно ждем. Проходите, не стесняйтесь...

Последнее, что услышал Блинков, был звон разбившейся бутылки, пакет с которой он выронил после того, как второй гость высоко подпрыгнул и ударил его ногой в шею.

А потом ему показалось, что на очередных учениях их подразделение заставляют переправляться вброд через какую-то холодную речушку, но, когда он открыл глаза и ощутил, что сидит в старом родительском кресле, сразу увидел того самого битюга с оттопыренными ушами. Он не успел вымолвить и слова, как парень в очередной раз окатил его водой из ведра. Блинков попытался вскочить, но тут же мощным ударом кулака в челюсть снова был вмят в спинку кресла. Только теперь он ощутил, как неподатливы «браслеты» на его запястьях.

— Продолжаем водные процедуры, — расположившись по всей ширине дивана, нараспев произнес скуластый.

Блинков, оправившись от удара, постарался оглядеться. За исключением двух мордovorотов, в квартире больше никого не было. Теперь он нисколько не сомневался, что пассажиры грязного микроавтобуса находились перед ним, а Ляля, которую увел кто-то третий, скорее всего, уже дожидалась их в салоне машины.

Скуластый поднялся с дивана и, склонившись над Блинковым, вполне миролюбиво произнес:

— Если ты человек разумный, мент, я думаю, мы сможем быстро договориться. Твои дружки отдают нам заявление, которое написала эта проститутка, и мы, не причинив тебе вреда, быстро прощаемся.

— И как вы представляете себе такой обмен?

— Что может быть проще? — В руке незваного гостя появился уже знакомый Блинкову Лялин телефон. — Набираем номер, и ты говоришь коллегам, чтобы они отдали заяву. Курьера мы подошлем. После чего продолжаешь оставаться в этом кресле, а мы, как только бумага окажется у нас, — «гуд бай». Навсегда помашем тебе ручкой. Только, во избежание последующих неприятностей, не надо уточнять, что в данный момент мы находимся у тебя в гостях.

В дополнение угрозы непрощеный гость вытащил из кармана электрошок и нажал на кнопку, демонстрируя эффект от его воздействия.

Блинков напряг мускулы, словно еще раз решив усомниться в крепости наручников. Собеседник не мог не заметить его порыв.

— Не дрыгайся, мент. Все выполнено по тем же правилам, которыми ты и сам никогда не пренебрегаешь.

— Вы что же, тоже из органов? — выразил свою догадку вслух Блинков.

— Мы все из органов и плоти. Какая тебе разница? Говори номер и кого позвать. А потом мы тебе трубочку поднесем.

Что-то предпринимать в его положении было бессмысленно, и теперь Блинков лишь мог надеяться, что

майор Фочкин и его коллеги из оперативного отдела разберутся в создавшейся ситуации и обвести их вокруг пальца не удастся.

— Годится, — кивнул он и назвал номер.

Хотя был готов к тому, что, как только он свяжется с эсэсбэшниками и передаст просьбу гостей, его тут же препроводят в тот самый грязный микроавтобус и, в лучшем случае, будут возить по городу до тех пор, пока написанное Лялей заявление не окажется в руках похитителей.

Верзила быстро набрал названный номер, дождался, пока включится абонент, и тут же вложил трубку в руки Блинкову. Нерасторопный узник позволил аппарату проскочить сквозь пальцы. Телефон, упав на грубую кожу ботинка, лягушкой отпрыгнул под кресло. Омоновец, не оставляя кресла, с трудом постарался склониться, чтобы самому поднять трубку, но лопухий согнулся первым и... тут же получил резкий удар коленом в челюсть. Чтобы не нарваться на оплеуху справа, откуда с дивана соскочил скуластый, Блинков, увлекая за собой кресло, повалился на бок. Добротно сработанное кресло, защищая его тело, ошетинилось ножками, в одну из которых и пришелся удар ногой соперника. Теперь оставалось лишь быстро подняться и пусть в наручниках, но уже на ногах оказаться перед стоящими противниками. Откинувшись на плечи, Блинков сделал взмах ногами и, как искусный гимнаст, вскочил на ноги. В ту же секунду мощнейший удар противника пришелся в живот Блинкова, но не смог свалить его обратно на пол. От второй зуботычины омоновец не только смог уклониться, но и захва-

тить локоть неприятеля. Вражеская рука оказалась зажатой под мышкой. И если от приемов рукопашного боя пришлось отказаться, то действия ногами, ничем не скованными, никто не запрещал. Блинков уже ничего не рассчитывал, а действовал как автомат. Он лишь понимал, чем быстрее его соперники останутся без сознания, тем быстрее он сможет спуститься вниз к микроавтобусу. Уворачиваясь от выпадов соперников, он смог носком ботинка добраться до виска одного из них и даже проводил взглядом, как отлетало грузное тело в сторону окна. Но звон вдребезги разлетавшегося стекла сплелся со звоном в голове. Он мешком рухнул на пол, уже не чувствуя боли от пинков.

7

Олег Фочкин бросил трубку и резко отодвинул телефонный аппарат в сторону. Ему удалось дозвониться лишь до дежурной медсестры из приемного покоя и узнать, что его друг и боевой товарищ Серега Блинков был доставлен в больницу в бессознательном состоянии и сразу направлен в операционное отделение. Но сколько он ни пытался пробить телефон ординаторской, чтобы узнать, как прошла операция, ему это так и не удалось. Каждый раз аппарат огрызался короткими гудками, и майор Фочкин пришел к выводу, что на другом конце провода кто-то один из самых заботливых медиков попросту сбросил трубку с рычага.

— Надо ехать в клинику, — сказал он и с мольбой в глазах посмотрел на Золотарева.

Капитан, обложив стол сводками последних происшествий и не отрываясь от экрана монитора, даже не повернул головы в сторону майора. Куда интереснее были данные, представленные в Интернете:

— Профсоюз проституток в Центральном округе готов бороться за свои права...

— А если твой Блинков до сих пор не пришел в сознание, что даст этот визит? — не обращая внимания на Золотарева, спросил Катышев.

— Что ж, тогда приметы налетчиков у соседей Блинова надо расспрашивать? — высказал предположение Фочкин.

— По неофициальным данным, в Центральном округе, — снова включился Золотарев, — насчитывается около пятисот фирм, в которых трудится около десяти тысяч падших женщин. И если предположить, что на каждые десять человек имеется один куратор в милицмейской форме...

— Да заколебал ты, Золотце! Тоже мне профсоюзный статистик! — осудил коллегу Катышев. — До каждого куратора еще добраться надо!

— Тогда объясни, как ты собираешься это сделать? — Золотарев перевел взгляд с экрана на Катышева.

— Лучше всего, мне кажется, начать с главной сутенерши. Если мне не изменяет память, ее Мамкой-Танькой называют?

Фочкин, вспомнив о записанном адресе борделя, похлопал по карманам пиджака. Тут же извлек листок и нервно развернул его:

— Грузинский переулок... Едем, Катышев? — Май-

ор с грохотом выскочил из-за стола, готовый сломя голову бежать по указанному адресу.

— Как же! Она вас там с распростертыми объятиями ждет не дождется, — гоготнул Золотарев. — И гадать не надо, что с твоим Блинковым ее ребятки поработали. Даже если бы они учинили расправу не над омоновцем, а над обычным клиентом с улицы, не прикрыть притон было бы верхом безумия или наглости.

— Но что-то делать надо! Не сидеть же на месте! — голос Фочкина можно было услышать даже в приемной начальника управления, которая располагалась этажом выше.

— Чего ты орешь? — не глядя на Фочкина, негромко отозвался Катышев. — В принципе, наш Золотце прав. Но проверить адресок не помешает. Кстати, Коля, пока мы с товарищем майором будем заниматься обследованием сонма разврата, свяжись с нашими министерскими кадровиками.

— На предмет?

— На предмет Мамки-Таньки. Чем черт не шутит, вдруг она и в самом деле работала в детской комнате милиции? Копни последние пять лет, может быть, и найдется уволенная Татьяна.

— Как прикажете, гражданин нена начальник, — согласился Золотарев.

— Золотце, милый, — тут же взмолился Фочкин, — и постарайся прозвониться в больницу к Блинкову.

— Есть, товарищ майор, — накрыв макушку ладнью левой руки, Золотарев поднес к виску правую.

Дом в Грузинском переулке оказался дореволюционной постройки. В четыре этажа, аккуратный, под-

крашенный, видимо, совсем недавно отреставрированный. На подъездной двери бронзовел до блеска начищенный кодовый замок. Сразу набирать номер необходимой квартиры оперативники посчитали идеей глупой. На счастье, дверь открылась и в проеме появилась упитанная тетка средних лет, с ярко накрашенными губами и широко подведенными ресницами. Она, загородив проход, без смущения, нахально разглядывала незнакомых в полном соку мужчин, видимо, прекрасно понимая, куда и к кому они держали путь. От радостного нетерпения, что они попали вовремя и по нужному адресу, Фочкин даже толкнул Катышева в бок. Но тетка все еще стояла в проходе.

— Вы туда или сюда? — вежливо спросил Катышев, в то же время стараясь прошмыгнуть в подъезд.

Но женщина вдруг навалилась и прижала капитана к косяку двери:

— Я-то не туда и не сюда. Я здесь живу. Это вы явились, чтобы туда-сюда...

— А вы что, мамаша, председатель домового комитета?

— Какая я тебе мамаша?! Ну-ка валите отсюда подобру-поздорову, а не то я сейчас в милицию-то позвоню! — Для убедительности она вытащила из кармана сотовый телефон. — Наш участковый просил докладывать о всех гостях восьмой квартиры!

— А почему вы вдруг решили, что нас интересует именно восьмая квартира? — нагло улыбнулся Фочкин.

— Она не только вас интересует. Тут перебивало много желающих — туда-сюда!

Тетка, не сдвинувшись с места и нисколько не остерегаясь за свою сытную жизнь и непомерное здоровье, поднесла телефон почти к носу и, не прекращая пугать участковым, принялась тыкать пальцем в кнопки.

— Не трудитесь, мамаша, — Катышев достал удостоверение. — Мы как раз и есть из милиции.

Экзальтированная дама, скрупулезно изучив документ, сделала шаг назад, пропуская мужчин в подъезд.

— Только вы, товарищи милиционеры, приехали поздновато. Бордель закрылся еще вчера вечером. Съехали все девочки и мальчики.

— А вы почему знаете? — удивился такой оперативной информированности Катышев.

— Да потому, что я и есть самый настоящий председатель домкома. Утром приезжал хозяин, осмотрел свою квартиру и остался доволен.

— Вы — председатель домкома? Шутить изволили? — не смог сдержать смеха Фочкин.

— А что тут такого? Не похожа, что ли?

— Я вообще-то не ведаю, как могут выглядеть домкомы. Но первый раз вижу официальное лицо, которое находится в курсе того, что на протяжении долгого времени в подведомственных пенатах функционирует самый настоящий притон разврата и говорит об этом так спокойно. Вот что меня очень настораживает, уважаемый домком. — Лицо Фочкина стало серьезным, как у судьи во время вынесения приговора.

Ни слова осуждения, ни строгий тон Фочкина не вывели женщину из равновесия. Прежде чем ответить, она достала носовой платок и, накрутив его на толстый

палец, вытерла уголки губ. Видимо, чувствовала, что при разговоре толстый слой помады расползлся.

— Ты, мил-человек, меня не учи, как надо поступать. Там не шумели, там не буянили, хлопот никому из жильцов не доставляли. Там тихо, как бы это сказать, развлекались. Мужчины и женщины. Это раз. — Она снова принялась вытирать губы.

— А два? — поторопил Катышев.

— А два — от таких притонов нашей родной милиции бывает только польза.

— Вот как? — даже раскрыл рот Фочкин, готовый тут же узнать о материальной выгоде участкового.

— Я читала, что до революции и в первые годы советской власти, когда притоны и бордели считались прибежищем криминала, милиция извлекала из этого немалую выгоду. Ведь были и осведомители. Или я не права?

— Вы что, тоже служите по совместительству? И домком, и осведомитель?

Пожевав губами и удостоверившись, что лишней помады больше нет, тетка даже закокетничала и манерно задвигала объемными плечами.

— О всех незнакомых мужчинах, которые навевались в восьмую квартиру, я по мере возможности сообщала нашему участковому Петру Семеновичу Коноваленко. Он мне за это даже премию по сто рублей трижды вручал.

— За доносительство, — поправил Катышев.

— Как вы вульгарны, молодой человек! Что за слово такое?! — сморщилась домком. — За оперативную информацию!

— Значит, и товарищ Коноваленко знал, что в восьмой квартире функционирует притон?

— И мне, и участковому хорошо известно, что квартира по всем правилам закона сдавалась в аренду.

— И все остальные жильцы об этом знали?

— Кто хотел, тот и знал. И, если быть до конца откровенной, ваш Коноваленко и без моих сообщений в нее чуть ли не каждый вечер заглядывал.

— Зачем? — тут же выстрелил вопросом Катышев.

— Как зачем? Для порядка. Документики у гостей и девочек проверить.

— А кто арендовал квартиру?

— Довольно порядочная женщина. Моих лет. Светленькая, зеленоглазая. Ямочки на щеках. Татьяной Федоровной ее звали. Она меня даже шоколадными конфетами угощала. Фамилия у нее странная, не могу вспомнить. То ли Чермшинова, то ли Черемнова... Но Коноваленко наверняка знает. Хотите чаю, товарищи милиционеры?

Фочкин посмотрел на Катышева, понимая, что надо тотчас же соглашаться. Всезнающая тетка могла пролить свет и на многие другие щекотливые вопросы. Но Костя, о чем-то раздумывая, медлил с согласием.

— А как вас зовут? — наконец спросил Катышев.

— Варвара Леонидовна Прияткина. — Они впервые увидели, как расплылась в улыбке информированный и всегда готовый помочь следствию домком.

— Дорогая Варвара Леонидовна, — взяв ее ладонь в руку, нежно сказал Катышев, — мы к вам еще обязательно заглянем на чашечку чаю. Но сейчас хотелось

бы повидаться с коллегой, участковым Коноваленко. Где его участок, не подскажите?

— Понимаю, понимаю, — закивала расплывшаяся от нежности женщина. — Надо ковать железо, пока оно горячо. Его каморка в подвальном помещении соседнего дома.

Они вышли на улицу и направились в указанном домкомом направлении. Дверь, окованная оцинкованной жестью, оказалась закрытой. Фочкин, скорее для профилактики, несколько раз стукнул в нее кулаком.

— А ты знаешь, Костя, почему этот самый Коноваленко каждый вечер наносил визит в бордель?

Катышев поднял глаза:

— Майор, тебя только теперь эта мысль осенила? То, что он туда за зарплатой бегал, и коню понятно. Больше того, я уверен, что не кто-нибудь, а именно он предупредил неизвестную нам Татьяну Федоровну о том, чтобы она скорее сматывала удочки.

— Ты думаешь?

— Я уверен. Мало того, он, чтобы не выпускать столь ценный притон со своего участка, мог подыскать в своем же районе и другую квартиру для разврата.

...Золотарев сиял как утреннее солнце. По мрачным лицам товарищей угадав, что они вернулись не солоно хлебавши, он закинул ногу на ногу и откинулся в кресле, демонстрируя успех и превосходство.

— Ну что, неудачники? Не я ли вам говорил, что визит в бордель — дело пустое!

Фочкин стянул с головы вязаную шапочку, шмыгнул носом:

— Я бы не сказал, что мы прокатились зря. Из больницы по Блинкову никаких сведений нет?

— Будет жить твой Блинков. Только пока в сознание не приходил. Но у меня есть куда более занятые сведения.

Катышев, не скрывая усмешки, посмотрел на Золотарева:

— Хочешь сказать, что поймал удачу за хвост?

— Допустим, поймал.

— Тогда особо-то не обольщайся. Потому что стоит она к тебе задом! — Катышев повесил куртку и прошел к столу. — Ну говори, не тяни резину!

— Мамка-Танька, — фальшиво демонстрируя обиду, сделал паузу капитан. — Не кто иная, как бывший старший лейтенант детской комнаты милиции Восточного округа — Татьяна Федоровна Черемисова. Два года назад она была уволена из органов внутренних дел в связи с окончанием срока контракта. Это официальная версия. А на самом деле ее попросили за разврат малолеток.

Фочкин выпучил глаза, склонился над столом Золотарева:

— Что, натурально развращала?

— Да нет, все гораздо проще. Она продавала владельцам порносайтов фотографии обнаженных подростков, которых сама и снимала в душевых комнатах детских распределителей.

— Значит, специализацию после увольнения не только не оставила, но и занялась реализацией живого товара, — сделал заключение Катышев. — Надеюсь, домашний адрес мамки тоже выяснил?

Золотарев, не говоря лишних слов, бросил на стол коллеги блокнот, на раскрытой странице которого крупным почерком был зафиксирован адрес сутенерши.

— Надо брать, сейчас же! — первым заглянув в блокнот, сказал Фочкин.

— Ни в коем случае, майор, — войдя в кабинет незамеченным, охладил пыл подчиненного Полуяров. — Притащите вы ее сюда, а она посмотрит на вас невинными глазами и ужаснется: какие девочки, какой бордель? А вот если втихаря понаблюдать за мамкой, то приведет она вас в нужное время и в нужное место, да и сама с поличным подставится. Я правильно размышляю, Катышев?

— Что бы мы без вас делали, товарищ полковник!

8

Лицо начальника управления собственной безопасности генерала Милославского выражало не просто негодование, оно было разъярено. Князь, засунув руки в карманы брюк, чего никогда себе при подчиненных не позволял, метался по кабинету. За семь лет совместной работы Полуяров мог по пальцам одной руки перечислить, когда на Князя обрушивалось такое состояние. И в большинстве случаев виновником таких раздражений становился сам полковник Полуяров.

По тому, как с каждой секундой убыстрялась и убыстрялась всегда неторопливая, если не сказать валяжная, походка генерала, полковник знал, что в момент, когда нужно будет перейти на бег трусцой, Князь рез-

ко остановится, и тогда — держись. В лучшем случае за самоуправство можно отделаться строгачом, в худшем — получить служебное несоответствие. Но выговорешники в личном деле Полуярова появлялись нередко, особенно в бытность его работы в убойном отделе уголовного розыска. Правда, через неделю-другую в графе о награждениях и благодарностях заносилась запись совершенно противоположного характера, которая снова выравнивала его послужной список.

Глядя в удаляющуюся спину Князя, Полуяров в душе усмехнулся: все так и должно быть. Генерал — счастье, полковник — всего лишь звание. Но и у него, Полуярова, тоже было свое счастье, которое заключалось в том, что он со всем своим скопом выговоров и благодарностей все же смог дослужиться до трех больших звездочек на погонах. Большого успеха, какой могли дать штаны с красными лампасами, ему, с дипломами обычной школы милиции и краткосрочных курсов по повышению квалификации, уже никогда не добиться. Впрочем, если еще разок рискнуть жизнью, что не раз за карьеру ему уже приходилось делать, и получить звание Героя, то можно было бы рассчитывать не только на кусок сверхпланового счастья, но и дополнительных льгот, которые он как бы пригодились ему на пенсии.

Генерал, резко развернувшись у окна, стремительно надвигался на полковника. Но Полуярову вдруг стало совсем смешно, и он даже сделал над собой усилие, чтобы не выдать своего настроения. Получить в ближайшее время Героя России за борьбу с проституцией было бы пиком фантастического жанра. Но именно

очередную кампанию по борьбе с опекунами проституток в милицейских погонах и предложил десять минут назад Князю Полуяров. Вернее, даже не предложил, а просто поставил Милославского в известность, что сам, не спросив соизволения высокого начальства, был вынужден принять такое решение.

Конечно, прежде чем войти в кабинет Князя с предложением о начале операции «Контролеры любви», которой он сам и придумал название, Полуяров тщательно подготовился к дискуссии. Об этом свидетельствовала и пухлая красная папка, которую он не выпускал из рук. Крышевание секс-бизнеса в столице приобрело огромные масштабы. И полковник понимал, что если не сегодня, не сейчас, то завтра этот больной вопрос обязательно всплывет на поверхность. И если не на коллегии министерства, где непроизвольно могут начать схватку непримиримые между собой представители милиции нравов и отрядов особого назначения, то начнется очередное перемалывание из пустого в порожнее на депутатском, а то гляди, и на правительственном уровне. Как всегда, постараются найти виновных. И тогда в таком же положении, в каком сейчас находился Полуяров, мог оказаться и сам Князь.

Он подавил в себе смешливость, ожидая, что вот-вот генерал замрет перед ним и выплеснет наружу все свое негодование по поводу самоуправства, и тогда он раскроет папку и предоставит факты. О том, как отделы нравов двух соседних округов столицы вот уже на протяжении полугода не могут поделить и ведут ожесточенную борьбу за пограничную зону, где по ночам

обосновывается скопище продажных женщин. И тем и другим поскорее хотелось стать главными контролерами этого традиционного, но уголовно наказуемого бизнеса. В красной папке, шнуры которой он готов был развязать, хранилось досье на руководителей отделов внутренних дел по обслуживанию самых крупных гостиничных комплексов столицы, в которых с молчаливого согласия начальства дежурные и постовые милиционеры самостоятельно регулировали ночной сексуальный бизнес, подкладывая девочек высокопоставленным клиентам гостиниц. И это были самые крупные, но уже доказанные примеры милицейских преступлений, не считая обычной, повседневной мелочовки, до тонкостей известной не только милиционерам, но и представителям средств массовой информации. Не было дня, чтобы какая-нибудь из московских газет не отрапортовала, как после трудовой смены в десятки столичных отделений милиции заглядывали представители притонов и борделей, чтобы передать полагающийся конверт с процентом от ночной выручки. Не только ему, одному из многих полковников, но и генералу Милославскому не раз приходилось слышать, как московские проститутки любят прихвастнуть, кто является их защитником и покровителем. Те же журналисты, из которых самым вездесущим считался Станислав Варенцов, в колонках происшествий каждый день регистрировали случаи, когда на места конфликтов девиц с клиентами приезжали милицейские патрули.

Генерал, наконец, тучей навис над полковником:

— Смотри, какой герой, едри его в корень! Ани-

ка-воин, взявшийся победить проституцию! Ты что же, в самом деле полагаешь, что это можно сделать?

Полуяров исподлобья взглянул на генерала. Неожиданно на ум пришла тактика дальнейшего разговора. Если Князь решил утолить свой гнев в сарказме и насмешках над ним, то лучше всего ответить тем же самым. Полковник опустил голову, словно провинившийся школьник, и лишь тихо хмыкнул в ответ:

— Мировой исторический опыт, товарищ генерал, подсказывает, что бороться с этим злом можно. Можно даже одерживать локальные победы, но в целом победить никак нельзя!

— Вот! Зачем же затевать? Теперь я хотел бы от тебя услышать еще один разумный ответ. Почему?

— Да потому, что после каждой победы опять как-то тянет в бой.

Готовый услышать любое оправдание и приступить к дальнейшему наступлению, генерал даже оторопел от наглости подчиненного. Мало того, что без его согласия были привлечены к операции сотрудники целого оперативного отдела, так полковник еще соизволит и шутки шутить.

— В бой тянет? — переспросил он с угрозой в голосе. — Не будет никакого боя, полковник. С этой минуты я отстраняю вас от руководства отделом. Вы свободны.

— Есть быть свободным. — Полуяров сделал два шага к столу и положил на поверхность пухлую папку. — Зря вы так. Но, если будет время, просмотрите эти документы.

Он сделал крутой разворот, готовый направиться к выходу.

— Что здесь? — догнал его вопрос.

Не поворачиваясь, полковник решил шутить до конца:

— Это досье, которое из Интернета собрал и обобщил капитан Золотарев. Проще говоря, материалы о том, что мы еще недостаточно занимаемся проституцией!

После короткой паузы за спиной раздался хохот генерала:

— Ты хочешь сказать, Иван Борисович, что нам это занятие надо поставить на широкую ногу!

Взявшись за ручку двери, Полуяров повернулся и улыбнулся.

— Именно это и хочу сказать. А вы знаете, чем милиционер отличается от проститутки?

— И чем же?

— Милиционеров имеют до глубокой старости. Приблизительно как вы меня сейчас. Но я не обижаюсь, пусть буду лучше я, чем вы. Ведь проблема может быть вынесена на коллегия.

— Уже есть основания? — озабоченно спросил Милославский.

— Вчера вечером до потери сознания был избит сотрудник ОМОНа. Имеются сведения, что таким образом с омовцами сводят счеты представители отделов нравов, которые и курируют уличную проституцию. А потому наверняка на ближайшей коллегии свое «фе» по поводу этого происшествия выскажет руководство управления по борьбе с организованной преступностью. Или того хуже — омовцы самостоятельно постараются разобраться с обидчиками. Вот тогда вас и

спросят, а куда смотрела служба собственной безопасности?

Генерал, почесав пальцем висок, направился в сторону своего кресла.

— Ты меня-то не пугай. Если у них руки чешутся, пусть разбираются.

— А мы будем наблюдать со стороны?

— Угомонись, полковник! Присядь-ка лучше. — Князь первым опустился в кресло, раздумывая, как оправдать свои слова о невмешательстве. — На эту тему мы с министром уже говорили. Щекотливый вопрос.

— Надо полагать. Своевременная щекотка в нужном месте может принести сказочное возбуждение.

— Ах брось ты свои шутки. В данном случае они уже не к месту. Надеюсь, не забыл, какой шум в прессе поднялся, когда мы провели операцию по незаконной легализации сотрудниками милиции краденых автомобилей?

— Между прочим, очень удачно и вовремя провели.

— А что в итоге получилось? — Генерал прихлопнул ладонью папку. — Общественность убеждена, что не только гаишники, но и все другие службы и управления к этому причастны! Теперь только представь, как начнут изгаляться писаки, когда узнают, что мы занялись проститутками и их покровителями! Я даже заголовков в газете предчувствую, вроде того, как разом возбудились сотрудники всего министерства.

Полуяров засмеялся:

— Неплохо, генерал. Вы могли бы стать неплохим репортером! Но в данном случае по нашим материалам прокуратуре придется возбуждать совсем другие дела.

— Много? — Князь с тревогой поднял глаза на собеседника.

— В этой папке только те, что не требуют отлагательства. А вообще, по оперативным данным, в столице около четырех тысяч фирм и заведений, десятки тысяч девушек, которые трудятся на ниве сексуальных услуг.

— Ты хотел сказать, борделей и притонов? — усмехнулся Милославский.

— Это дела не меняет. А вот что большую часть этих заведений опекают сотрудники милиции и получают за это мзду, — факт вполне реальный.

Генерал сморщился и снова почесал пальцем висок:

— Этак, Иван Борисович, мы с тобой всю столицу без секса оставим...

— В каком смысле? — не понял шутки Полуяров.

— Переловим всех опекунов, сутенеров, проституток, куда одинокому москвичу податься?

— Я вас умоляю, товарищ генерал, не стройте таких иллюзий.

Князь постарался быть серьезным:

— Хорошо, полковник, я обязательно перетру этот вопрос с министром еще раз. И в самое ближайшее время.

9

— Живут же люди! — закинув голову вверх, где едва проглядывались окна на верхних этажах элитной высотки, вздохнул Фочкин. — Когда-то квартиры в таких домах получали министры, академики и

видные деятели культуры, а теперь мошенники, бандиты, воры в законе, сутенеры...

— Ты не прав, Олег! Депутаты в таких домах тоже живут, политики, те же министры, бизнесмены, наконец.

Фочкин, опустив голову, с усмешкой посмотрел на Катышева:

— Умный ты, Костик, человек, но жалко мне тебя. Все теперешние министры, политики и депутаты уже по роду своей деятельности бизнесмены. А российский бизнес, тебе, как экономисту, должно быть это известно, не бывает с чистыми руками. А потому делаем вывод, что все бизнесмены — воры и мошенники.

— Скажешь тоже! — огрызнулся Катышев. — Моя Катька тоже бизнесом занимается. Оздоровительный салон с нуля подняла. По-твоему выходит, что и она жулик?

— Я тебя, Костя, очень уважаю и обижать не хочу. Но ты мне честно на один вопрос ответь. Твоя Катька взятки чиновникам давала?

— Честно? Случалось на первом этапе. Когда она институт закончила, а я только на четвертый курс перешел.

Фочкин, подбоченившись, принял вид победителя:

— Но ведь было! А коммерческий подкуп, или, попросту говоря, дача взятки, уже статья! Значит, твоя Катька мошенничала.

— Но это давно было. Теперь-то она никому взяток не дает!

— Как бы не так! Твои погоны, а значит, и ты сам — уже взятка. Стоило ей упомянуть, что муж работает в управлении по экономической и теперь и собственной

безопасности, как ее дела быстро решались. Какому чиновнику захочется связываться с дамой, у которой муж работает в милиции?

Катышев понял, что спорить с коллегой — только терять время, и легко оттолкнул товарища от себя:

— Да пошел ты! Тоже мне, теоретик! За подъездом лучше гляди!

— Вы мне, капитан, не тычьте! Равняйся! Смирно! Кто из нас старше по званию?

Пошел второй час, как они расположились на лавочке напротив многоэтажного супермодного дома, на двадцать восьмом этаже которого проживала Татьяна Федоровна Черемисова. Неудавшийся наставник молодого поколения на государственной стезе, но сумевшая достичь заоблачных высот в воспитании у молодежи коммерческой пошлости и безнравственности. Судя по утыканной модными бутиками улице и значимости строения, в котором совсем недавно приобрела четырехкомнатную квартиру Мамка-Танька, дела она закручивала лихо и нахраписто, со знанием дела. При этом оперативники уже несколько не сомневались, что Мамка-Танька имела поддержку не только среди высокопоставленных чиновников, но и пользовалась услугами знакомых коллег из тех самых органов, которым верой и правдой, но не всегда с рвением и радушием служили Фочкин с Катышевым.

Полуяровская «Волга», в салоне которой, на зависть оперативникам, похрапывал Гриша Пичугин, стояла далеко в стороне от охраняемой автостоянки, что располагалась рядом с домом. Нагло требовать место на парковке около подъезда госпожи Черемисовой было бы ошибкой. Предупредительные охранники, за что

награждались обильными чаевыми, непременно бы общались каждому из жильцов о чуждом, казенном автомобиле. И теперь оперативники с неохотой ожидали, когда с появлением объекта наблюдения им придется сдавать экзамен по забегу на двухсотметровую дистанцию. Приблизительно такое расстояние отделяло их от Гришиной машины.

Мамка-Танька долго ждать себя не заставила. Помимо новой квартиры, в ее собственность входил не менее новый, темно-синий, представительского класса «БМВ». В одном лишь были благодарны опера и Гриша Пичугин госпоже Черемисовой: передвигалась она на иномарке по улицам города очень торжественно и без всякой спешки, заранее останавливаясь даже на предупредительные сигналы светофора.

Дел у Мамки-Таньки было по горло, но выполняла она их с завидной прилежностью. Сорок минут сыщики прождали ее около парикмахерского салона, еще полчаса простояли рядом с офисом сотовой связи, откуда Черемисова вынесла три коробки с приобретенными телефонами.

— На кой черт ей сразу три телефона? — недоуменно спросил Фочкин.

— Да мало ли? — принялся размышлять Катышев. — Например, открыла новую точку по продаже секс-услуг, которую нужно телефонизировать. Ты что, рекламных газет не видел? Девочки на выезд, интимный массаж, элитная сауна. Куда ни позвони, везде сидит попка-диспетчер с мобильным телефоном.

— А может быть, она подарки хочет сделать? — решил обнародовать свою версию Гриша.

— Ни хрена себе подарочки! — усомнился в предположении Пичугина Фочкин. — Судя по коробкам, каждый мобильник не меньше трехсот баксов стоит!

— Да какая тебе разница, сколько они стоят! — перебил товарища Катышев. — Надо обязательно выяснить у провайдеров, услугами какой сотовой компании решила пользоваться Черемисова, и взять номера купленных телефонов.

Как ни странно, Пичугин оказался прав. Прорвавшись сквозь вечерние пробки, «БМВ» припарковался на Страстном бульваре. Тут же из толпы прохожих вынырнул крепкого телосложения мужчина, который занял место рядом с водителем.

— Во! К любовнику она спешила. Не зря ведь почти час просидела в парикмахерской, — сказал с полной уверенностью Фочкин.

Но уже через пять минут пассажир покинул салон автомобиля с двумя коробками в руках. Гриша, не скрывая торжественности, посмотрел на Фочкина.

Вырулив на Кутузовский проспект и стараясь в темноте не упустить из вида иномарку, они оказались в огромной, плотной пробке. И теперь, словно забыв о правилах дорожного движения и водительской галантности, «БМВ» нагло проталкивался между рядами машин на разделительную полосу, по которой в сторону Рублевки проносились лишь автомобили с мигалками, заставляя весь остальной автонарод пугливо прижиматься друг к другу. И если обнаглевшей и потерявшей последнюю совесть даме на «БМВ» водители пусть нехотя, но уступали дорогу, то в сторону Гришиной «Волги» неслась отборная брань и проклятия.

— Может, мигалку выставить? — без всякой надежды на согласие пассажиров спросил Пичугин.

— Ага, еще и табличку на переднее стекло не забудь с надписью, кто мы и откуда! — тут же откликнулся Фочкин.

Покинув проспект, «БМВ» запетлял по знакомым Катышеву переулкам. С тех пор как Катька выкупила в долгосрочную аренду заброшенный спортзал и организовала в нем спортивный комплекс, Катышев заезжал за супругой чуть ли не каждую неделю и, когда выдавалось свободное время, сам был не прочь развлечься на тренажерах. Но иномарка Черемисовой остановилась около пятиэтажной хрущевки, в двух кварталах от комплекса.

Фочкин толкнул Катышева в бок:

— Костя, а ты оказался прав. В этом районе мы вчера уже были.

— Ты думаешь, это территория участкового Коноваленко?

— Его, Костя. Дом, из которого вчера съехала Черемисова, по ту сторону дороги.

Катышев лишь внутренне улыбнулся, представляя, в каком спортивно-интимном соседстве приходится работать его Катьке.

Около подъезда, к которому устремилась Мамка-Танька с коробкой, переминалась группа из четырех мужчин. На скамейке в лунном свете поблескивала пузатая бутылка, белели пластиковые стаканчики и пакет с апельсинами. Хозяйка иномарки, нисколько не пугаясь поддатых мужиков, прошла между ними и скрылась в подъезде.

— А ведь мы, ребята, прикатили в самый что ни на есть настоящий бордель. Вон и клиенты около подъезда догоняются, чтобы там, в номерах, не платить лишние деньги за спиртное, — сказал Катышев.

— Я так понимаю, что нам придется здесь торчать всю ночь, — ответил Фочкин и посмотрел на часы. — Милые жена и теща будут очень рады. Может, сразу нагрянем да повяжем всех к чертовой матери, а потом уже и разберемся?

— Да успеешь ты к своей теще! — огрызнулся Катышев и кивнул в сторону мужиков, готовых перед демаршем к девочкам выпить по последнему стаканчику. — Завалиться-то не поздно. Только объяснит нам вежливо Мамка-Танька, что квартиру вскладчину снимают бедные студентки, которые денно и нощно готовятся к сдаче сессии.

— Ага, — ухмыльнулся Фочкин. — Скажи еще, что учатся они в институте благородных девиц.

— Точно! Только научно-исследовательском, — гоготнул Гриша.

Катышев оставил насмешки коллеги без внимания и, разглядывая потенциальных клиентов, постарался быть серьезным:

— Нам не время там появляться. Вот ребятки сходят к девочкам, а после мы с них и снимем показания. Мне кажется, что денег для развлечения у них ровно на час и хватит. Заодно не помешает взглянуть и на других счастливиц.

— Вы что же, товарищ капитан, намериваетесь здесь знакомых найти? — эмоции переполняли Пичугина.

— Всякое случается, — уклонился от прямого ответа Катышев.

Зашвырнув стаканчики в кусты, мужики дружно зашагали к подъезду. И, как и предполагал капитан, ровно через час в таком же порядке появились на улице. Возложив на Пичугина обязанности главного наблюдателя, оперативники бросились вдогонку за оттянувшимися клиентами. Брать мужиков в прямой оборот в их планы не входило. Случайный разговор по душам мог принести более существенные результаты. Обежав дом, они столкнулись с посетителями заведения нос к носу.

— Мужики, — вглядываясь в обычный совершенно чистый листок из блокнота, обратился к ним Фочкин. — А где дом номер четыре?

— Да вот же! — махнув на хрущевку, ответил один из них. — А вы что ж, к девочкам заглянуть решили?

Фочкин, демонстрируя испуг, повертел головой в стороны, будто опасаясь, что их может кто-то услышать.

— К каким еще девочкам?

— Да ты не дрейфь, старик, мы сами только что расслабились.

— Ну и как? — негромко подключился к разговору Катышев. — Есть выбор?

— Да так, не первый сорт. Там всего-то шесть девиц.

— Ты хотел за пятьдесят баксов с королевой красоты перепихнуться? — заржал один из товарищей.

— И больше никого? — продолжал интересоваться Катышев.

— Никого, кроме охранника, — успокоил он и обратился к товарищам: — Говорил вам, надо было групповуху устроить!

— А квартира-то для групповухи большая? — отбросил испуг Фочкин.

— Четыре комнаты точно есть. Если учесть, что каждый из нас занял отдельные апартаменты.

— Но девки-то хоть симпатичные, сисястые?

— Одна — во! — самый молодой из посетителей сделал полукруг рукам, указывая на огромный размер груди. — А так — всякие. Шатенки, брюнетки, блондинки, худые и толстые. Правда, морды у всех лошадиные.

— Что же, симпатичных вообще нет? — помня, что как Ляля, так и Жанет были далеко не дурнушками и даже привлекательными девушками, задал вопрос Фочкин.

— Нет, симпатных там нет! — чуть ли не все одновременно поспешили уверить мужики.

И, уже собираясь расстаться со встретившимися клиентами, один из «оттянувшихся» решил дать совет напоследок:

— А вообще страшных баб не бывает, бывает мало водки! Но у охранника пойло не покупайте — дорого! Пятьсот рублей за бутылку! А шампанское — так вообще восемьсот!

Поблагодарив мужиков за ценную информацию, оперативники поспешили к своей машине. «БМВ» Черемисовой около дома уже не оказалось.

— Уехала Мамка? — спросил Катышев, удобно располагаясь на заднем сиденье.

Даже появление оперов не отвлекло Гришиного взгляда от двери подъезда.

— Ты что, глухой? — довольно ощутимо толкнул Пичугина в бок Фочкин. — Отвечай, когда старшие спрашивают!

— Чего ты пихаешься, майор! Раскомандовался! Я не тебе подчиняюсь, а полковнику Полуярову! Тоже мне, начальник нашелся! — Обидевшись, он несколько секунд молчал. — Пока вы там разгуливали, тут уже «канарейка» побывала.

— Какая еще канарейка? — совсем не понимая, о чем ведет речь прапорщик Пичугин, удивился Фочкин.

— Самая настоящая! Патрульный милицейский «уазик». — Гриша снова замолчал, словно наслаждаясь своей тайной.

— Да говори же, черт! — теперь уже потерял терпение и Катышев.

— А что говорить? Двое ментов вытряхнули из каталажки двух девиц и под белы ручки проводили их к подъезду. Через пять минут появились с вашей Танькой, распрощались и разъехались в разные стороны.

— А как выглядели девицы? — положив руку на Гришино плечо, заискивающим голосом спросил Катышев.

— Товарищ капитан, я не филин, да и прибор ночного видения мы с собой прихватить забыли!

Катышев оставил Гришу в покое и тяжело вздохнул. Фочкин повернул голову:

— Костик, как ты думаешь, это наших девиц привезли?

— Я уже ничего не думаю. Поздно уже.

— В каком смысле поздно?

— И в том, и в другом. На улице ночь. Девиц мы с тобой не видели. Придется завтра попросить об одолжении наше Золотце. Пусть заглянет сюда, развеется.

— Мы же сами хотели зайти! — Фочкин не понимал столь резкой перемены настроения Катышева.

— Завтра! И непременно с ОМОНОм. Хорошо бы еще встретиться с этим самым участковым Коноваленко и узнать у него, кто снял квартиру.

— Так куда ехать, на базу? — понуро спросил Гриша.

— Да куда душа желает, — ответил Катышев. — Только подбрось меня сначала к спортивному комплексу. Трое суток только с дешевыми проститутками вожусь, забыл, какими духами от жены пахнет.

10

Костя Катышев после восьми лет супружества стал подмечать в себе жгучее чувство ревности. Оно настырно появлялось, когда, возвратившись после службы домой, он находил квартиру пустой. Жена Катерина целиком и с огромной страстью, на какую способны самые преданные женщины, отдавалась только одному ухажеру. Требовательному и капризному. И как все больше и больше догадывался Катышев, это был вовсе не он, верный и заботливый муж, а ухажер по имени Бизнес.

Из-за него, Каткиного бизнеса, требовавшего к себе все больше времени и внимания, они даже откладывали с появлением ребенка. Когда речь заходила о сыне или дочери, Катка зажимивалась и отталкивала

эту затею от себя обеими руками. И весь ее резон сводился к тому, что, родив одного, они тут же потеряют другого, не менее ценного и дорогого дитя, которым она и считала свой бизнес. «Сначала, — бросаясь на грудь к Катышеву, твердила она, — надо вырастить и поставить на ноги одного ребенка, а потом уже думать и планировать другого». Ведь без первенца до отвала накормить, красиво одеть и дать достойную дорогу другому никак невозможно. Не на милицейскую же зарплату собирается Катышев содержать семью?

А ведь, когда они поженились, оба мечтали о дочери. И даже было решено, как только Катышев получит диплом, Катька уже на другой день будет готова к зачатию. И он был целиком согласен с ее доводами. Катька была старше Кости ровно на два курса и ровно на два года. Но всем студентам Плехановки казалось, что как раз наоборот: именно Костя Катышев и по поведению и по возрасту лет на пять опережал вертлявую пятикурсницу. Худенькая, небольшого росточка, с мальчишеской стрижкой, круглолицая, с аппетитными ямочками на щеках, кандидат в мастера спорта по художественной гимнастике, Катька была объектом вздыхания мужской части лучшего экономического вуза страны. И никто не мог предположить, что ее сердцем сможет завладеть выскочка-младшекурсник. Пусть круглый отличник, пусть гордость вуза, пусть победитель разных экономических олимпиад... Впрочем, и сам Костя не питал насчет красавицы Катьки никаких иллюзий.

На протяжении двух лет они встречались лишь в студенческом комитете, где Катька заведовала спор-

тивным сектором, а он вел работу в сфере международных экономических связей. Встречались и встречались. Костя бросал на девушку безнадежные взгляды, а Катька отвечала высокомерной улыбкой. Но сошлись они в библиотеке за полгода до выпускных экзаменов. И именно он, Катышев, обронил взбалмошной соседке по столу, которая не могла выбрать тему для диплома, что лучшим направлением могли бы стать практические разработки. Например, в сфере спорта, к которому девушка имела непосредственное отношение. Он и помог ей сотворить бизнес-проект спортивного оздоровительного центра. Конечно, Катышев не рассчитывал, что после экзаменов энергичная девушка тут же займется воплощением своей дипломной работы в жизнь.

Наверное, она и полюбила его только за те дельные советы по организации комплекса, которые давал перешедший на четвертый курс студент Катышев. Да он и сам увлекся. На первых порах заказывал оборудование, вел переговоры со строителями, устраивал рекламные кампании по привлечению клиентов. А когда сам с успехом защитил диплом по теме международного экономического сотрудничества в области топливно-сырьевых ресурсов, Катькино предприятие было одним из самых известных и успешных в столице. Время подпольных бандитских спортзалов, подвальных качалок заканчивалось. По всей стране шла легализация криминального капитала. И народ, не жалея денег, теперь предпочитал открыто заниматься не шопингом, а шейпингом, состоятельные мужчины разом решили, что иметь красивые, мускулистые фигуры ни-

чуть не хуже, чем роскошные автомобили и комфортабельную недвижимость.

Только у самого Катышева бизнес не заладился. Вместо успешной карьеры, все встало с ног на голову. Нефтяная компания, которая имела виды на выпускника Катышева, вдруг была приватизирована зарубежными представителями, у которых оказались свои отличники из Кембриджа и Оксфорда, а потому выпускнику с красным дипломом Константину Васильевичу Катышеву в должности было отказано. За последующие полгода он попробовал себя в качестве ведущего экономиста в нескольких фирмах, занялся было организацией собственного бизнеса, но по природе своей взятки и подношения давать не умел, задницы начальству не лизал, банкеты для смежников не устраивал, а потому в конце концов оказался не у дел.

Но такие специалисты, как Катышев, просто так с рынка труда не исчезают, и ему предложили работу в милиции. За двести долларов в месяц. Он получил погоны лейтенанта и был зачислен в штат управления по борьбе с экономическими преступлениями. Бывшие сокурсники при встречах старались не заводить разговора о его неудавшейся судьбе. И он понимал, что теперь они его считали неудачником. Именно таким экономистом, как сам он иногда любил шутить, который, не имея ни гроша в кармане, дает другим такие советы, что если они будут им следовать, то тоже окажутся без гроша.

Как ни странно, но милицейским погонам мужа несказанно радовалась только Катька. Она даже перестала скрывать от знакомых производственную чехарду,

которая сопровождала ее мужа на фронте трудоустройства. Мало того, всем гостям и даже посетителям спорт-комплекса она горделиво сообщала, где и кем работает ее дражайший супруг. И вскоре представители пожарных инспекций, санитарных станций, налоговых органов и еще нескольких других десятков инстанций оставили Катькино предприятие в покое, предпочитая лишний раз не связываться с генеральным директором, муж которой занимал должность в государственной силовой структуре.

Когда капитан Катышев получил перевод в управление собственной безопасности МВД, ежегодный оборот спортивного предприятия супруги достиг полу-миллиона долларов. Екатерина Дмитриевна владела и командовала уже не просто спортивным залом с тремя тренажерными каморками, а крупным оздоровительным центром, который с помощью подсказок и наставлений Катышева смогла выкупить в аренду на срок девять лет вперед.

Теперь Катька тренировок и занятий уже самостоятельно не проводила. В центре с клиентами работали заслуженные мастера спорта, чемпионы олимпийских и мировых первенств, которым Екатерина Катышева щедро выписывала баснословные гонорары. На ночных тусовках и вечерних раутах, в перерывах заседаний, симпозиумов и деловых переговоров состоятельный столичный бомонд, состоящий из бизнесменов, государственных и культурных деятелей, охотно хвастал, под руководством какого из олимпийских чемпионов сбрасывался лишний вес или проходили тренировки по укреплению мышц тазобедренного сустава.

Поначалу Катышев радовался предпринимательским успехам своей жены, но с разрастанием и расширением спортивно-оздоровительного комплекса все больше и больше убеждался, что полноценной семейной ячейки, главной заботой которой должны были стать собственные дети, а не бизнес, в ближайшей перспективе у них не получится. К тому же все чаще и чаще Катька возвращалась домой за полночь, оправдывая задержки напряженным рабочим графиком. Все чаще и чаще стали практиковаться командировки за границу и на черноморские курорты, где она предполагала открыть филиалы своего предприятия. Иногда, по чистой случайности оказавшись у нее на работе, Катышев видел свою Катьку в обществе холеных мужчин. И даже когда жена, чистосердечно улыбаясь, объясняла ему, что все окружающие ее люди всего лишь клиенты, по спине Катышева пробежал холодок ревности. Ему было неприятно, что, кроме него самого, кто-то еще мог брать Катьку под руку, томно вздыхая, что-то шептать на ухо, сидеть с ней наедине в полумраке бара и пить далеко не оздоровительный коктейль.

И в том, что Екатерина его все еще по-прежнему любит, Катышеву пришлось сильно усомниться месяц назад. Рано освободившись, он, никем не замеченный, проник в комплекс и, не обнаружив жены ни в директорском кабинете, ни в тренажерных залах, направился к комнате отдыха и психологической разгрузки. Спускаясь по лестнице с этажа, он услышал ее голос около черного входа. Он не смог разобрать фраз, потому что она говорила чуть слышно. Но, перегнувшись

через перила лестницы, он увидел жену в обществе мужчины средних лет. С копной поседевших волос, он был довольно приятной внешности. Сверху ему было видно, как нежно удерживал кавалер в своих ладонях руку жены, как осторожно прикоснулся губами к запястью и как, по-хозяйски обвив талию Екатерины, увлек ее к дверям черного выхода. Конечно, Катышев мог отнести такое поведение к проявлению обыкновенной мужской внимательности и галантности. Но его, экономиста, усвоившего навыки сыщика-профессионала, насторожил тот факт, что жена провожала клиента через запасной, никому не известный выход.

Когда они расстались и седовласый мужчина скрылся на серебристом «Мерседесе», Катышев со всей прямотой потребовал у жены объяснений. Она лишь загадочно усмехнулась, прикоснулась руками к его щекам и нежно поцеловала в губы. А затем, потребовав, чтобы тайна седовласого человека осталась между ними, проворковала, что это вовсе не поклонник, а очень богатая и влиятельная шишка, которая скрытно ведет свой частный бизнес. И шишка вовсе не хотела, чтобы ее видели все остальные известные в Москве клиенты комплекса. Ответ показался Катышеву искренним и обоснованным, но чувство ревности с того момента уже окончательно поселилось в его сердце.

...Гриша Пичугин подкатил к шлагбауму корпоративной автостоянки, которую Катка с огромным трудом выбила у префектуры для своего предприятия. Тут же нарисовался дюжий охранник, с лицом крестьянским, но профессионально поставленным пренебрежительным взглядом. Все было объяснимо: настоящие

клиенты, готовые отслонявить на чай, поздно вечером на отечественных машинах сюда не приезжают. Но, увидев выскочившего из «Волги» Катышева, «крестьянин» тут же заискивающе ослабил и взял под козырек.

— Екатерина Даниловна еще не уезжали, — ответил он на манер лакея и затрусил за Костей в сторону парадного входа.

Поднимаясь по лестнице, Катышев автоматически бросил взгляд в сторону, где всегда оставляла своего «француза» Катька. Она не была падкой на шикарные иномарки и довольствовалась своим желтым «Пежо», автомобилем среднего класса и чисто дамского варианта. К «французу» прижимался роскошный темно-синий «БМВ», как две капли воды похожий на тот, которым владела госпожа Черемисова и за которым они полдня раскатывали по городу. Но в сопровождении охранника, он не стал подходить к машине, чтобы разглядеть номера иномарки, рассчитывая, что сможет это сделать чуть позже. Конечно, если «БМВ» первым не покинет стоянку.

Катьке уже доложили о приезде мужа. После того случая, когда Костя стал свидетелем прощания с тайным и состоятельным посетителем, служба охраны получила заслуженный нагоняй, и теперь директор поминутно получала информацию о любом шаге Катышева в сторону территории комплекса.

Он вошел в кабинет и застал ее уже одетой.словно молодая рысь, в два прыжка она оказалась около него и вцепилась наманикюренными коготками в воротник куртки.

— Милый, хочешь, поедem в Большой театр на балет? Мне презентовали два пригласительных билета.

— Я бутерброд хочу. С утра во рту крошки не было.

— Про нас с тобой — «Ромео и Джульетта»!

— С обыкновенной вареной колбасой.

— В президентскую ложу!

— Или просто с маслом.

— Хорошо. — Она стала покорной. — Балет отменяется. Мы поедem в небольшой ресторанчик, и я тебя как следует накормлю.

— Дай хоть кусок черствого хлеба!

— Ну ты же знаешь, любимый, во всем этом заведении не найдется и крошки! Продажа хлебобулочных изделий здесь строго запрещена!

Она взяла его под руку, теперь уже во всем покорного, и потащила к выходу. «БМВ» и не думал расставаться с «французом».

— Чья это машина? — спросил он с показным равнодушием, когда Катя открывала дверь «Пежо».

— Да какая разница! — не обращая внимания на прижавшуюся иномарку, ответила она. — Я своих клиентов по лицам помню, а не по автомобилям.

— Но ты раньше никогда не позволяла, чтобы кто-то еще парковался рядом с твоей машиной.

— Господи, — заняв место за рулем, ответила она. — Ну какой же ты дотошный и подозрительный! От экономиста в тебе ничего не осталось! Ты стал настоящим ментом! Уверяю тебя, владелец этой машины вовсе не мужчина!

— Спасибо за комплимент! — парировал Катышев и обошел чужую иномарку. — Тогда я тебе скажу боль-

ше. Этот «БМВ» принадлежит Татьяне Федоровне Черемисовой. Или я не прав?

Он присел на корточки и внимательно посмотрел на передний номер «БМВ».

Катя завела двигатель и, оставив его прогревать, вышла из машины.

— Разве ты с ней знаком?

— Официально мы друг другу пока не представлены. Но хочется надеяться, это случится очень скоро. Кстати, давно она стала у тебя бывать?

— А что, в этом есть какой-то криминал? Да будет тебе известно, что Черемисова не только порядочная женщина, но и с недавних пор мой деловой партнер.

Они остановились около шлагбаума, и охранник с крестьянской мордой, выпятив вперед пузо, снова взял под козырек.

— Какие они у тебя выдрессированные! — раздумывая над ответом жены о новом деловом партнере, произнес Катышев. — И в каких сферах экономики вы нашли точки соприкосновения с Черемисовой?

— Костя, она постоянный член жюри городских конкурсов красоты. Помимо этого, занимается отбором и подготовкой девушек для модельных и эскортных агентств.

— Алло, мы ищем таланты?

— Не надо утрировать! — она уловила в его голосе иронию. — Именно Черемисовой я обязана, что агентство по проведению всероссийских конкурсов красоты заключило со мной долгосрочный договор. Теперь наши тренеры будут готовить лучших девушек России к состязаниям. Кроме того, мне удалось сдать самой Че-

ремисовой в аренду несколько саун, массажных комнат и залов релаксации.

— Ты забыла сказать — в ночную аренду.

— Как ты догадался? Конечно, в ночную! Ты представляешь, как это выгодно! Помещения комплекса не должны простаивать вхолостую ни одной свободной минуты!

— А ты сама-то видела, чем они у тебя занимаются ночью? Как бы ваш комплекс не стал большим борделем!

От неожиданного ответа она резко затормозила, машину развернуло и с десятков метров полубоком пронесло по скользкому асфальту. В зеркало заднего вида ударил резкий свет фар, чем недовольный автолюбитель выражал свое возмущение.

— Ты с ума сошел! — Она справилась с баранкой, прижалась к обочине и, не скрывая испуга, заглянула ему в глаза: — Костя, она что, у вас в разработке?

Ему хотелось рассказать, где и кем раньше работала Мамка-Танька, какой неофициальной деятельностью, совмещая ее с отбором красавиц для конкурсов, занимается теперь, но в последнюю секунду он сообразил, что в данном случае полагаться на то, что даже собственная жена станет хранителем сугубо служебной информации, было бы наивно. Деятельная Катька завтра же попытается объяснить и вывести у Черемисовой слагаемые успеха ее процветания. И тогда бывший милицкий работник обязательно заподозрит повышенный интерес к своей персоне, и если не свернет свою тайную деятельность, то станет вести себя куда осторожнее. Тем более Катышев несколько не сомне-

вался, что сутенерша не могла не знать, где и кем работает муж ее новой деловой партнерши.

Подумав об этом, Катышев даже вздрогнул: а если Мамка-Танька специально напросилась на деловое знакомство и забралась под крышу оздоровительного комплекса только для того, чтобы в ответственный момент заручиться поддержкой Катерины, водившей знакомство с множеством влиятельных лиц в городе? А могло быть и того хуже! Катышев даже предпочел не развивать мысль о своей собственной компрометации. Но, даже однажды используя сауну или бассейн комплекса для ночных эротических утех, Черемисова могла сказать, что к секс-индустрии причастны если не отдельные сотрудники управления собственной безопасности, то, по крайней мере, члены их семей.

— Я пока ничего не могу сказать, — ответил он. — Но прошу тебя, будь с ней осторожна. Вы подписали уже договор?

— Да. На квартал вперед.

— Я хотел бы с ним ознакомиться.

— Ты или сотрудник оперативного отдела в твоём лице?

— Катя, поверь мне, Черемисова очень скользкая женщина. И чрезвычайно рискованная бизнес-леди. Кстати, хотелось бы взглянуть и на подпись директора агентства по проведению всероссийских конкурсов, которого протезировала тебе Мамка... то есть, я хотел сказать, Черемисова.

— Ты его уже видел, — ответила она уклончиво.

— Вот как? И кто же это?

— Это тот мужчина, к которому ты меня приревно-

вал. Его фамилия Дзись-Белоцерковский. Ефрем Львович. — Она помолчала. — Что-то у меня пропало настроение идти в ресторан. Поехали домой?

11

По дороге в управление Гриша Пичугин со всеми подробностями доложил Полуярову, как неожиданно стал главным свидетелем сотрудничества патрульной милиции с представителями сексуального бизнеса. Полуярову даже не пришлось задавать водителю-ординарцу конкретизирующие вопросы и вытягивать информацию по нитке. Пичугин показал себя молодцом. Он исправно запомнил номер милицейской машины, уточнил, что, помимо водителя, оставшегося в «канарейке», из нее вышли два милиционера и две девушки, лица которых в темноте разглядеть не удалось. Вдобавок к импровизированному докладу Гриша осмелился сделать шефу предложение. То самое, что накануне вечером высказал Катышев, — о внедрении капитана Золотарева в бордель в качестве подсадной утки. Но, удосужившись похвалы начальства за наблюдательность и смекалку, Гриша напрочь отказался от идеи Полуярова перевести его этим же утром на оперативную работу. «Наше дело телячье, — сделал заключение Гриша. — Крутить голову и баранку во все стороны и фиксировать происходящее вокруг».

Поднявшись по лестнице на свой этаж, Полуяров заметил около кабинета оперативного отдела столпотворение. Теперь ему стало понятно, что бредовая идея или неудачная шутка Катышева мгновенно облетела все управление. Он даже слышал, как желают удачи и

полового вдохновения Золотцу коллеги по управлению. Но развеять заблуждение он не спешил.

Проскочив незамеченным, он скрылся за дверью своего кабинета и тут же связался с дежурным. Назвав номер «канарейки», он попросил выяснить, какому подразделению принадлежит патрульная машина. Ждать пришлось недолго, и вскоре ему отрапортовали, что «УАЗ» выпуска 98-го с указанными номерами находится в ведении районного управления, которым руководит подполковник Ломакин. Факт, что патрульные милиционеры могли тайно подрабатывать у Черемисовой, еще не говорил о том, что происходило это с разрешения подполковника Ломакина. Тем не менее остро отточенным карандашом Полуяров записал в ежедневник лишь одно слово «Ломакин» и поставил большой вопрос.

Не ведая о решении Катышева воспользоваться услугами омовцев, он набрал прямой номер начальника отряда ОМОН полковника Журбина.

— Приветствую тебя, Виталий Андреевич. Это Полуяров из безопасности, — выпалил он, стараясь говорить бодро и непринужденно.

— Узнал, а потому на счет богатства, сам понимаешь. Я твоего звонка третьи сутки жду.

— Вот как? С какой стати?

— Не валяй дурака, Полуяров. Наши сотрудники влипли в скверную историю, и с твоей стороны глупо делать вид, что ничего не случилось. Меня уже вызывал на ковер начальник управления.

— Так я и звоню, чтобы совместными усилиями найти выход.

— Мне представляется, что ты его давно нашел... — Голос Журбина поник, и Полуяров догадался, что командир отряда все еще не принял решения, как поступить с проштрафившимся Блинковым.

— Кстати, твой боец оклемался? — участливо поинтересовался Полуяров.

— Пока без сознания. А ты своего Фочкина увольнять собираешься?

— Я майорами не разбрасываюсь, Виталий Андреевич. И тебе не советую.

— Тогда говори, что предлагаешь?

— Лучшая защита — это нападение. Вечером нам понадобится помощь твоих ребят. Хотим побывать в одном притоне.

— Дело обычное, — поняв, о каком заведении идет речь, повеселел Журбин, — группа омонцев будет в вашем распоряжении.

Он не успел опустить трубку на аппарат, как в дверь постучали. Тут же в проеме появилось личико помощницы начальника управления Диночки:

— Это правда, Иван Борисович?

— Ты о чем?

— Что вы отправляете капитана Золотарева в публичный дом?

— Правда, — кивнул он. — И не только его. Я и сам готов вместе с ним отправиться, да полковничьи погоны и возраст мешают. Кстати, Дина, тебе не трудно будет пригласить всех моих ухарей сюда?

Сообразив по ироничному тону полковника, что внедрение Золотарева в тесные ряды столичных шлюх всего лишь кем-то удачно распространенная шутка,

Диночка Лямина бодро прихлопнула дверь, и по тому, как скоро порог перешагнули Фочкин и Золотарев, Полуяров понял, что именно с такой же скоростью слух будет развеян.

Но, глянув на недовольное лицо Золотарева, Полуяров смог убедиться, что капитан и в самом деле успел поверить в неизбежность щекотливого задания, выполнять которое ему не очень-то хотелось. Навязанная общим мнением роль управленческого ловеласа и соблазнителя женщин давно его обременяла. А потому, в отличие от Фочкина, он не стал занимать свободный стул, а сделал шаг в направлении начальства:

— Скажите, товарищ полковник, почему на мне все ездят?

Шеф хмыкнул и как-то странно оглядел плечи Золотарева.

— Ты седло-то сними, капитан! — бросив фразу, он сопровождал ее пренебрежительной ухмылкой и еще раз глазами пересчитал своих сотрудников. — А где изволят быть господин Катышев?

Оба оперативника, не сговариваясь, передернули плечами.

— Как ты думаешь, майор, — вдруг задумавшись, спросил Полуяров. — С какой стати такая фигура, как Черемисова, снизошла до того, чтобы на своей роскошной иномарке самой приехать в обычный бордель?

— Выручку забрать? — постарался с первого захода угадать Фочкин.

— Вряд ли. Выручку ей привозят на золотом блюдечке.

— А может быть, просто разъезжала с инспекцией? — предположил Золотарев.

— И инспекторов у нее хватает.

— Тогда что же? — постарался вывести Фочкин мысли шефа.

— Мне кажется, что есть тут какая-то связь между девицами, которых привезли на патрульной машине, и самой Черемисовой.

Полковник не стал развивать свои предположения и перешел к пунктам предстоящей операции.

План, по которому собирался действовать Полуяров, как никогда отличался простотой и непосредственностью. Раскрутка всей операции начнется с визита эсэсбэшников и омоновцев в ночное заведение. Он лишь с выражением мечтателя заметил, что им бы очень повезло, если бы в стенах разврата удалось обнаружить исчезнувших девчонок, их похитителей, а заодно и всех непосредственных хозяев и покровителей борделя с пресловутой Мамкой-Танькой во главе. Но, так как на такой успех рассчитывать наивно и опрометчиво, очень надеялся, что оперативники блеснут талантом и, не покидая стен заведения, смогут допросить девчонок собрать всю необходимую информацию. И только тогда можно будет составлять новые планы и корректировать дальнейшие действия.

Он хотел уже пожелать своим подчиненным удачи, когда в кабинет ворвался Катышев. Не извиняясь за опоздание, он положил на стол руководителя несколько листов и с торжеством победителя посмотрел на товарищей.

— Что это? — спросил Полуяров, глядя на почти чистые листы.

— Номера мобильных телефонов, которые вчера купила в салоне сотовой связи Черемисова.

— И только этот факт тебе доставляет радость? — Теперь, по крайне редкому возбуждению сотрудника, Полуяров уже смекнул, что, помимо номеров, Катышеву удалось получить и более ценную информацию.

— Знаешь, кому достались эти далеко не дешевые телефончики? — обратился капитан персонально к майору Фочкину.

— Ну? — Олег впился глазами в товарища, будто рядом с ними больше никого не было.

— Один положил в карман начальник районного отделения подполковник Ломакин, под руководством которого начинала свою карьеру в милиции Черемисова. Другой оказался у начальника отдела нравов Центрального округа майора Ремизова. К нашему счастью, они с самого утра активно используют подарки и ведут переговоры между собой. Так вот, наша Лялечка и ее подруга Жанет, как мне удалось выяснить, находятся в том самом заведении, где мы с тобой вчера побывали. Значит, Мамка-Танька приезжала в бордель, чтобы запугать и проинструктировать девчонок.

Катышев, наконец, соизволил взглянуть на Полуярова.

— Что ты на меня так смотришь? Молодец! Завтра зайди к Милославскому за медалью. На орден ты еще не наработал.

— Это почему же? — делано возмущился Костя.

Фочкин и Золотарев не могли не заметить, как дер-

нулись губы полковника. Теперь им стали понятны размышления Полуярова в отношении визита Черемисовой, которые он старался подтвердить в отсутствие Катышева.

— О теплых взаимоотношениях Черемисовой и Ломакина я и без тебя узнал. Патрульная машина, на которой привезли ваших девушек, принадлежит его управлению. Тут, капитан Катышев, уверяю тебя, интерес сугубо смежный, а дружба семейная.

— А насчет третьего телефона что можешь сказать? — спросил Фочкин.

— Ничего. Пока им никто не пользуется, — сразу потерял интерес Катышев, после того, как полковник его осадил.

Полуяров неожиданно и громко забарабанил пальцами по столу. Все замолчали, сообразив, что вскоре последует ценное указание. Ждать долго не пришлось.

— Вот что, мужики, раз ваши девицы там, начинаем операцию немедленно. Выезжайте на место, а я еще раз свяжусь с Журбиным.

12

«Газель» с отделением омонцовцев, которое возглавлял плечистый лейтенант, остановилась за углом дома. Золотарев открыл дверь микроавтобуса и заглянул внутрь. В салоне стояла полная тишина, половина бойцов, не теряя времени даром, мирно дремала. Катышев лишний раз подивился: как можно спать придавленным десятками килограммов оружия и боеприпасов и в жестких бронежилетах. Для

него это до сих пор оставалось загадкой. Но лейтенант, казалось, не ощущая никакой тяжести, легко спрыгнул с подножки и, протирая глаза, зевнул.

— Дверь выламывать будем? Кувалдометр мы прихватили.

Золотарев с тоской оглянулся на Катышева и Фочкина:

— Может, обойдемся без лишнего шума?

— Ты все-таки хочешь попробовать себя в качестве клиента? — расплылся в улыбке Фочкин. — Заметь, не мы это предложили, ты самnapросился.

— Пойдем вместе, — согласился поддержать товарища Катышев и толкнул Фочкина в бок. — Давай, командуй своими драчунами...

Проводив взглядом Фочкина, который затрусил к подъезду впереди группы омоновцев, оперативники, поддавшись такому же ленивому настроению, направились вслед за ним. По обоюдному мнению, пункты инструкции о предосторожности, внимательности и полной концентрации при проникновении и захвате объекта в данном случае были лишь формальностью. Единственный охранник, о котором им рассказали накануне, даже будь он мастером спорта по боксу и с газовым оружием в кармане, не представлял особой угрозы. Один только грозный вид омоновцев, облаченных в полную боевую экипировку, которые уже успели расположиться на межэтажных лестничных площадках, охладил бы пыл самых отъявленных героев.

Они бесшумно поднялись на второй этаж, и, прежде чем нажать на кнопку звонка, Золотарев расстегнул куртку и скривился самодовольной, полупьяной улыбкой. Получив молчаливое одобрение Катышева, обло-

котившегося спиной на дверной косяк, он трижды постучал пальцем по кнопке звонка. Где-то вдалеке зазвенели колокольчики, и через несколько секунд он ощутил, как изнутри его кто-то внимательно изучает. Для убедительности он шатнулся и несколько раз стукнул в дверь кулаком:

— Открывайте, де-во-чки!

— Какие еще девочки? Нет тут никаких девочек! Сматывайтесь, пока милицию не вызвал! — отозвался из-за двери мужской голос.

Катышев с трудом поднял глаза на табличку с номером квартиры и, словно убедившись, что даже в пьяном виде ошибки не произошло, снова забарабанил в дверь.

— Это двадцать шестая квартира! Мы созванивались и договаривались. Открывайте клиентам!

— Вызываю милицию! — хохотнул из-за двери тот же голос.

Было отчетливо слышно, как к входной двери устремились еще две пары ног, и до оперативников донеслась чья-то ругань. Замки разом защелкали, как будто их открывал вовсе не один человек. Ни Золотарев, ни Катышев даже не успели сделать предупредительный жест в сторону омоновцев, когда дверь резко распахнулась, и перед оперативниками предстали трое плотных мужчин, двое из которых были полуобнажены. Тонкие красные лампасы на серых брюках говорили о том, что страж квартиры вовсе не шутил и в самом деле призвал на помощь сотрудников милиции.

— Тебе что, козел, не ясно было сказано! — Один из полуголых легко ударил Золотарева в грудь кулаком,

выталкивая подальше от порога. Но как-то довольно лихо его опередил второй полуголый.

Вышедшая из-под контроля операция развивалась быстро и неожиданно. И свистящий удар в челюсть, и женский вскрик, и звон вдребезги разбившейся посуды внутри квартиры, и топот омовских ботинок, и приземление самого Золотарева в объятия Фочкина.

Золотце, поставленный на ноги майором, потрогал гудящий подбородок и перешагнул через затоптанного омовцами обидчика, который с застывшими, распахнутыми глазами и полуоткрытым ртом лежал на пороге квартиры. Помещение содрогалось, словно двигалось. Празднование бразильского карнавала, которое в мгновение ока переместилось с одного континента на другой. Из комнат вылетали полуголые и вовсе обнаженные тела, которые, под командные крики устроителей праздника, отползали в центр зала. Завороженные действиями парней в камуфляже ни мужчины, ни женщины, нисколько не стесняясь своей наготы, прижимались спинами и бедрами друг к другу. В конце концов, обитатели квартиры сконцентрировались под огромной хрустальной люстрой на довольно затертом ковре. И только размашистые удары ногами двух омовцев напоминали о том, что одна из дверей комнаты была закрыта и забаррикадирована.

Золотарев вынул платок и, ожидая, когда пока еще не задействованные в групповом концерте квартиранты окажутся в общей компании в центре зала, вытер краешки губ. На платке образовалась тонкая кровяная полоска. Дверь, наконец, с грохотом рухнула на пол, и

из комнаты снарядом вылетел лысый мужчина в плавках и милицейской рубахе.

Фочкин, закончив подсчет, удовлетворенно шмыгнул носом и подвел итог:

— Четверо представителей сильной половины человечества и пять прелестных созданий.

— Шесть, — внес полную ясность Золотарев, заглянув в створ выломленной двери. — Одна все еще продолжает получать удовольствие в кровати.

Лейтенант, лениво поворачивая головой и убедившись, что дело сделано, кинул виноватый взгляд в спину единственного пострадавшего Золотарева. Но, догадавшись, что помощи не требуется и коллега пришел в себя, с хрустом потянулся и опустился в свободное кресло, услужливо подвинутое командиру одним из бойцов. Двое из штурмующей команды закурили, расположившись на подоконнике. Остальные, без особого интереса разглядывая полуголую публику, подпирали стены.

— Ребятки, мы ведь коллеги, — осмелился информировать лейтенанта один из раздетых.

Омоновец ухмыльнулся и сплюнул:

— Я прекрасно вижу, каким органом ты служишь.

Раздетый постарался найти понимание у Фочкина:

— Мы просто отдыхали. Заглянули после смены, с кем не бывает?

Фочкин смутился и отвернулся, вспоминая свой неудавшийся отдых на пару с Блинковым.

Золотарев обошел кучу-малу, собранную в центре комнаты.

— Субботник, значит? Групповуха?

— А что тут такого? Все по добровольному согласию... — Участник праздника, не нашедший поддержки у Фочкина, даже постарался подняться, но тут же носком ботинка одного из омоновцев был водворен на прежнее место.

— Приказа подниматься не было! Всем сидеть тихо!

— Откуда вы, ребятки? — не замечая акта насилия, спросил Катышев и брезгливо, кончиками пальцев приподнял с кровати чей-то мундир с погонами сержанта.

— Оттуда же, откуда и вы, — чуть слышно отозвался кто-то из полуголых милиционеров.

— Я имею в виду, в каком подразделении и под чьим руководством служите? — постарался быть более понятливым капитан. — Уж не подполковник ли Ломакин ваш атаман?

На этот раз смельчаков дать ответ не оказалось. Но по понурым лицам легко было определить, что Катышев попал в точку.

— Разберемся, — ответил Фочкин и приблизился к Константину. В данную минуту он, как самый старший по званию, взвалил на себя и роль самого главного начальника, а потому считал, что имел право на любые команды и распоряжения.

— Пусть одеваются, — приказал он то ли Катышеву, то ли лейтенанту. — У мужиков проверить документы и в автобус, а девиц разведем по комнатам и допросим, пока не остыли.

Он огляделся, потеряв из виду Золотарева, но, тут же смекнув, что капитан еще не выходил из комнаты, обратился в пустоту:

— Капитан Золотарев! — Он направился в комнату, в которой скрылся товарищ, и вскоре изнутри послышалось его неподдельное удивление: — Ба! Кого я вижу! Это же наша Лялочка!

Забившись в угол и натянув одеяло до плеч, на разложенном диване сидела старая знакомая. Только это была уже не та экстравагантная и нагловатая Ляля, которая под диктовку писала заявление и с которой он расстался несколько дней назад в квартире Блинкова. Девушку было не узнать. На этот раз макияж на ее лице был куда более свежим и естественным. Окровавленное ухо, не в меру распухшие губы и длинные кровавые царапины на щеке.

— Ты меня не узнаешь? — спросил он, присаживаясь на край дивана. — А где твоя подруга, как ее, Жанет?

Не отвечая на вопрос, девушка посмотрела в сторону выломленной двери, закрыла лицо ладонями и тихо по-щенячьи завывала.

Командное настроение у майора тут же улетучилось, он лишь придвинулся ближе и положил руку ей на обнаженное плечо:

— Успокойся, малышка, все уже позади. Теперь мы тебя никому не отдадим.

И Катышев и Золотарев, стоя в двух шагах от товарища и разглядывая истерзанное лицо и тело девушки, прекрасно понимали, что это и есть издержки беззаботной, легкой жизни, мера расплаты за несогласованную с начальством производственную инициативу. Допрашивать ее здесь и сию же минуту не было необходимости. С их неожиданным появлением ни других

защитников, ни покровителей, ни самопризванных родителей в лице мамок и сутенеров у Ляли не осталось, а потому что-то скрывать и утаивать от своих освободителей у нее никакого смысла не было. Но девушке нужно было дать время, чтобы она пришла в себя.

— Оденься, малыш, — оглядев комнату и не найдя никакой одежды, кроме испачканного кровью халата, попросил Фочкин. — Золотце, останься с девушкой.

Он вышел из комнаты и только теперь в разнополой группе участников сексуально-принудительного развлечения, по-прежнему располагавшихся на ковре и натягивающих на себя одежду, он узнал высокую, худенькую девушку с русыми волосами до плеч. Ту самую, которая по совету и выбору Блинкова в тот памятный вечер должна была принадлежать ему, Фочкину. Она была уже одета и лишь покорно ожидала последующих распоряжений.

Он коснулся ее плеча, предлагая подняться, и тут же толкнул Жанет в сторону пустой комнатки. Следуя за ней, он даже поблагодарил все небесные силы, что между ними так ничего и не произошло. Хотя, если бы в тот злопамятный вечер патруль не обвел их вокруг пальца и Блинков не ввязался в потасовку, вероятно, они могли бы быть близки. Что теперь было хуже, сексуальная утеха, которую он мог бы получить, или последовавшее заявление с жалобой на их действия с Сергеем, который занимал койко-место в ведомственном госпитале без сознания и с проломленным черепом, Фочкин сказать не мог. В данный момент он и не думал об этом. Теперь ему хотелось как можно быстрее

узнать, кому принадлежала идея изувечить и упрятать в притон двух беспомощных девушек.

Фочкин плотно закрыл дверь и посмотрел на Жанет. Над припухшим левым веком неудачно располагался подсиненный подтек. Девушка покорно стояла около кровати и, не отрывая глаз от крепкой фигуры Фочкина, теребила неподдающуюся пуговку на расстегнутой до половины блузке.

— Ты что делаешь? — не отрывая глаз от обнажающейся груди, спросил майор.

— Что-то не так? Вы хотите, чтобы я сначала сняла юбку?

— Я же сказал всем одеться!

— Но вы так плотно закрыли дверь!

— Вот дуреха! — Подвинув ей стул, Фочкин мысленно даже выругался. — Я не спать с тобой сюда пришел.

— Мало ли, — без всяких эмоций пожала она плечами и, оставив в покое так и не застегнутые пуговицы, присела на стул. — Может, вспомнился старый должок...

— Для этого нужно было устраивать такой переполох?!

— А что здесь необычного? — Она с вызовом посмотрела на него, и ему показалось, что в ее взгляде появилась ненависть. — Я к этому давно привыкла. Вы ведь, менты, между собой нас поделить не можете! То на одних работаем, то на других, то, как сегодня, третьих ублажаем.

Он помолчал, прислушиваясь к шуму и командам лейтенанта, которые доносились из-за двери. Судя по

всему, процесс одевания закончился, и теперь решался вопрос, что делать с клиентами в милицейских погонах.

— Это Черемисова вас сюда затолкнула?

— А кто же еще?

— А можно как-то ее сюда вызвать?

— Как же, приедет! Что она, дура, что ли? Хотя спроси у сутенера-охранника. Но — полная безнадега. Мамка со всеми поддерживает только одностороннюю связь. А если надо, приезжает совсем неожиданно-негаданно.

— Но вы же с Лялей, насколько я знаю, на улице работали...

— Мы много где работали. Это долгий разговор. Но после того, как на вашей квартире вычислили Ляльку и узнали, что она под вашу диктовку написала ответное заявление, нас в наказание зачислили в штрафную роту.

— Что значит в штрафную роту?

— А то и значит, — зарыдала она, — что из этого притона охрана на улицу не выпускала. И ноги приходилось раздвигать только за кормежку. Да субботники, да побои! И клиенты здесь — сплошные извращенцы и мазохисты.

Она замолчала и осторожно прикоснулась к распухшей брови, демонстрируя доказательства только что сказанным словам. Наверняка она теперь как никогда понимала, что легкие заработки и веселые застолья с клиентами теперь обернулись не только физической, но и душевной болью. И даже привыкший ко всему Фочкин понимал, что девушка, за которой скрывается

обыкновенный человек из плоти и крови, как никогда нуждается в его помощи. Может быть, только после всего случившегося с ней за последние несколько суток она смогла понять, как противно ей все, чем она занималась, и как сложно вырваться из этого ада.

Содрогнувшись, она снова всхлипнула:

— Ну а кто, кроме нее, может карать и миловать? Сначала Мамка-Танька потребовала, чтобы мы с Лялькой написали на тебя и твоего дружка заявления. Я отказывалась, но она пригрозила, что сдаст в аренду арабам за границу. А если она обещает, то обязательно исполнит. Я в этом не раз убеждалась.

— Ты ее давно знаешь?

— Почти два года. Мы познакомились, когда я работала в модельном агентстве у господина Дзись-Белоцерковского. Она часто у него бывала.

В дверь предупредительно постучали, и в комнату вошел Золотарев.

— Извините, товарищ майор, что помешал. Но что с клиентами делать будем?

Не обращая внимания на капитана, Фочкин дотронулся до плеча девушки:

— Собирайся, Жанет, поедешь с нами, и мы с тобой еще обо всем основательно поговорим. Кстати, как твое настоящее имя? Жанна, надо полагать?

— Евгения.

Она поднялась со стула и снова принялась за непослушные пуговицы на блузке. Покорное и безропотное поведение девушки давало понять, что другого выхода, как полагаться на новых защитников в погонах, у нее нет. Возврат к прежним покровителям и былой дея-

тельности был не только немыслим, но и крайне опасен.

— Без меня и шагу ступить не можете! — переключился Фочкин на шуточный разговор с Золотаревым. Но ему было приятно, что даже в шутку он в глазах омоновцев, коллег и всех остальных лиц, находящихся в этом притоне, вдруг вырос до должности единственного главнокомандующего.

— Что делать? — повторил он и вдруг с недоумением посмотрел в глаза Золотареву. — А что с ними делать, капитан?

— Отпустить! — без заминки предложил Золотарев.

— Куда отпустить?

— На все четыре стороны! — к беседе подключился Катышев. — Во-первых, мест в «Газели» для всех не хватит. А во-вторых, пока они не преступники. Понимаешь, Фочкин, люди просто отдыхали и веселились. Факта насилия пока не зарегистрировано.

Фочкин в недоумении оглянулся и посмотрел на Жанет, предлагая то же самое сделать друзьям и убедиться, что синяк над глазом девушка нарисовала не собственным кулаком.

— Фамилии и звания мы уже переписали. Все как один из подразделения Ломакина, — поспешил объяснить Катышев. — А допрашивать девиц в этих условиях бессмысленно. Они видят своих обидчиков и боятся их. Да и бордель — не самое подходящее место для доверительных бесед. Вы согласны, товарищ майор?

Доводы Катышева и Золотарева показались Фочкину вполне убедительными.

— А охранника-сутенера допросили? — тут же спо-

хватился он. — Может, через него выйдем на Черемисову?

— Господи, Фочкин, — возмутился Золотарев. — А что же я, по-твоему, делал, пока ты, уединившись, вел задушевные беседы? Охранник — полный попка, с которым Мамка-Танька общалась только по городскому телефону. И выручку он передавал только через посыльных. Она не такая глупая баба, как нам казалось.

Все обитатели квартиры уже были одеты и подготовлены к эвакуации. Оставалось только распрощаться с клиентами и сопроводить дам к автобусу. Но в этот момент дверь квартиры резко распахнулась, и в узкую прихожую с трудом протолкнулись пятеро вооруженных милиционеров.

— Всем на пол! Лежать! Всем на пол! — размахивая пистолетом, не жалея голосовых связок, орал начальник дежурного наряда.

Оказавшись среди девушек в первых рядах перед ошестинившимися стволами автоматов, Фочкин и Золотарев недоуменно переглянулись, но, во избежание неприятных последствий, принялись за выполнение команды. Они понимали, что произошла какая-то неувязка и через несколько секунд столь спорный вопрос должен разрешиться. Благо, в передних рядах покидающих квартиру гостей и обитателей не оказалось омоновцев. Иначе бы рукопашной схватки с дополнением пальбы было бы не избежать. Они уже лежали на полу, с двух сторон плотно прижимаясь к полногрудой девице с ярко-красными пучками волос, которая каким-то странным образом затесалась между ними. И только когда прихожая заполнилась распростерты-

ми по полу телами, воцарилась тишина, из дальней комнаты донесся голос Катышева:

— Мужики, спокойно, тут все свои! Мы из службы собственной безопасности! А вы кто?

— Вневедомственная охрана! — после некоторой заминки ответил кто-то из вновь прибывших милиционеров.

В подтверждение слов товарища, Фочкин, не поднимаясь с пола, с трудом извлек из кармана красную книжицу и вытянул руку над головой. От надраенных до блеска ботинок командира наряда, которые располагались в полуметре от него, несло потом и гуталином. Теперь он понимал, что кто-то из обитателей борделя в первые минуты штурма сумел включить охранную сигнализацию, надеясь в суматохе незамеченным улизнуть из квартиры. Благо, представители вневедомственной охраны не отличались расторопностью и прибыли на место только через десять минут.

13

Генерал Милославский еще несколько секунд смотрел на золоченого двуглавого орла, который, казалось, навечно был пристегнут наручниками к телефонному аппарату взамен кнопок набора. Это был прямой телефон, связывающий его кабинет и канцелярию министра. Князю вдруг захотелось снова поднять трубку и постскрипtum к только что состоявшемуся разговору сообщить помощнику главы ведомства, что тот же час вылетать в Санкт-Петербург, где уже вторые сутки находился министр и куда приглашал

Милославского для разговора по душам, не только на-кладно, но и нет ни желания, ни особой необходимости.

Тем более он прекрасно знал, на какую тему пойдет разговор. Пусть пока смутно, но он даже догадывался, кто был организатором и вдохновителем столь поспешной и не требующей отлагательств беседы.

Из всего можно было делать вывод, что проведенная накануне сотрудниками оперативного отдела операция и застигнутые на месте разврата милиционеры кого-то больно ударили под дых из более высокопоставленного начальства. Но заявить во всеуслышание о том, что таинственный «кто-то» мог занимать руководящий пост на самом высоком уровне, ходить по министерским коридорам, травить байки и анекдоты в общей офицерской столовой, Милославский был пока не готов. Зато теперь он нисколько не сомневался, ниточка к неизвестному чиновнику в погонах тянулась от начальника районного управления милиции подполковника Ломакина. Он нисколько бы не удивился, если в регионе или округе нашелся бы еще десяток-другой таких же ломакиных, которые могли пользоваться покровительством и рассчитывать на защиту министерского босса. Простая арифметика генерала говорила о том, что если тщательно законспирированный местный руководитель не являлся непосредственным организатором, то в лучшем случае покрывает деятельность интим-салонов, ночных борделей и притонов, за свое молчание и невмешательство получает полагающиеся дивиденды, часть которых бесперебойно и регулярно «отстегивается» вверх. После операции, которая стала полной неожиданностью, Князю стало ясно,

что этот самый неведомый министерский босс теперь остерегался и беспокоился, что пронырливые эсэсбэшники, самовольно поднявшись на первую ступеньку, не остановятся и постараются сделать шаг выше. А потом, почувствовав вкус крови и вседозволенности, будут подниматься, ломая должности и судьбы, пока...

Срочный и безотлагательный вызов Милославского на ковер к министру стал ярким доказательством того, что сделать попытку подняться выше ему не позволят. Иначе бы не долетела с такой стремительностью весть о вчерашнем инциденте до северной столицы. И будь в этом замешаны мелкие шишки, не стал бы глава ведомства скороспешно вызывать его в город на Неве, а устроил бы головомойку дня через три, когда намечался его возврат в Москву.

Он задвинул подальше от себя телефон с золоченым орлом, словно желая выпустить его на волю и навсегда прервать всякую связь с начальством, и взял в руки рапорт полковника Полуярова. Не заостряя внимания на фамилиях клиентов, оказавшихся в тот вечер в борделе, он еще раз ознакомился с должностями и званиями. Два капитана — командир патрульного отряда и старший инспектор уголовного розыска, старший лейтенант из районного отдела нравов и участковый оперуполномоченный. Тоже в звании старшего лейтенанта. Понять, чем представители таких разных служб были связаны между собой, особого труда не составляло. Наверняка сыщик, запугивая девушек, мог поставлять молодой приезжий контингент на рынок сексуальных услуг. Под контролем «нравственника» бабочки сколачивались в группы и бригады. Патрульная охрана кон-

тролировала сделки по купле и продаже интима и в любой момент выступала защитницей проституток от недовольных клиентов. Участковый старлей выступал таким же защитником по месту жительства девушек, одновременно являясь основным контролером и распорядителем деятельности притона, который мог функционировать на вверенной ему территории. Внеурочная работа легко совмещалась с основной и считалась намного прибыльнее, чем государственная зарплата за патрульную, следственную, воспитательную или оперативную деятельность. И даже генерал Милославский, держа в руке листок с рапортом, не мог бы ответить, какая из видов трудовой деятельности, основная или внеурочная, выполнялась милиционерами более прилежно и профессионально.

Прежде чем заказать билет на ближайший рейс в Санкт-Петербург, Князю не терпелось ознакомиться и с протоколами допроса всех девушек, которые были эвакуированы из притона. Но, глянув на стрелки настенных часов, которые фиксировали начало десятого утра, он понял, что вылетать придется с голыми руками. Наверняка после всех потрясений девицам дали хорошо выспаться и отдохнуть, и только теперь оперативники принялись за работу. Но он рассчитывал, что к тому времени, когда он сойдет с трапа самолета на петербургскую землю, какие-то важные сведения уже будут получены. Конечно, надеяться на то, что станет известен самый главный организатор, а также покровитель сексуального бизнеса, было бы глупо. Но уже сам факт того, что организаторами и кураторами столичного сексуального бизнеса являлись самые разные

представители служб и управлений из органов внутренних дел, давал повод генералу настаивать перед министром на дальнейшем разбирательстве.

Подумав об этом, он даже усмехнулся: на протяжении последних лет население, представители общественных организаций и местной власти, не говоря уже о падких на горячие новости журналистах, знают, где и как идет торговля живым интимным товаром, кто и за сколько его продает, тем не менее все, в том числе и милиция, делают вид, что ничего особенного не происходит. Вроде бы так и должно быть в цивилизованном государстве.

Генерал нажал на кнопку, и в ту же секунду в дверях появилась Диночка Лямина. Не дожидаясь вопроса, она сообщила, что билет на самолет уже заказан. Вылет из аэропорта Внуково через два с половиной часа. Князь с недоумением посмотрел на свою помощницу.

— А тебе откуда известно, что мне нужно быть в Санкт-Петербурге?

— Так ведь из приемной звонили, Владимир Никифорович. Министра в Москве нет, но вы ему вдруг потребовались. По короткому разговору с помощником я поняла, что руководство желает вас видеть.

— Может быть, ты и Полуярова уже вызвала?

— Уже за дверью, — со скукой в голосе отозвалась Диночка и, готовая покинуть кабинет, неожиданно вздохнула: — Что бы вы без нас, женщин, делали, Владимир Никифорович?

Князь несколько секунд смотрел на нее, стараясь понять, чем вызван ее впечатлительный вздох и по-

следний вопрос. И только теперь, отнеся все на счет женского кокетства, которое могло проявляться даже в столь необычной форме, он позволил себя немного расслабиться:

— Что бы мы без вас делали? Да ничего. Сидели бы в раю в свое удовольствие и лакомились бананами! Все беды — только от женщин.

— Мало достать бананы, их еще нужно очистить от кожуры. Мужчины до таких мелочей снизить не могут.

— Ошибаешься, моя дорогая, мы только этим и занимаемся, что снимаем шкурки и кожуру.

Услышав, как показалось Полуярову, далеко не деловой разговор, он без разрешения решил войти в кабинет. Теперь уже Милославский, словно сомневаясь в точности настенных часов, посмотрел на запястье.

— Через часа четыре я буду в Питере. Надеюсь, к этому времени, полковник, у вас появятся какие-то результаты.

— Несомненно, генерал. Хотя предварительный допрос и анализ уже показали, что сетью предприятий по оказанию интимных услуг в Центральном и Южном округах владеет некая гражданка Черемисова.

— Как у тебя все правильно, полковник! — не удержался Милославский, чтобы не передразнить Полуярова. — Надо же такое выдумать — сеть предприятий по оказанию интимных услуг! Кто-нибудь со стороны послушает и решит, что мы ведем речь о какой-то возвышенной сфере бизнеса. Называй все своими словами. Борделями и притонами она владеет!

— Хотел бы я услышать, какими словами вы будете

об этом говорить в министерском кабинете, — в ответ связвил Полуяров.

Милославский, натягивая плащ, не пожелал продолжить пикировку.

— Кто такая Черемисова? Какое отношение она имеет к органам внутренних дел?

— Никакого, если не считать, что когда-то носила погоны лейтенанта.

— Так на кой черт она нам нужна? — застегнув плащ на все пуговицы, генерал недоуменно посмотрел на Полуярова. — Граждане — не наш контингент. Пусть гражданами занимаются те, кому это положено. А мы с тобой, полковник, обязаны снимать шкурки с бананов. То бишь с тех, кто носит милицейскую форму.

— Я не отказываюсь, — послушно согласился Полуяров, понимая спешку и далеко не благодушное настроение начальника управления. — Но сдается мне, что Черемисова пользуется услугами и вовлекает в свою деятельность сотрудников самых различных милицейских служб. А может быть, наоборот, наши службы наняли Черемисову в качестве генерального менеджера в сфере услуг. Мои ребята установили, что сигнализация в борделе была смонтирована сотрудниками вневедомственной охраны...

— Что в этом удивительного? — перебил его Милославский. — Сотни тысяч москвичей пользуются услугами вневедомственной охраны. Дешево и удобно.

— Действительно, удобно, — согласился Полуяров. — Она эффективна, когда хозяев нет дома. Но в данном случае сотрудники вневедомственной охраны появлялись в борделе по вызову охранника или самих девиц.

Например, для того, чтобы поучить уму-разуму недовольных клиентов.

— Это лишь детали и догадки! — бросил Князь, направляясь к выходу. — Где неопровержимые факты? Где доказательства?

— Будут, товарищ генерал! Дайте только время.

Милославский остановился в проходе:

— Четыре часа тебе хватит?

— Мы постараемся, — уклоняясь от прямого ответа, проронил Полуяров.

— И вот что, Полуяров, поднимите биографию и послужные данные этого Ломакина. Кто он такой? Откуда? Какое у него образование...

— Недостаточное, товарищ генерал, чтобы возглавлять управление. Закончил школу милиции и краткосрочные курсы повышения квалификации. Образование не тянет даже на звание подполковника.

— Значит, его кто-то тянет, — задумчиво произнес Князь. — А на семейном фронте?

— Тут все в порядке. Даже более того. Квартира в центре, дача, машина. Обе дочери учатся в Англии.

— Ого! На какие шиши?

— Жена — коммерсант.

14

Разговор со старыми знакомыми, Лялей и Жанет, Катышев предложил провести в последнюю очередь. К тому же выставлять девчат на улицу было крайне небезопасно. Девушки, окажись они в лапах сутенеров и покровителей, по-прежнему считались

основными свидетелями налета, который поздним вечером совершили Блинков и Фочкин на представителей патрульной милиции. Но пока они находились в стенах управления под защитой эсэсбэшников, они, рассчитывая на помощь оперативников, могли смело давать совершенно правдивые показания. И в этих самых чистосердечных признаниях Фочкина смущал лишь один нюанс. Тот самый, что, находясь подшофе, они с Блинковым и в самом деле обратились за услугами к уличным проституткам. Он лишь надеялся на полковника Полуярова, с помощью которого этот факт можно было трактовать как заблаговременное проведение давно запланированной операции.

По скудным и крайне осторожным показаниям остальных четверых девушек, которым также выпала честь угодить в только что открывшееся «штрафное подразделение», оперативникам все же удалось прояснить некоторые закономерности в системе организации и функционирования интимного бизнеса. До сего момента, как и подавляющая часть воспитанных на высокой советской морали, но далеких от среднего достатка горожан, из этических и материальных соображений неготовых из собственного кармана платить за ночные утехы и развлечения, они считались лишь сторонними наблюдателями. А потому, как все остальные граждане, о размахе древнейшей секс-индустрии могли судить лишь по телевизионным новостям и газетным сообщениям. Но они не ожидали, что эта запрещенная законом индустрия могла быть такой мощной, развитой, бесперебойной. Существовало и ошибочное мнение журналистов, которые информировали

потребителей лишь о ночной деятельности столичных путан.

Уже по первым ответам вывезенных из борделя девиц оперативники начинали понимать, что торговля телом отлично защищена, до мелочей отлажена, ведется в любое время суток, имеет многоуровневую систему отбора, обучения и переподготовки персонала. Каждый день в многотысячный профсоюз московских путан вливались десятки новых представительниц прекрасного пола, которые после тщательного отбора распределялись по борделям и притонам, саунам и ресторанам, улицам и перекресткам, по первому звонку выезжали к клиентам в московские квартиры и загородные резиденции. Причем квалифицированные кадры для этого вида деятельности готовились как среди мастеров исполнительного уровня, так и в области руководящего менеджмента. Только одна из допрошенных девиц, не отличавшаяся привлекательной внешностью и изящностью фигуры, приехавшая в Москву на легкие заработки, была тотчас же вовлечена в уличный хоровод. Двоим удалось сначала попробовать свои силы на подмостках дешевого стриптиз-бара, где поощрялась близкая связь с любым из клиентов, готовым швырять деньгами. Четвертая на протяжении двух последних лет состояла в ночном штате известной гостиницы. Но отель по решению городской власти был до основания разрушен и стерт с лица столичной земли. Девушке, как отелю, сгинуть не позволили заботливые трудоустроители и временно перевели в массажный салон при сауне.

В конце концов, все четверо, как Жанет и Ляля, за

погрешности и нарушения, что выражалось в укрытии выручки или разногласиях с начальством, были переведены на низкооплачиваемую работу и направлены поучиться уму-разуму в один из третьесортных борделей, которые в мире продажной любви считались штрафными ротами. И где клиенты по собственному и предварительно оплаченному желанию могли делать с девушками все, что заблагорассудится.

Но сколько ни делились своими впечатлениями девицы о прихотях и замашках клиентов, о чем так настаивал майор Фочкин, все в один голос заверяли, что в последнее время любая обида и рукоприкладство в их адрес со стороны клиентов безжалостно пресекались сотрудами милиции.

— С милицией жить стало легче, — попросив сигарету, улыбнулась грудастая девица с красными пучками волос, с которой Фочкину довелось провести несколько секунд в тесных объятиях. — Но такую охрану и защиту мы также оплачиваем из своего кармана.

Разговаривая со жрицами плотских утех, капитан Катышев каждый раз задавал один и тот же вопрос: кто был инициатором перевода каждой из них в штрафную роту? И сколько бы девицы ни вздыхали и ни ругались, вина во всем непосредственного сутенера, который делал запрос на перевод у более высокого начальства, подспудно проявлялась фигура госпожи Черемисовой. Она с такой же отчетливостью возникала и когда речь заходила о трудоустройстве девушек. Мамка-Танька если не самолично оценивала достоинства претенденток на ту или иную должность, то внимательно выслушивала доклады рядовых сутенеров, по-

сле чего и принимала окончательное решение — кому-то выпадало счастье оказаться в элитном борделе, кому-то доставалось место в ресторане или гостинице, кому-то уличная подворотня.

Впрочем, никто из четверых ни разу не назвал вслух имя Мамки-Таньки. Хотя оперативники особо не настаивали вспоминать черты и облик верховной хозяйки и даже верили в то, что кто-то из девчат, судя по приземленным местам их работы, мог и в глаза ее никогда не видеть. Черемисова крайне редко снисходила до посещения рядовых притонов, но элитные девушки могли ее лицезреть в шикарных ресторанах и на светских раутах, где без приглашенных моделей и девушек эскорта не обходилось ни одно празднество.

Когда в кабинет вошли Ляля и Жанет, Золотарев включил чайник. Глядя, как капитан хлопает дверцами шкафчика в надежде отыскать чистые стаканчики, Ляля поморщилась:

— При такой интимной беседе я бы выпила что-нибудь покрепче.

— Это тебе, милочка, не кабак! — возмутился Золотарев.

— Успокойся, Костя. — Фочкин метнулся к сейфу и услужливо вытащил початую бутылку. — Могу предложить водки. Для храбрости.

— Мне не надо, — накрыла ладонью посудину Жанет. — После штрафной роты я уже ничего не боюсь. Об одном прошу, отправьте меня как можно скорее в Кременчуг.

— Ты из Кременчуга, с Полтавской области? — даже чуть подался вперед Золотарев.

— А вы там были? — с надеждой, что перед ней сидит земляк, переспросила Жанет.

— Он там не был, — хохотнул Фочкин, вспоминая, как неудачно закончился один из романов Золотца со студенткой-хохлушкой из гуманитарного института. — Но у него там родня.

— Ха! — поставив пластиковый стаканчик на стол, перебила их разговор Ляля. — Да Мамка-Танька тебя и там найдет! По ее заказу даже из украинских деревень молодых дур в Москву сотнями свозят. Нашла где спрятаться, в Кременчуге!

— Вам приходилось общаться с Мамкой-Танькой? — насторожился Катышев.

— Когда мы работали в одной сплоченной команде, — без разрешения потянулась к бутылке Ляля.

— А девицы, которые оказались с вами в штрафной роте, утверждают, что даже ни разу ее не видели! — постарался прояснить ситуацию Катышев.

— Врут, — самоуверенно заявила Ляля и, наполнив стакан до половины, пояснила: — Боятся, вот и врут. О ней даже вокзальные давалки знают. По крайней мере, о завихрениях Мамки наслышаны все. Другое дело, что многие шлюшки с ней никогда близко не встречались, и тем более до разговоров с каждой б... она не снисходит.

— А вы что же, в доверенных лицах у нее ходили? — усомнился Фочкин.

Уже готовая опрокинуть водку в рот Ляля задержалась и, не скрывая жалости, посмотрела на майора:

— В доверенных не ходили, но в элитном заведении под непосредственным присмотром Мамки-Таньки

почти два года отпахали. Вот было время, скажи, Женька! Клубничный йогурт и черная икра на завтрак, французская парфюмерия, кавалеры, у каждого из которых коттедж на Рублевке! По две-три тысячи баксов в месяц зарабатывали, не считая подарков!

— А как вы туда попали? — перебил ее воспомина-
ния Катышев.

— Обыкновенно. Меня Мамка-Танька с первого курса театрального института к себе перетащила. Слышал, небось, про ГИТИС-то? Впрочем, я ей за это благодарна. Все равно уже стоял вопрос о моем отчислении. А Женьку из модельного агентства переманили...

— Никто меня не переманивал, — резко прервала Жанет коллегу по бизнесу. — Меня Мамке просто продали.

— Как продали? Кто? — не понял Фочкин. — Ты что, кастрюля, что ли?

— Долгий разговор, — ответила девушка поникшим голосом, видимо, нисколько не желая пускаться в воспоминания.

— Да что ты как целка ломаешься? — накинулась на нее Ляля. — Обратного пути уже нет. Забуди! Дзись-Белоцерковский ее рекомендовал Мамке-Таньке!

— Это тот, который является председателем конкурса «Мисс Отечество»? — тут же вспомнил Катышев о партнере, с которым подписала долгосрочный контракт его деловая супруга.

— А что ты удивляешься? Женька, между прочим, два года назад на том самом конкурсе получила почетный приз «Мисс очарование», шубу из шиншиллы и десять тысяч долларов призовых! — с гордостью за

подругу ответила Ляля. — Ее фотографии во всех газетах были напечатаны.

— А потом? — с аппетитным интересом рассматривая личико Жанет, обратился к ней за ответом Золотарев.

— Белоцерковский предложил подписать контракт с эскортным агентством. Что желать лучшего? Я и согласилась.

— То есть он предложил тебе работу в одной из своих фирм? — постарался уточнить Катышев.

— Да, — кротно кивнула она, не выпуская из рук стакана с чаем. — Он обещал, что со временем сделает моделью, а сначала попросил поработать в эскорте. Знаете, это тоже престижно и не пыльно. Нас часто приглашали на мероприятия устроители автомобильных и меховых салонов, ярмарок по недвижимости. Но вскоре мне стало понятно, что московские богачи не только любят окружать себя на светских раутах, банкетах, вечеринках и даже на деловых переговорах красивыми женщинами, но и требовать от них близости.

— И Дзись-Белоцерковский заставлял выполнять такие требования? — стал догадываться Золотарев, о чем идет речь.

— Я бы сказала — это приветствовалось. Понятное дело, в моем контракте никаких сносок на счет близости с заказчиками не упоминалось.

— Зря, — подала голос захмелевшая Ляля, — я бы сразу попросила внести этот пункт в договор и обговорила размер вознаграждения.

— Однажды старый пердун, — не обратив на слова подруги внимания, продолжала Жанет, — который

оказался деловым партнером Белоцерковского, закрыл свой кабинет на ключ и накинулся на меня. Я прокусила ему руку. Оказалось, что шефу мы пожаловались одновременно. Я на неадекватные действия, а он на мою спесь. Тогда Белоцерковский сделал мне внушение и намекнул, чтобы впредь с клиентами фирмы я была сговорчива.

— И ты... — хрипло спросил Золотарев.

— На другой день исцарапала морду и второму заказчику. После чего оказалась в заведении Мамки-Таньки.

— А у нее не заартачишься! — выпуская сигаретный дым в потолок, захихикала Ляля. — Там порядки другие. Паспорт — в сейф. И никаких тебе письменных контрактов. Отказалась раздвинуть ноги — тут же на съедение ментам. Сразу станешь сговорчивой.

— Почему именно ментам? — удивился Фочкин.

— А кому же? — с таким же удивлением склонила голову в его сторону Ляля. — Для знакомства они тебя как следуют попользуют, а потом предупредят, что жаловаться куда бы то ни было бесполезно. Все равно твое заявление попадет к ним на стол. Меня бог миловал. Я сговорчивая и сама знала, куда попала. А большая часть бывших моделей и конкурсанток оказались полными идиотками. Сначала не смогли найти общий язык с Белоцерковским, а потом попробовали качать права Мамке-Таньке. В итоге все познакомились с членами правоохранительных органов...

Она засмеялась столь удачному каламбуру.

— И ты... — опять смог выдать только лишь два хриплых слова Золотарев.

— А чем она хуже остальных? Все мы одинаково устроены. Смазливая морда, грудь, талия и все остальное, что ниже талии, — ответила за подругу Ляля и резко подалась в сторону Золотарева. — Да она Мамке-Таньке должна быть по уши благодарна, что получила работу в самом элитном заведении. Таких больше во всей Москве не было и нет.

— Но почему же вы так низко пали? — задал вопрос Катышев и, не дожидаясь ответа, поднялся, чтобы снова включить чайник. — Сначала опустили до улицы, а потом загремели в штрафники?..

— Дуры потому что! — выливая из бутылки остатки водки, ответила Ляля. — Женька в клиента влюбилась, что строго запрещено, а меня жадность погубила! Клиент подарил колечко с изумрудом. Сказала бы об этом Мамке — получила бы его ломбардную стоимость. А так — в качестве месячного наказания загремела в уличные бабочки. И на третий день вы подвернулись. Драка, разборки... Может быть, и встало все на свои места, если бы вы не подложили в сумочку наркотик!

Она с осуждением посмотрела в сторону Катышева и лихо опрокинула в рот остатки водки.

— Горе мое, горюшко! — изящным сопрано вдруг тонко запела Ляля, демонстрируя гостеприимным оперативникам, что не зря в свое время училась в театральном институте. — Где ты, моя волюшка!

— Э, подруга, ты где находишься? — соскочил со стула Золотарев. — Тут тебе не консерватория!

Ляля замолчала, сложила локти на стол, опустила на них голову и зарыдала:

— И перед Женькой я виновата! — Она подняла за-

плаканные глаза и посмотрела на Фочкина. — Я ведь, когда вы нас снимали на улице, предложила твоему товарищу взять ее в напарницы...

— Да брось сопли распускать! — даже не попросила, а приказала ей Жанет. — Назад уже ничего не вернешь. Кроме как на них, нам положиться больше не на кого!

— Вот! — со значением поднял указательный палец Фочкин. — Оказывается, и женщина способна глаголить истину! Послушай, Ляля, а ты могла бы описать тех ребят, кто вытащил тебя из квартиры Блинкова?

— Не-а. Только одного помню, который меня к автобусу приволок. А двух других, кто остался в квартире, только мельком видела. А что, водки больше нет?

— Имей совесть, Ляля. Это же тебе не бар! — обиделся Фочкин.

Золотарев, отталкиваясь носками, подкатил на своем кресле к стулу, на котором сидела Жанет.

— Женечка, а где находится это ваше элитное заведение?

— Вы имеете в виду офис? Не знаю, я в нем никогда не была. Нас туда не приглашают, а работают только с клиентами.

— Что, даже есть офис?

— Конечно.

— А где же вы, это самое... трудитесь, что ли?

Она сразу догадалась, о чем хотел спросить Золотарев.

— В основном по вызову. Мамкины менеджеры за нами присылали лимузин. Правда, не реже одного раза в неделю устраивались ночные банкеты, на которые

съезжались клиенты, где им предоставляется возможность не по видеоролику и не по карточке выбрать для себя напарницу.

— Где проходили эти банкеты? — постарался уточнить Фочкин.

— Да в самых разных местах. Бывало, и в домах отдыха, в игровых и оздоровительных комплексах, ресторанах, стриптиз-барах, где есть отдельные номера. Но чаще всего в одном из особняков на Пречистенке.

— А в оздоровительном комплексе на Дорогомиловке бывать не приходилось? — с тревогой в голосе поинтересовался Катышев.

— Я там занималась шейпингом, когда работала у Дзись-Белоцерковского.

— Зачем вы спрашиваете? Вам все равно туда не попасть! — подала голос Ляля.

— Почему это нам туда не попасть? Мы что же, не мужики или не из того теста сделаны? — изумился Фочкин.

— Для этого нужно быть клубным членом! — захотала Ляля. Ее плаксивое настроение резко сменилось на пренебрежительно-смешливый тон. — Вот ты, чей член?

— Да заткнешься ты, Лялька! — оборвала ее Жанет и постаралась пояснить: — Вечеринки и банкеты могут посещать только члены клуба. Мне не знакома процедура вступления, но слышала, что, помимо денежного залога, нужно иметь рекомендации от постоянных клиентов.

— И тогда уже оттягиваться, как душе заблагорассудится! — поддакнула Ляля. — Можно с артисточками, можно с нимфеточками, можно и с молоденькими мальчиками. А можно и не оттягиваться, а наблюдать,

как это делают другие. В клубе полно импотентов, которые хорошо платят за удовольствие посмотреть!

— С нимфеточками, говоришь? — о чем-то соображая, Катышев почесал затылок и тут же опустил перед Жанет на корточки: — Женя, вы ведь знаете членов клуба, кто из них может дать нам рекомендацию?

— Вам? Ни-и-кто! — захмелевшим голосом ответила Ляля и пристукнула по столу. — Только исходя из личного знакомства!

Не обратив внимания на выпад подруги, Жанет сморщила лобик:

— Без разрешения Мамки нам строго-настрого не разрешалось самостоятельно общаться с клиентами, но я, кажется, вспомнила телефон одного моего поклонника, который даже предлагал мне руку и сердце.

— Пашечка Коробатов, что ли? — снова засмеялась Ляля. — Он не только тебе предлагал свое сердце. Кроме этого органа, больше с него взять нечего. Полный импотент!

— А как с ним можно познакомиться? — спросил Золотарев.

— Это уже ваши проблемы, — дернула плечиками Жанет. — Но он часто таскал меня на выставки эротической живописи. Знаю, что он не пропускает ни одну из них. Записывайте номер...

15

Несколько раз на протяжении утра Полуярову звонил командир омоновцев полковник Журбин, каждый раз информируя или о свежих, только что полученных результатах рейда, или высказывая

свои умозаключения по поводу той или иной операции. С того момента, как его подчиненный старлей Блинков угодил в больницу, омоновцы рьяно взялись за выкорчевывание городской проституции. Одобрение с трудом было выхлопотано в самых высоких инстанциях. Впрочем, Полуяров понимал, что бойцы под руководством Журбина разгоняли полчища шлюх вовсе не с целью нравственно-воспитательной акции, а демонстративно лезли на рожон в тех местах, изначально известных как вотчины того или иного милицейского подразделения. Порой всегда прямолинейные омоновцы даже проявляли инициативу, выдавая себя то за чрезмерно буйных, то недовольных качеством товара клиентов, затевали споры и мелкие потасовки и, когда девицы призывали на помощь своих покровителей в погонах, окружали всех разом и без разбора забрасывали в дежурный автобус.

Трубка аппарата еще не успела остыть от предыдущего разговора, как на проводе снова оказался Журбин. Полуяров, чтобы не отрываться от текущей работы, включил громкоговорящую связь.

— Борисыч, твою в корни! — гремело в кабинете безотлагательное требование командира ОМОНа. — Срочно бери ручку и записывай рекогносцировку. Мои ребятки прошерстили весь район Кутузовского проспекта. От Киевского вокзала до Триумфальной арки.

— Поздравляю! — тяжело вздохнув, не смог подобрать другого слова Полуяров.

Заявить коллеге смежного подразделения о том, что на протяжении уже трех часов он мешает ему сосредото-

точиться и с головой окунуться в свои служебные дела, он не мог по этическим соображениям. В конце концов, если бы была такая необходимость, дежурный по управлению мог бы запросто связаться с представителями службы по борьбе с организованной преступностью и тот же час по электронной почте получить все необходимые результаты рейдов по профилактике проституции за последние месяцы. Но Полуяров понимал, что, оказавшись вместе с ним на одной чаше весов, brave Журбин звонил ему только за тем, чтобы получить если не поддержку, то обыкновенное сочувствие. Пока министерское начальство не вынесло свой окончательный вердикт, ни он, ни Журбин не знали, как обернется дело в отношении проштрафившихся сотрудников.

— Ты не ерничай! — миролюбиво возмущался спикерфон. — Я тут просмотрел списки попавших под подозрение сотрудников органов, раскинул своими куриными мозгами и пришел к выводу...

— Очень интересно, — не мог тут же не откликнуться Полуяров. — Я думал, что вы только воевать умеете да махать дубинками.

Судя по раскату смеха, Журбин вовсе не обиделся за колкость.

— Насчет дубинки я тебе потом кое-что расскажу. А пока вот какие выводы. К прилегающим к проспекту дворам и переулкам, где были замечены группы ночных бабочек, судя по всему, присосались ребята из местных отделов нравов. Есть у них такой начальник — майор Ремизов. Шустрик, замечу я тебе! Вместо того чтобы устроить нагоняй своим молодчикам, кото-

рые заступались за проституток, он принялся их хвалить и выгораживать. Мол, это мы, омовцы, должны были согласовать с ним все планы по рейдам. Короче, никакой вины за собой не признал, борзел как сивый мерин и дал понять, что нечего соваться в его дела.

— А из какого он управления?

— Того самого, Иван, ломакинского.

— Хорошо, разберемся. А кто еще в твои списки попал?

— Дивчины, что стоят вдоль проспекта, подотчетны патрульной милиции. А значит, они с них и бабки стригут. Тоже ломакинские. А заведения общественно-го питания в округе Киевского вокзала находятся под присмотром уголовного. В ходе ночных рейдов по два-три представителя от каждой службы попали к нам в объятия. А один постовой за свои усердия даже в морду получил.

Голос Журбина несколько секунд молчал, представляя Полуярову право переварить оперативную информацию.

— Ну чего воды в рот набрал? Я ведь понимаю, что ты готов подвести свое резюме, — первым нарушил молчание Полуяров.

— Резюме? Пожалуйста. Все уже давно, блин, расфасовано и поделено! — вдруг взорвался динамик спикерфона. — Только мы с тобой, Ваня, как лохи, оказались в стороне! Воюем, а потому и живем на одну зарплату!

— А как ты хотел, с куриными мозгами-то?

— Ты заканчивай оскорблять! Все, блин, умные вокруг, а как чего случится, сразу в ОМОН за помощью

несутся. — По голосу было слышно, что в этот раз Журбин обиделся.

Полуяров, поняв, что перегнул палку, поспешил сменить тон с шутливой на деловой.

— Спасибо тебе, полковник. О твоих выкладках я через час доложу своему шефу. Сейчас они крайне важны. Ведь именно по этому вопросу министр заставил Князя приехать к нему в Питер.

— Понятное дело. — В голосе Журбина появились нотки беспокойства, и вновь вернулось дружеское настроение. — Дабы спасти свою задницу, кто-то успел первым выслужиться и поставить под удар нас с тобой.

Чтобы разогнать тоскливое настроение омовца, Полуяров отодвинул от себя ворох бумаг:

— А что ты там на счет дубинки говорил?

— Умрешь сейчас! Есть у меня такой прапорщик — Ивантеев. Не человек — дуб!

— В каком смысле?

— В прямом! — не обратил внимания на выскользнувшую насмешку Журбин. — Бывший борец. Рослый, высокий, словом, парень нескгибаемый. Так вот сегодня ночью они группу проституток в автобус закинули. Одна самая шустрая всю дорогу нагнала. Мой Ивантеев ее и спрашивает, мол, если такая борзая, то сколько палок выдержишь? Она ему в ответ — да хоть двадцать!

— И что? — Полуяров насторожился. — Выдержала?

— Со вкусом! Он ее двадцать раз дубинкой по заднице-то и отхреначил... — Хохот Журбина наполнил кабинет. — Ну ладно, пока, извини, что от работы оторвал.

Отключив телефон, Полуяров посмотрел на часы.

Самолет с Милославским вот-вот коснется колесами питерской земли, а докладывать Князю все еще было не о чем. Разве что о могучем парне Ивантееве, который по-свойски разобрался с ночной бабочкой. Информация, полученная от Журбина, для Князя особого интереса не представляла. О том, кто и где крышует проституцию, можно было узнать и в сводках повседневных газет. Полуяров не стал огорчать омовца и делиться с ним неоспоримой истиной о том, что, судя по всему, все задержанные шлюхи уже выпущены из застенков районных отделений милиции, а дежурные нарядов, обобрав карманы и сумки девчонок, могли лишь с благодарностью вспоминать Ивантеева и подобных ему ребят. По крайней мере, лишний раз шляться по улицам и переулкам, вымогая плату у проституток, в эту ночь им не пришлось. Что касалось задержанных омовцами нерадивых сотрудников милиции, то и они, поделившись с начальством, остались при своей работе и интересах.

В кабинет вошел Катышев и, не спросив разрешения, опустился на стул. По его лицу и поведению Полуяров понял, что в данный момент хвалиться оперативникам было нечем.

— Товарищ полковник, — после короткой паузы, проронил Катышев. — Освободите меня от участия в этом деле.

— Не понял! — Полуяров ожидал всего, что угодно, но не такой, как ему показалось, скоропалительной и нехарактерной для капитана просьбы. Пальцы тут же начали выбивать по столу барабанную дробь, и он еще раз, теперь уже для самого себя, повторил: — Не понял!

— Я хочу, чтобы меня вывели из состава оперативной группы.

Только теперь, глядя на полное тревоги лицо подчиненного, Полуяров сообразил, что без особых оснований Катышев никогда бы не решился сделать такое заявление.

— Что произошло? — постарался не выдать своего беспокойства полковник, не переставая выстукивать по столу мелодию походного марша.

— Мне кажется, что в эту сексуальную историю втянули и меня. То есть не меня лично, а мою семью, — тут же сделал поправку капитан.

— Когда кажется, крестятся.

— С удовольствием бы перекрестился, но уже не поможет. Оздоровительный комплекс, которым руководит моя жена, предоставляет тренажерные залы и другие помещения в аренду для шлюх Черемисовой. Такой же договор об аренде заключен и с господином Дзись-Белоцерковским.

— Если мне не изменяет память, это председатель всероссийского конкурса красоты «Мисс Отечество»? Его-то чего бояться? Таким сотрудничеством гордиться нужно!

— Если бы! — с иронией ответил Катышев и поднял глаза в потолок. — Господин Дзись-Белоцерковский успешно совмещает деятельность общественного председателя с бизнесом. Мы выяснили, что он является владельцем многих модельных салонов и эскортных фирм.

— Одно другому не мешает, — хмыкнул Полуяров, уже догадавшись, к чему клонит капитан.

— Конечно, если не считать, что модели по роду своей работы мало чем отличаются от девочек Черемисовой. — Катышев тяжело вздохнул и сделал паузу. — Поверьте, Иван Борисович, мне совсем недавно стало известно, что моя Катька повязана с этой братией долгосрочными контрактами.

Полковник резко оборвал дробь походного марша и кашлянул в кулак. Доводы Катышева показались ему наивными и необоснованными.

— Ерунда! Ты хочешь сказать, что Черемисова и Белоцерковский знают, где и кем работает ее муж, и способны на провокацию?

— Именно это я и хочу сказать. Они будут на все способны, когда дело коснется их бизнеса и собственной безопасности. И мне вовсе не хочется, чтобы семья Катышевых и проститутки были мазаны одним миром. Вам ли не знать, что и в нашей системе обязательно отыщутся люди, которые постараются найти тесную связь между продажным бизнесом и нашим управлением. Фочкин ведь уже оказался под ударом. Следующий в очереди — я...

— Этак и меня в эту историю могут втянуть! — усмехнулся полковник.

— Все может быть, — передернул плечами Катышев.

Полуяров рывком поднялся с кресла и подошел к окну.

— Ерунда! А прав ты лишь в одном: злопыхатели, конечно, отыщутся. Но только от действий капитана Катышева теперь зависит, какие контакты могут связывать наше управление и этот самый бизнес. — Сле-

лав бравурное заявление, он засунул руки в карманы пиджака и на секунду задумался. — Хотя перекреститься и написать рапорт о твоих проблемах все-таки не помешает. Пусть руководство на всякий случай знает, в каком русле разворачиваются дела. Береженого бог бережет. Ладно, оставим эту тему. В данный момент меня волнует, что я скажу Князю. Поговорили с девчонками? Есть результаты?

— Результаты есть, доказательств — никаких, — ровным голосом ответил Катышев и поспешил добавить: — Пока нет.

— И когда же они будут?

Катышев, казалось, пропустил вопрос мимо ушей. По всему было видно, что он нисколько не озабочен незавидным положением полковника, которому нечем было порадовать в данный момент спускающегося с трапа самолета Милославского. Пока Фочкин и Золотарев, умиляясь, нянькались с девицами, он постарался изложить Полуярову всю полученную информацию, все тщательно проанализировать и с его помощью наметить конкретные шаги. В остром цейтноте времени обсуждать план дальнейших действий с коллегами по кабинету Катышеву представлялось нереальным. Фочкин был поглощен похмельным состоянием Ляли, а с лету оценивший модельную красоту Жанет Золотарев проявлял к девушке далеко не оперативный интерес. Что обоим мешало сосредоточиться и мыслить в нужном направлении.

Не упуская деталей, пересказав переговоры с девушками, теперь Катышев старался мыслить глобально. Полуяров его не перебивал. Он был согласен с тем,

что Татьяна Федоровна Черемисова играла роль не только главного менеджера огромного сексуального холдинга, но и являлась важным посредником между многочисленными звеньями этого объединения и их заботливыми покровителями. А в том, что сложившаяся за последние годы в мощного монстра индустрия разврата не только опекалась, но и лелеялась, ни Полуяров, ни Катышев уже не сомневались. Даже сугубо деловые газеты, не говоря о желтой и рекламной прессе, не отказывались от объявлений, зазывавших клиентов провести часок-другой досуга с длинноногими милашками. После полуночи с телеэкранов не сходили обнаженные девицы, в деталях делившие секретами полового мастерства, которым бы позавидовали неизвестные авторы Камасутры. Только стараниями омоновца Журбина и его парней один из центральных проспектов столицы в эту ночь был освобожден от полчищ путан. На всех остальных жизненных улицах и магистралях города, как и во все остальные ночи, бойко шла торговля девичьими телами. Если добавить к этому, что сотни борделей и притонов, парилок и саун и всех прочих интимно-развлекательных заведений пропускали за сутки десятки тысяч желающих отведать платной клубнички, картина вырисовывалась устрашающая. И парадокс заключался в том, что вовлеченный в пучину разврата клиент вовсе не задумывался о приросте народонаселения. Мало того, демографическая катастрофа ежегодно поглощала по миллиону мужчин и женщин. Здоровых, работоспособных, умеющих веселиться и защищаться от развлечений посредством резинотехнических изделий и противозачаточных

средств. И пока Москва и Россия в целом с каждым днем все больше и больше погружалась в стихию разврата, стихию, тщательно организованную, развивающуюся по отработанному до мелочей плану, полутора-миллионное войско представителей правоохранительных органов пребывало в полудрежном состоянии. Или делая вид, что ничего особенного не происходит, или ссылаясь на несовершенство действующих законов, или мотивируя сопротивление с проституцией нехваткой технических средств, бензина, времени и куда более важными и срочными делами.

Но Полуяров, переваривая умозаключения Катышева, понимал, что такое положение вещей кому-то только на руку. Понимал и то, что Черемисова и ей подобные менеджеры в других регионах страны без защиты, помощи и поддержки власть имущих чиновников из правоохранительных и государственных органов не в состоянии удержать столь огромное хозяйство под контролем. И что такая помощь и поддержка господам черемисовым оказываются ежедневно и еженощно, ни Катышев, ни Полуяров нисколько не сомневались.

— Ты во всем прекрасно разобрался и без меня, — ответил Полуяров и поймал себя на мысли, что пока именно о бездействии милиции стоит ставить вопрос Милославскому в предстоящем разговоре с министром.

Но в то же время он надеялся, что его отделу будет достаточно двух-трех суток, чтобы резко поменять трактовку этой проблемы и все поставить с головы на ноги. Как только удастся выяснить, с кем из милицеских начальников контактировала Черемисова, чьей

поддержкой заручался Дзись-Белоцерковский и кто из высокопоставленных чинов получал гонорары и премии, как за содействие, так и за бездействие, можно будет говорить и о покровителях в погонах.

— Я понимаю, что первая героиня, с которой ты хотел бы увидеться, и есть враг твоей семьи Черемисова? — спросил полковник, ковыряя краску на подоконнике. — И кто же вас представит друг другу?

— Поймать за руку Черемисову, можно только познакомившись с господином Коробатовым.

Обдумывая доклад генералу, он еще несколько раз ковырнул облупившуюся краску на подоконнике и вернулся на свое место.

— Кто такой? — Полуяров поднял глаза на Катышева. — Чем он занимается?

— Юрист крупной нефтяной компании. Ценитель эротики. Завсегдатай элитных клубов. И наверное, полный импотент, — дал всеобъемлющую характеристику капитан.

— Импотент — не главное. А вот то, что он юрист, говорит о многом. Значит, мужичок очень осторожный. И как ты собираешься добиться с ним взаимопонимания? Проверь по картотеке, поговори со своими бывшими друзьями из экономического управления, авось найдется какой-нибудь компромат. Тогда можно будет припереть его к стенке.

— Я не сторонник шантажа и силовых методов давления.

— Ты хочешь представиться и предложить ему дружбу? — ухмыльнулся Полуяров.

— Вот именно. Есть одна идея.

— Что ж, очень буду рад, если он станет твоим другом. — Теперь уже Полуяров нисколько не скрывал сомнения и иронии.

16

Плотно притворив за собой дверь, Катышев заметил вихляющую фигурку Диночки Ляминой, которая в отсутствие прямого начальства, как всегда это случалось, вольготно разгуливала по коридорам и кабинетам управления. Сбор сплетен, называемых помощницей Милославского последними оперативными известиями, в такие дни велся с особой активностью и быстрее электронной почты переносился по кабинетам заведения. Скорее всего, в этот раз Диночка разносила почту о том, что в машине одного из недавно принятых сотрудников следственного отдела каждый вечер появлялась рыжеволосая девушка. До Катышева уже добиралась весть о том, что это то ли дочь одного из заместителей министра, то ли его молодая супруга. Константин когда-то был хорошо знаком с этим следователем, парнем разумным, отдающим себе отчет в своих поступках, а потому на сто процентов был уверен, что ни закрутить роман с супругой, ни увлечь дочь заместителя руководителя ведомства он никогда бы не решился. Только так запросто похоронить информацию о любовной интрижке было не в силах самой Диночки. И в этот день она уже трижды обмолвилась, что незнакомая шатенка это не жена и не дочь, и вовсе даже не человек из плоти и крови. А обыкновенная надувная резиновая кукла, с которой раскатывает

сотрудник только ради того, чтобы привлечь к себе внимание всех остальных женщин управления.

В конце коридора, где располагался компьютерный центр, до отказа наполненный подругами Диночки, она остановилась и, прежде чем войти, приподняла и без того короткую юбку и повыше подтянула колготки. Появляться перед своими соперницами в неказистом виде она никогда себе не позволяла. Катышеву даже показалось, что, помимо прозрачно-золоченых колготок, никакого другого белья ниже пояса Диночки больше не было. Оставаясь незамеченным, он молча, но нахально продолжал изучать строение ягодиц и бедер личного секретаря Князя, словно перед ним маячило вовсе не изваяние живого человека, а произведение искусства эпохи голландского Возрождения. Наконец, поняв, что обнаженная фигура Диночки ни в одном из параметров не смогла бы уступить известному полотну великого Рембрандта, Катышев решил действовать.

Не дожидаясь, когда женщина одернет юбку, он, приоткрыв дверь кабинета Полуярова, с силой ее прихлопнул, привлекая внимание Диночки к собственной персоне. Но появление постороннего свидетеля не помешало секретарю завершить операцию с возвратом юбки на прежнее место. И тогда Катышев смело зашагал в направлении Ляминой.

— Настоящая Даная! — произнес он неоспоримый комплимент, нисколько не сомневаясь, что услышит в ответ любимую фразу Диночки.

— Ты, Катышев, меня еще голую не видел!

— Наверное, очень много потерял, — согласился он и понял, что сделал непоправимую ошибку.

Вытянувшееся от удивления лицо Диночки отказы-

валось воспринимать услышанное. Под крышей этого управления даже отличавшийся дисциплиной и строгостью генерал Милославский, не говоря обо всем остальном честном народе, мог позволить себе некоторые фривольности в разговоре с женщинами, но только не Катышев, который вот уже на протяжении трех лет, сколько его знала Дина Лямина, считался сухарем и однолюбом. Но теперь ей даже удалось заметить в глазах капитана некоторые искорки восхищения. Справившись с чувствами, она тут же взяла себя в руки. После такого комплимента спешить со входом в чужой кабинет она не торопилась. В одно и то же время она и не верила и дожидалась повторного восторга от всегда хмурого, но довольно привлекательного капитана.

Катышев не заставил себя долго упрашивать.

— Диночка, вы когда-нибудь посещали выставки эротического искусства?

— Мне это надо? — не понимая, к чему клонит Катышев, ответила она и не без самоуверенности добавила: — Я и сама экспонат, достойный внимания. Разве до сих пор не замечал, Катышев? — Она уперла руки в бока и легко сделала поворот на триста шестьдесят градусов. — А что касается эротического искусства, я эту школу прошла на первом курсе юридического факультета.

— В каком смысле? — не понимая связи между эротикой и юриспруденцией, спросил Катышев.

— Подрабатывала натурщицей. После моей трудовой деятельности осталась целая кipa рисунков. Есть даже картина, — заметила она не без гордости.

— Тебя рисовали? И не стыдно? — Катышев понял,

что с языка механически слетело не совсем верное слово.

— А чего стыдиться? Там просто смотрят на тебя и рисуют, — с долей сожаления произнесла она. — Куда тяжелее мужчинам-гинекологам. Что тебе от меня нужно, Катышев? Или все-таки ты хотел бы взглянуть на меня голую?

— Было бы забавно.

— Перед тобой прямо сейчас раздеться или картину показать?

Утаивать экспромтом родившийся в голове план было бессмысленно. Да и допускать дело до откровенностей, на что могла легко пойти Диночка в силу своего воспитания и имиджа, Катышев не мог. Он взял молодую женщину под руку и увлек в сторону межэтажной лестницы.

— Дин, ты могла бы нам помочь?

— Теперь мне с тобой все ясно, капитан Катышев, — не освобождая руки, поникшим голосом ответила Лямина. — Что нужно?

— Чего ты надулась? Я слышал, ты сама изъявляла желание принять участие в нашей операции? Так вот надо закадрить одного импотента... извини, одного очень состоятельного мужичка.

Она остановилась и, все еще сомневаясь в правдивости предложения, внимательно изучала его лицо. Судя по увлечению, с которым докладывал о предстоящем знакомстве Катышев, он нисколько не шутил и, скорее всего, действительно, нуждался и рассчитывал на ее помощь. Глядя на него, ей очень даже нравилось, как, подбирая нужные слова, он кривился, дергал ще-

кой и жестикулировал, одновременно закусывая верхнюю губу. И, стоя рядом, даже прикасаясь грудью к его локтю, она была готова кадрить кого угодно. Но в первую очередь, его самого.

До конца не поняв и не дослушав поручаемого ей задания, она приподнялась на цыпочки и нежно коснулась губами его гладко выбритой щеки:

— Чего ты распинаешься, Катышев, с тобой я на все согласна.

Пребывая в оцепенении от неожиданного поцелуя, он глядел, как, поднимаясь по лестнице, виляла аппетитными бедрами Диночка, унося роскошный стан знаменитой Данаи в сторону приемной. Он даже содрогнулся от мысли, что вот так и ему самому легко можно стать жертвой очередного служебного романа, в который Диночка легко и бесхитростно одного за другим втягивает сотрудников управления. Он взял себя в руки лишь тогда, когда совсем затих стук ее каблучков. И ему оставалось надеяться, что с такой же легкостью и непосредственностью она сумеет обворожить Пашу Коробатова, законченного импотента, но продолжающего ценить формы женского тела.

Он поспешил в свой кабинет, надеясь в ближайшие полчаса узнать о всех проходящих в Москве спектаклях, вернисажах и выставках эротического жанра, постоянным участником и посетителем которых слыл пока неизвестный Паша Коробатов. В том, что они непременно встретятся на одном из таких мероприятий, Катышев не сомневался. Вопрос состоял лишь в том, как скоро это произойдет.

Жанет и Ляля успели уже покинуть кабинет, и по

хитрым, недвусмысленным взглядам коллег Катышев догадался, что им удалось быть свидетелями его задуманного разговора с Диночкой Ляминой. Но, не желая пускаться в оправдательные объяснения, он тут же решил сосредоточить внимание товарищей на плане предстоящих действий.

До разговора с Полуяровым и встречи с Диночкой он сам хотел заняться выяснением поднаготной председателя всероссийского конкурса «Мисс Отечество» господина Дзись-Белоцерковского. По крайней мере, ему, как никому другому, были интересны экономические основы процветания многочисленных фирм и предприятий, которые возглавлял главный демонстратор молодых женских дарований. Но после того, как установились более тесные контакты Белоцерковского с заведением Екатерины, вдруг возникший интерес ее мужа к деятельности устроителя конкурсов могли принять как стремление к вымогательству. Лучше всего, если персоной Белоцерковского займется Золотарев. Катышев нисколько не сомневался, что опыт следователя уголовного розыска ему поможет.

Николай с радостью и восторгом согласился окунуться в историю отечественных конкурсов красоты, а заодно выяснить, каким знаменателем закончилась карьера очаровательных победительниц и призеров.

— А чего это ты раскомандовался? — обиделся майор Фочкин, узнав, что сам Катышев собирается с Диночкой разгуливать по мероприятиям эротического характера. — Ты, что ли, у нас главный? Пусть Полуяров сам скажет, кто и чем должен заниматься. А то гляди: Золотареву конкурсы красоты, Катышеву — картинки

с голыми бабами, а Фочкину — дела и протоколы?! Я вообще тогда в отпуск уйду. Два года уже не был!

Катышев тяжело вздохнул:

— Ты себе представить не сможешь, Олежек, какая развратная нам с тобой предстоит работа, как только я смогу найти общий язык с Коробатовым.

Фочкин, не веря услышанному, поднял обиженные глаза:

— И я буду участвовать?

— Непременно. Фрак или смокинг у тебя имеется?

— Откуда?! Я эти вещи разве только по телевизору и видел.

— Проси у тещи денег, пусть покупает.

— Ты можешь без своих смехерочков объяснить?

— Пожалуйста. Как только мы получим рекомендации от Коробатова, постараемся завести дружбу с Черемисовой. А без парадной формы ни на один из ее светских вечеров мы попасть не сможем.

17

Давняя мечта Николая Золотарева познакомиться с победительницей конкурса красоты, пусть даже десятилетней давности, начинала сбываться. Хотя он прекрасно отдавал себе отчет в том, что женитьба и жизнь с такой женщиной превратилась бы в сплошную муку. Тем не менее образ «мисски», каких доводилось ему видеть только с телевизионного экрана, красивой, обаятельной, сексуальной, утонченной женщины присутствовал в его голове постоянно. Со вчерашнего дня этот образ принял черты Жанет. Но-

чью она ему приснилась в лаковых туфлях на высоком каблуке, в узких бархатных брюках и, словно пролетарский флаг, в красной блузке с глубочайшим декольте. С обворожительной улыбкой она спустилась с подиума, миновала зал, до отказана забитый гудящей и рукоплескающей публикой, и подошла к последнему ряду, где было его место.

Проснувшись, Золотарев сделал заключение, что сон оказался в руку, и в доказательство пророческого сновидения тут же вспомнил о старом знакомом журналисте, с которым был выпит не один литр водки. Со Стасом Варенцовым они были знакомы со студенческих времен, разве что учились на разных факультетах, и только после окончания университета дороги развели их по две стороны баррикад. Золотарева в уголовный розыск, а вертопраху Стасу посчастливилось занять место репортера в отделе светской хроники.

Предположение о том, что с момента их последней встречи утекло немало времени и Варенцов мог получить повышение и даже поменять место работы, к счастью Николая Золотарева, не оправдалось. Все в человеке меняется с годами, кроме голоса. И, когда Золотарев набрал номер, сразу услышал знакомое и хрипатое: «Вас слушают».

В сизой пелене крохотного кабинетика, заклеенного фотографиями и рекламными портретами отечественных знаменитостей, Золотарев с трудом разглядел бородатую физиономию закадычного дружка. И тут же поставил его в затруднительную ситуацию, отказавшись выпить за встречу по стаканчику martini. И Полуяров, и Милославский, какую бы важность не представляла оперативная необходимость и обстановка,

употреблять спиртное в утренние часы и среди недели строго запрещали.

— Сдается, — долго не сокрушаясь по поводу отказа, хитро сощурился Стас, — только производственная необходимость заставила тебя вспомнить о старом собутыльнике. Чем могу помочь?

— Страшно и говорить, — стряхивая пепел со свободного стула, отозвался Золотарев. — Меня интересует история конкурсов красоты.

— Мировая или наша, совковая, доморошенная? — сразу насторожился заливчатский репортер, прекрасно понимая, что интерес правоохранительных органов к этой теме вызван совсем не случайно.

— Наша, Стас, наша. Только давай по старой дружбе договоримся...

— Никому и ничего, ни гу-гу, — поспешил заверить в хранении служебной тайны Варенцов. — Что конкретно тебя интересует? Вопрос об определении победителя или раздачи призовых мест? Так тут все зависит от спонсоров, которые поддерживают ту или иную претендентку. Сам понимаешь, кто девушку кормит, тот ее и танцует.

— Разве не вопрос красоты и очарования на первом месте?

— Простота наивная! Они все по-своему красивы и очаровательны, склеены и сложены как по трафарету, а потому каждая достойна награды. Согласись, ты бы не обиделся, если бы в твоей постели оказалась конкурсантка без места и награды?

Золотарев хохотнул и стукнул ладонями по коленям:

— Еще бы! Но в данный момент, Стас, меня интересует только история. У тебя имеются сведения, как

сложились судьбы девушек и кем они стали после конкурсов?

— Ты имеешь в виду только победительниц? — постарался уточнить Варенцов. — Уверяю тебя, одни удачно вышли замуж за банкиров и олигархов, другие стали актрисами, третьи моделями и раскатывают по миру. Разве что Вероника Шевель и Марта Воропаева спились от счастья.

— Спились? И где они теперь? — удивился Золотарев.

— Кого могут интересовать неудачницы? — нехотя ответил он. — Скорее всего, спиваются дальше в каком-нибудь борделе.

— А можно узнать, в каком?

— Какая тебе разница, Коля? Они что, кого-то обворовали или грохнули? — Варенцов закурил очередную сигарету, словно заботился, чтобы дым в этом помещении никогда не убывал, и с выжиданием охотничьего пса уставился на Золотарева.

Капитан провел ладонью по щетине, понимая, что, какими бы они ни были друзьями и товарищами, у каждого своя работа, и в данный момент насторожившийся и внимательный к его вопросам Варенцов уже приступил к сбору материала для очередной «гвоздевой» статьи. Такая игра в кошки-мышки, когда один старается не сказать лишнего, а другой, наоборот, воспринимает каждое слово как неопровержимый и случившийся факт, к положительному результату не привела бы ни одного из соперников. И Золотарев решил играть в открытую.

— Стас, так дело не пойдет. Давай сразу договоримся и обговорим условия нашей сделки.

Долго не раздумывая, Варенцов наклонился над столом и протянул руку.

— Я тебе верю. Только одно условие — полный результат ваших исследований я должен получить первым, — сказал он и поспешил добавить: — И последним.

— Я только могу тебе обещать, что получишь его или ты, или вообще никто!

— Заметано. Тогда ближе к телу. Что тебе надо?

— Меня интересуют фамилии участниц конкурса «Мисс Отечество», скажем, за последние пять лет. Где взять списки девушек?

— Ясно, как божий день, — в организационном комитете.

— Ты сможешь их достать?

— А почему не ты? Хотя, понимаю, милиции не хотелось бы привлекать лишнее внимание к своей деятельности.

— Ты правильно понимаешь. Итак?

Варенцов загасил окурок и тут же вынул из пачки новую сигарету.

— Если принять во внимание скандальность нашего издания, мне тоже там не очень-то будут рады. Мало того — вытолкают в шею! Но, кажется, есть еще один вариант. На местном телеканале можно просмотреть видеозаписи конкурсов. Имена и фамилии всех девушек не обещаю, но самые яркие личности завтра утром будут в моем распоряжении.

— А видеозаписи заполучить никак нельзя?

— Почему нельзя?! Можно. Все зависит от средств, — намекая на вознаграждение, Варенцов звонко щелкнул пальцами.

Золотарев развел руками:

— Откуда у бедного оперативника деньги?

— Бедных милиционеров, Коля, не бывает. Бывают только ленивые, хитрые и чрезмерно честные. Но в существование последних я верить отказываюсь. Они вымерли. Как мамонты.

— А я тогда какой?

— Сам выбирай. Но если хочешь, буду считать тебя ленивым.

— Не знаю, как тебя и благодарить. — Считая беседу законченной, он хотел было подняться со стула, но его остановил неожиданный вопрос журналиста.

— Не могу понять, Коля, где вам дорогу перешел Дзись-Белоцерковский?

— С чего ты взял, что именно эта персона нас интересует?

— Ты сам сказал, — пожал плечами Стас и пояснил: — Тебя ведь интересует пятилетняя история? С того самого времени, когда Дзись-Белоцерковский стал председателем всероссийских конкурсов?

— Наверное, совпадение, — постарался оправдаться Золотарев.

— Да какое уж там совпадение! Ты меня за дурака-то не держи! Как ты только заговорил о судьбах конкурсанток, я сразу понял направление ваших интересов.

— Ну и...

— Белоцерковский владеет мощной сетью модельных и эскортных агентств. Понятно, что все отбракované красавицы попадают в первую очередь к нему. — Варенцов на этот раз метко швырнул непогас-

ший окурок в форточку и поднялся. — А дальше что, Коля? Не могу понять, в чем загвоздка? Им что, этим девицам, плохо у него живется? Их от шоколада воротит! Бриллиантами и золотом, как богини, обвешаны! Кроме как в лимузин, ни в одну машину не сядут! Я часто бываю на приемах и светских вечеринках, вижу эти холеные неживые лица, которые к себе ближе чем на три метра парней типа меня не подпускают.

— Но многие за такую жизнь вынуждены жестоко расплачиваться...

— Ах да брось! Лишний раз уступить Белоцерковскому и раздвинуть ноги ты считаешь жестокой платой? Это — удовольствие! Последний раз я видел, как развлекаются мужики из высшего света и с каким удовольствием подыгрывают им модели. И те и другие играли в бильярд, только в качестве луз использовались девушки с раздвинутыми ногами.

Золотарев даже поморщился:

— И почему ты решил, что им это может составлять удовольствие?

— А то нет! Девицы-лузы подыгрывали, стараясь ловить шары от самых богатых клиентов! Вот так-то и зарабатывается зефир в шоколаде! Разве не удовольствие час посидеть на столе, поймать несколько шариков и в награду получить гонорар, который мне и в течение года не заработать!

Золотарев закинул ногу на ногу и задумчиво уставился на открытую форточку, которая словно труба поглощала сигаретный дым.

— А унижение?

— Какое там, на хрен, унижение! Говори — взаимовыгодное сотрудничество!

— Наверное, Стас, тебе этого не понять.

— Почему же?

— Потому что в твоей классификации о хитрых и ленивых совсем выветрилось место о достоинстве и чести, целомудрии и воспитанности.

— Ты что, серьезно?

— Вполне. Наверное, ты стал продвинутым журналистом, среди которых модно придерживаться западных понятий.

— А ты что ж, по-прежнему веришь в светлое коммунистическое будущее? — не без издевки задал он вопрос.

— Да нет, помнится, в универе мы с тобой изучали и другие времена, когда человек, дороживший своей репутацией в обществе, и помыслить не смел о собственной выгоде. Были ценности поважнее — вера в царя и Отечество, воинская слава, честь близких, собственная честь. При Советах установки частью поменялись, но тем не менее все остальные компоненты остались неизменными: и воинская слава, и Отечество, и собственная честь.

Варенцов впервые простодушно расхохотался:

— Узнаю Золотарева! Каким ты был в университете, таким ты и остался! Надеюсь, в отношении слабой половины человечества своих позиций не поменял?

— Нисколько, — дружески улыбнулся Золотарев. — Баб-с очень люблю. Как поручик Ржевский. Причем всех, всегда и в любое время.

Варенцов бросил взгляд на наручные часы и быстро засобирався.

— Заболтался я здесь с тобой о чести и достоинстве. А мне через полчаса нужно быть на открытии выставки. Вечером заметку в номер сдавать. Хочешь со мной?

— А что за выставка?

— Как раз по твоей части. Грани пошлости и реализма в эротической живописи.

— Где она проходит?! — Золотарев соскочил со стула, похлопал по карману куртки, стараясь обнаружить сотовый телефон и тут же дозвониться до Катышева. Зная о пристрастии Паши Коробатова к подобным мероприятиям, можно было надеяться, что он не останется непричастным.

— На Кузнецком, в Центральном доме художника. Так идешь?

— А у тебя лишний пригласительный билет есть?

Варенцов вынул из кармана несколько разноцветных открыток с изображением рембрандтовской Даныи.

— Нам в редакцию целыми пачками присылают.

— Тогда по старой дружбе я у тебя конфискую штуки три!

18

К счастью Катышева и Диночки, Паша Коробатов терпеть не мог премьер, презентаций, вернисажей и открытий, когда залы, где происходили мероприятия, заполнялись, как ему казалось, сотнями голодных людей.

Сколотивший уважение и состояние своим личным горбом и мозгами, Паша в конце концов пришел к выводу, что выведенный совдепией тип халявщика с успехом прижился и в рыночных условиях. На территории от Японского моря до Балтийского, на которой теперь, как и по западным меркам, за услуги и удовольствия полагалось платить из своего собственного кармана, этого не произошло. Все что-то и у кого-то просили. Все искали спонсоров и благотворителей. Хуже того, по-прежнему не только не отмерла, но и увеличилась группа нахлебников, которым все, что нужно в жизни, давалось легко и без труда. Большинство из них имели добротное образование, очаровательную внешность, уважаемых родителей. Но это не мешало им быть обыкновенными попрошайками, которые прилагали все усилия, чтобы не пропустить ни одного фуршета, ни одной презентации. Порой Пашу Коробатова даже забавлял вопрос о том, каким способом они попадают без приглашений на чередующиеся одно за другим мероприятия. Не надо быть хорошим счетоводом и математиком, чтобы не заметить, что на фуршеты приходит народу в два раза больше, чем напечатано приглашений. При этом профессиональных халявщиков Паша Коробатов видел издавна. Нахлебник вяло хлопает под приветственные и бравурные речи и с сонным видом дожидается окончания официальной части. Он занимает место поближе к дверям, ведущим в банкетный зал. Но он никогда не пропустит последних слов организатора и с первыми аплодисментами стрелой устремится к столам со снедью и выпивкой. Коньяком он доверху заполнит большие бокалы, а бутерброды с

икрой станет лихорадочно засовывать не только в рот, но и в карманы. Парадокс российского дармоеда, по мнению Коробатова, состоял и в том, что он не отличался особой жадностью и при случае не отказывал в удовольствии пригласить к бесплатному застолью таких же, как и он, закадычных друзей, всегда готовых наполнить брюхо на дурнячка.

Когда в столице прочно сформировалась своеобразная «презентационная мафия», не пропускающая ни одной мало-мальски приличной кормежки, Паша перестал посещать премьеры, презентации, вернисажи и открытия. Для него было неприемлемо совмещение высокого искусства и обыденной жратвы.

Но в то же время, чтобы не затеряться в числе обыкновенных смертных посетителей и ценителей настоящей эротики, он всегда появлялся в залах выставки сразу после презентационных обедов. В этом было свое преимущество. Набив брюхо и карманы, полупьяные халявщики покидали залы, народ с улицы все еще не допускался, и у Паши было время без суеты и толкотни пообщаться с произведениями как великих мастеров, так и с халтурами скоротечных, но модных направлений.

Уже само название выставки «Грани пошлости и реализма в эротической живописи» говорило о многом, и Паша, не задерживаясь, покидал залы, где на стенах были вывешены размалеванные женские тела. Лишь изредка его взгляд привлекало то или иное полотно, и тогда он на секунду-другую останавливался, выбирая нужный ракурс и расстояние для просмотра.

За неполные два часа он успел осмотреть половину

экспозиции, когда в одном из залов увидел необычную для его восприятия картину. Около довольно мелких полотен, вывешенных по стене в хаотичном порядке, в ситцевом платице, словно на улице было жаркое лето, стояла молодая в полном соку женщина, тщательно позируя перед парнем в потрепанных джинсах. Паша подошел поближе и скосил глаза в сторону мольберта. Художник, видимо, привыкший к вниманию зевак, лихо водил по холсту жирным карандашом, заканчивая произведение. Пашу бы никогда не привлекла эта заурядная мазня, если бы фигура, запечатленная на холсте, в отличие от настоящей женщины, которая мгновенно понравилась Паше, не оказалась совсем нагой.

Улыбнувшись столь необычному взгляду на вещи, Паша совсем тихо, чтобы не могла услышать натурщица, произнес:

— Вы, наверное, молодой человек, смотрите на мир через розовые очки?

Художник на секунду оторвал взгляд от своего далеко не реалистического произведения и усмехнулся:

— Ошибаетесь, сэр, мое творение как раз в жилу! На фоне всех этих довольно пошлых открыток, мне, дабы увидеть в женщине истинную красоту, не нужна откровенная демонстрация живой плоти!

— Вот как! — уже нисколько не опасаясь быть услышанным, изобразил удивление Паша. — И героиня вашего полотна согласна с такой композицией?

— Не знаю, — нехотя ответил художник. — Настоящий мастер-реалист пишет не то, что видит, а то, о чем подсказывает ему душа.

Теперь паренек с карандашом в руке казался ему не

менее привлекательным, чем сама натурщица. Даже при том, что изображение на холсте не отличалось задумкой и оригинальностью. Но, скользая взглядом по плавным формам застывшей около стены женщины, он вдруг сообразил, что тело, скрываемое платьем, до мельчайших нюансов отображено на холсте. Иначе откуда бы взялись две крупные родинки, одну из которых он мог и сам видеть на шее? Другая, заметно выделенная, красовалась на правой груди. У Паши даже проскользнула догадка, что наверняка молодой человек все эти откровенные прелести мог видеть воочию.

— И что вы хотите сказать этим произведением? — спросил Коробатов.

— То и говорю, что Россия погрязла в сексе и разврате. Нас приучили к обнаженным женским телам, как к тарелке с холодным студнем. Кругом сплошная порнуха! В женском теле не осталось ничего таинственного. Вот я и хочу увидеть это самое таинственное!

— Вы что же, против секса? — Умозаключения парня становились забавными.

— Против!

— Тогда страна просто вымрет! — усмехнулся Паша.

— Не вымрет. В России, как сказала одна легендарная женщина, секса никогда не было, но росту численности населения это вовсе не мешало.

— И все же не могу не заметить, что вы не оригинальны!

— Считайте, как хотите, а мне — плевать! — отмахнулся художник.

Невнимание к его персоне немного задело Пашу, но он был благодарен «реалисту» за то, что тот до сих

пор не послал его по матушке. Женщина в это время опустила головку и под прямым лучом софита показалась Паше грустной и печальной. Не спросив разрешения, она оставила подиум и заглянула в мольберт.

— Это я? А почему голая? Ты что, урод, себе позволяешь!

Паша дотронулся до ее локтя:

— Не сердитесь на него. Искусство требует жертв. Вы необычайно прекрасны! Я бы назвал картину «Скрывающаяся невинность».

— Скрывающаяся невинность? В этом что-то есть! — Художник, нисколько не отреагировав на мнение натурщицы, поднял голову и посмотрел на незнакомого посетителя. Тут же бросил карандаш и резко захлопнул мольберт. — Жрать хочется!

— Разве вы не были на фуршете? — спросил Паша.

— Ненавижу фуршеты и презентации!

— Тогда могу пригласить вас и вашу спутницу в уютное кафе, — предложил Паша.

— Опять халява, — только и ответил художник.

Последняя фраза окончательно добила Пашу, который, презирая всех мировых дармоедов, с этого момента даже полюбил и независимого художника и его покладистую натурщицу.

Через час Катышев и Диночка сидели в уютных кожаных креслах в Пашиной квартире. Разглядывая многочисленные картины на стенах, капитану даже показалось, что он не покидал зала выставки. Все портреты и художественные композиции многогранно представляли тему эротики. На полках шкафов и серванта в бронзе и фарфоре застыли фигурки обнаженных дам.

Под розовым абажуром комнаты гулял необычный аромат, который туманил голову Катышеву. Диночка также подверглась его воздействию и, приоткрыв ротик, не сводила глаз со своего живописца. Только Паша Коробатов был спокоен.

Он поставил на стол пузатые бокалы и наполовину наполнил их тягучим напитком.

— Что мы будем пить? — не без волнения поинтересовался Катышев.

— О! Это чудотворная вещь, которая не оставляет равнодушными ни один из полов.

— А конкретно? — Диночка, словно испугавшись, прикрыла колени подолом ситцевого платья.

— Это эротический коктейль. Но не стоит так волноваться, — ответил Паша, заметив стыдливый жест гостыи. — Его чудодейственная сила проявляется только через три дня. Могу дать рецепт. Литр белого вина, стакан апельсинового сока, десертная ложка коньяку, еще одна ликера, затем добавляете две столовые ложки меда, четверть чайной ложки кардамона и свежие листья мяты. После чего коктейль тщательно фильтруется и настаивается в холодильнике. Только потом им можно угостить любимого человека.

— Забавно, — поднимая бокал, отозвался Катышев. — В этой жизни все сводится к одному — пойлу, жратве и близости.

— А как вы хотите? — присаживаясь на диван, ответил Коробатов. — Вопрос человеческого интима — извечный и далеко не простой. Вопрос, можно сказать, государственный, влияющий на все аспекты жизни.

И политический, и экономический, и военный, и уж тем более социальный.

— Ну это ты загнул, брат! — отказался верить Катышев. — Целомудрие и непорочность — вот главный вопрос.

Коробатов первым сделал глоток коктейля и улыбнулся:

— Хотите, я вам расскажу древнюю историю, дорогой мой художник? Может быть, вам придется обратиться к этому сюжету?

— Валяйте! — отозвался Катышев, раздумывая, как поделикатнее начать разговор о госпоже Черемисовой и напроситься в гости в ее элитное заведение.

— Это индуистская религиозная легенда, — тихо рассказывал Коробатов. — Однажды в страну явился злой демон, который задался целью уничтожить все живое путем предотвращения рождений. И демону удалось внушить всем мужчинам и женщинам, самцам и самкам всех видов животных, что возня в постели — великий грех. Те прониклись чувством к новому богу и стали испытывать к половым контактам дикое отвращение. И что же получилось? Птицы перестали вить гнезда, тигрица осталась без тигрят, а в людских хижинах забыли, что такое плач новорожденного. И тогда все женщины и самки животных предстали пред очи доброй богини Кали с одним-единственным обращением — вернуть им детей, а миру — молодость. Владычица вняла мольбам, уничтожила злого демона, жизнь сразу наладилась и пошла своим чередом.

— Ерунда! — вяло ответил Катышев и сладко зевнул. Мысли об оперативном задании оставляли его.

Эротический коктейль растекался по его организму. Теперь он даже забыл, с какой целью оказались они с Диночкой в этой квартире. Состояние неги и блаженства все больше и больше овладевало им. Он видел, что и Диночке было так же хорошо, как и ему. Он закрыл глаза, и перед ним предстала богиня Кали в образе жены Кати. Словно из стереодинамиков со всех сторон доносился обволакивающий голос Паши Коробатова. Катышеву вдруг стало жарко, и он расстегнул пуговицы рубахи. Богиня Кали дотронулась рукой до его груди...

Сколько времени пришлось ему быть в гостях у богини, Катышев сказать бы затруднился. Все тот же розовый полумрак наполнял комнату, когда он открыл глаза. Ему по-прежнему было легко и приятно. Только теперь он сидел не в кресле, а лежал на диване около стены. Кто-то крепко обнимал его. Он приоткрыл край одеяла и увидел голову Диночки. Ее обнаженные плечи и ощущение свободной горячей груди говорили о том, что она, как и сам Катышев, давно освободились от одежды. Увидев во мраке упавший подбородок хозяина квартиры, который, прикрытый пледом, сидел в кресле напротив дивана, Катышев окончательно понял, что произошло. Скорее всего, вместо мяты, в качестве ингредиента для коктейля был внесен гашиш или кокаин.

Он вытер пот со лба и осторожно высвободился из цепких объятий Диночки. Приготовив ловушку для Коробатова, он сам в нее и угодил. Мало того, этот сорокалетний ценитель эротического искусства стал пусть единственным, но зрителем интимного спектакля, глав-

ные роли в котором исполнили работники правоохранительных органов. Станет ли оправдываться перед Катей и каким образом он это сделает, Катышев старался сейчас не прогнозировать. Теперь он лихорадочно соображал, как из пошлой ситуации, в которую их вовлек Коробатов, извлечь выгоду. Впрочем, выход лежал на поверхности. Вернее будет сказать, полусидел в кожаном кресле. Статьи за распространение наркотических средств и склонение к развратным действиям никто не отменял. На журнальном столике все еще пухли от удовольствия бокалы с остатками коктейля.

Катышев натянул джинсы и накинул рубашу. Он бесшумно подошел к креслу и, зажав Коробатову рот ладонью, ухватил его за копну волос на затылке. Показав вмиг проснувшемуся хозяину, что поднимать шум не в его интересах, он выволок ценителя клубнички в другую комнату. Два коротких, но чувствительных удара по печени были первым намеком, что это еще не вся расплата за полученное удовольствие. Паша мешком опустился на колени и с мольбой закатил глаза.

— Я готов заплатить, — жалобно хныкнул он.

— А куда ты теперь денешься? Об интима умолчим, а за хранение наркотических средств и оказание сопротивления сотрудникам милиции, что выразилось в отравлении, придется заплатить сполна.

— Вы разве не художник?

Катышев, не обращая внимания на догадку хозяина квартиры, присел перед ним на корточки.

— Слушай сюда, гнида. Мне нужно попасть в салон Черемисовой.

— Но это практически невозможно.

— Мне и моему коллеге...

— Вы бредите! На каждого человека нужно, как минимум, по два рекомендательных письма!

— Напишешь!

— И с каждого по тысяче долларов вступительный взнос!

— Заплатишь!

— Это вымогательство! Вы все равно ничего не докажете! Я буду жаловаться! — моментально вспомнил о своих защитниках и надлежащей юридической подготовке Коробатов.

— И кому же ты, сволота, станешь жаловаться?

— Начальнику районного отделения милиции подполковнику Ломакину!

— Это хорошо! — тут же вспомнил Катышев фамилию сотрудника органов, кому в качестве подарка преподнесла один из сотовых телефонов Черемисова. — Я уже начинаю бояться. Может быть, есть защитники и рангом повыше?

— Найдутся и повыше! — понимая, что сболтнул лишнее, поникшим голосом отозвался Паша.

Катышев ухмыльнулся и кивнул в сторону зала, в котором все еще стояли бокалы и бутылка с коктейлем.

— Ты же умный мужик, Коробатов! Так мы, надеюсь, договорились?

— Я попробую.

— Когда очередное сборище в вашем клубе?

— Завтра.

— Вот и приступай к делу. Кстати, и о твоих защитниках мы еще поговорим. Они бывают в клубе?

— Исключено.

Из комнаты донесся звон разбившейся посуды, и Катышев понял, что и Диночка вернулась в мир реальности. Он постучал и приоткрыл дверь комнаты.

— Отдохнула? Нам пора...

Она уже была одета.

19

Золотарев тоже не сидел сложа руки в ожидании, когда Стас Варенцов преподнесет ему на блюдечке списки с фамилиями участниц всероссийских конкурсов. Выпроводив Фочкина улаживать очередной конфликт с извечно проблемным характером тещи, он с головой окунулся в паутину Интимнета, отыскивая и извлекая сайты модельных и эскортных агентств. Полное преимущество как по количеству и разнообразию услуг, так и по комплектации штатов на этих предприятиях принадлежало Дзись-Белоцерковскому. Проблема состояла лишь в том, что под фотографиями девушек, которых фирмачи и бизнесмены могли пригласить в качестве сопровождения на вечеринку, в деловую поездку или куда-то еще по своему собственному усмотрению, стояли лишь имена, выписанные на иностранный манер — Мэри, Катрины, Сюзанны, Клаудии. Может быть, для нувориша или олигарха в этом импортном звучании и заключался шарм и загадочность русской девушки, но не для Золотарева. Засилие иностранных слов, как и имен, только раздражало. Кличка Жанет, которую, оказавшись в борделе, оставила за собой бывшая красавица, тоже

говорила о том, что когда-то она имела честь трудиться во благо господина Белоцерковского.

Внимательный взгляд оперативника запоминал лица моделей. Все они были худы, скуласты, красивы, словно куклы похожи друг на друга. И неискушенному и еще не испорченному тонкими нюансами и изысками обывателю было бы все равно, какая из этих девиц стояла бы рядом и представляла его интересы.

Закончив просмотр моделей, Золотарев с легкостью отыскал сайты проституток Москвы. И если бы в данную минуту в кабинет вошел полковник Полуяров, то нисколько бы не усомнился, что его подчиненный капитан охвачен отнюдь не оперативной деятельностью. Николай с таким пристрастием вглядывался в лица и тела шлюх, будто придирчиво подыскивал кандидатуру на ночь. Тем не менее чрезмерное возбуждение не помешало оперу отметить, что несколько знакомых лиц ему уже попадались на добропорядочных сайтах модельных и эскортных агентств. Этот факт мог говорить о том, что девушек или отчислили, не успев снять фотографии с официальных рубрик, или вовсе перевели на нижестоящую должность. Версия о самостоятельной дополнительной подработке казалась совсем маловероятной.

Варенцов позвонил, когда за окном была уже темнота. Компьютерные лица и другие части тела девиц слились в одну общую фигуру с параметрами 90х60х90 и ничего, кроме отвращения, у Золотарева не вызвали. Стас известил, что находится в кафе, в десяти минутах ходьбы от Павелецкого вокзала. На интересующий вопрос капитана насчет списков ответил, что обмен состоится только посредством стаканов с мартини.

На счастье Золотарева, импортного напитка в этой кафешке не оказалось, и Варенцов милостиво согласился на пиво. Он сам подозвал официанта и попросил принести по кружке светлого.

Официант, погладив чистое полотенце на руке, поднял глаза в потолок:

— Вечером светлым не торгуем. Пиво только темных сортов.

— Тогда, дружок, тащи свое темное и... отбеливатель, — изрек он, скосив глаза на товарища, с нетерпением ожидающего заполучить списки.

Через минуту на столе возвышались две литровые кружки и графинчик с водкой. На этот раз Золотарев от спиртного не отказался. Выпив рюмку водки и закусив несколькими глотками из большой кружки, Варенцов поставил на колени кофр и извлек из него коробочку с дисками.

— Здесь практически все девицы, которые выходили на сцену за последние пять лет. Вот только с фамилиями и судьбами беда.

— Вообще нет? — огорчился Золотарев

— Обижаешь, начальник, — ответил Варенцов, выкладывая из кофра туго набитый бумагами полиэтиленовый файл. — Половину персонажей вычислить удалось. Извини, но я уже вместо тебя провел предварительное следствие. Большинство не снискавших лавров конкурсанток сразу были зачислены в фирмы Дзись-Белоцерковского.

— Я проглядел сайты с фотографиями девушек...

— Я тоже успел. — Варенцов, ни с того ни с сего помрачнев, потянулся к графину. — И могу тебе ска-

зять, что немногие у него задерживаются надолго. Каждый раз после очередного конкурса идет обновление штатов.

— А что тут удивительного? Все понятно, даже московский рынок модельных и эскортных услуг ограничен, а придиричивый клиент требует нового товара.

— Рынок-то, действительно, не резиновый, — согласился Стас и лихо опрокинул в рот водку. — Но меня поразило другое...

— Как могли модели оказаться в элитных салонах по оказанию интимных услуг? — без особого труда предугадал вопрос товарища капитан. — Это тебя поразило?

— Если бы только в салонах! — Варенцов хлопнул ладонью по папке с бумагами. — Они опустились до уличной проституции! Как это произошло — вот чего я не могу понять. Девчонки с изящной внешностью, разрекламированные на всю страну, в крайнем случае могли найти места в крупных банках и солидных учреждениях, вдруг ублажают клиентов на улицах и в грязных притонах! Я никогда не поверю, что они по своей собственной воле согласились на эту работу!

— Разберемся. В жизни происходит много странных вещей, — стараясь вытащить папку из-под руки Стаса, на этот раз уклонился от прямого ответа Золотарев. — Давай лучше выпьем.

— Не хитри!

— И не думаю.

Варенцов ухватил ускользающий край папки.

— Послушай, Коля, мне ведь ничего не стоит само-

му отыскать пару-тройку персонажей и переговорить с ними. Тут не только фамилии, но есть некоторые адреса.

— Дурак, твой репортаж испортит всю операцию. Главные виновники залягут на дно. И пока мы их не ухватили за руку, будут делать вид, что никакого отношения к этому не имеют.

— А кто главные виновники? Ответь честно: Белоцерковский ими торгует?

— Кем?

— Моделями.

— Не он один этим занимается. Тут хорошо отлаженная сеть продавцов и посредников, — вспомнив о ступеньках падения Жанет и Ляли, честно признался Николай.

— Но ведь девушки могли обратиться за помощью к вам, в милицию?

Золотареву удалось вытянуть папку с бумагами. Он сложил ее вдвое и, успокоившись, засунул во внутренний карман куртки.

— А кто тебе сказал, что они не обращаются? Обращаются. Вот мы и разбираемся.

— С кем разбираетесь? — криво и с недоверием усмехнулся Стас. — С теми, кто их толкает на панель? Или с теми, кто покрывает проституцию и получает за это огромные бабки?

— И с теми, и с другими.

— Да ты не так прост, как мне казалось! — Побагровевший Варенцов механически похлопал по карманам джинсовой куртки и извлек пачку сигарет.

— Вот как? И откуда такие выводы?

— Ты меня держишь за полного идиота? Я все боль-

ше убеждаюсь, что тут и ваш интерес имеется. Допустим, девица приходит с жалобой в милицию, но в тот же вечер снова оказывается на панели! Это говорит о том, что менты заодно с сутенерами. Если сами ими не являются.

— Заказать еще водки? — стараясь поменять тему разговора, спросил Золотарев.

— Не хочу я с тобой пить.

— Да перестань страсти нагнетать! — не выдержал Николай. — Что ты мелешь? С кем я заодно?

— Тогда ответь мне, почему уголовный розыск в твоём лице стал проявлять столь повышенный интерес к проституции? Насколько мне известно, ночными бабочками всегда занимались отделы нравов. — Он несколько секунд не сводил глаз с Золотарева. — Не хочешь говорить — тогда я тебе скажу. Значит, уголовный розыск тоже стремится урвать долю. Соответственно, начался очередной передел интимного рынка. Только теперь уже между структурами правоохранительных органов. Ты ведь, насколько мне известно, сотрудник уголовно-сыскного направления?

Золотарев до краев наполнил рюмку:

— Ход твоих мыслей верен. Только одна загвоздка, Стас. Я давно не работаю в уголовном розыске. — Он посмотрел на него и поднял рюмку. — Твое здоровье!

— В прокуратуры перешел? — дождавшись, пока собеседник выпьет, постарался уточнить журналист.

— Нет, Стас, я работаю в управлении собственной безопасности МВД.

— Тогда все понятно. Значит, ход моих мыслей верен. Только ты здесь ни при чем. — Он подобрел и

примирительно улыбнулся. — Накатывай еще по одной. Так вот ты какой, цветочек аленький...

Распрощавшись со старым товарищем и заручившись у него словесной клятвой о неразглашении оперативной тайны, он несколько секунд простоял около входа в кафе, раздумывая, ехать ли ему домой или вернуться на работу и в стенах не располагающего ко сну казенного кабинета просмотреть содержимое папки. Десятки раз убедившись, что мягкость и уют домашнего дивана нисколько не способствуют производительности труда, он нехотя зашагал в сторону управления.

Сведения, собранные Стасом Варенцовым, даже не могли считаться половинчатыми, но и их с лихвой хватало, чтобы прийти к выводу: с недавних пор различные конкурсы красоты, начиная от районных и ведомственных и заканчивая всероссийскими, стали своеобразным отбором и распределителем претенденток на должности в фирмах по оказанию интимных услуг. Причем чем красивее и привлекательнее члены жюри находили конкурсантку, тем круче была высота, с которой ей приходилось постепенно катиться вниз. Торжественное зачисление в модельное или эскортное агентство после неудачи или осечки на конкурсе считалось успехом, но это становилось только первым шагом вовлечения в секс-индустрию. После «испытательного срока» девушки оказывались в элитных салонах. Набив оскомину клиентам, переводились в дома терпимости рангом ниже, уступая дорогу новобранкам. Провинциальные серые мышки, которые отбраковывались на первой стадии подготовки к конкурсу, в зависимости от сговорчивости и оплаты, или сразу за-

числялись в рядовые бордели и притоны, или занимали места на улицах и вдоль дорог.

Среди пяти с лишним сотен претенденток на корону «Мисс Отечество», принимавших участие в соревновательных отборах и записанных на лазерном диске, Золотарев узнал и Жанет. Это была настоящая красавица, девушка с естественными румяными щеками, блестящими от счастья глазами, длинной косой и в расшитом русском сарафане. Честно говоря, он узнал ее с трудом. На ролике была совсем не та счастливая Женька Новожилова, которая двумя годами позже понуро сидела в этом самом кабинете и давала показания — уже без косы, без счастливой улыбки, с осунувшимися плечиками и потухшим взглядом. Теперь он был уверен, что и пара сотен других конкурсанток, угодивших в лапы Дзись-Белоцерковского, подготовленных и выгодно проданных для секс-бизнеса, теперь также могли иметь столь непривлекательный вид.

Посетив еще раз в этот вечер сайты модельных и эскортных агентств и сравнив лица очаровательных работниц с лицами девушек на диске, он убедился, что только две участницы конкурса пятилетней давности продолжали карьеру модели. Зато около полутора десятков были на сайте интим-знакомств. Последствия распределения штатных единиц конкурса четырехлетней давности представляли такую же пропорцию. Трехлетнего — раскладывались как «фифти-фифти». Половина еще была моделями, а другая половина — проститутками. И лишь результаты последнего всероссийского мероприятия говорили о том, что свежих девушек пока не спешили списывать со счета, все они

числились в агентствах и фирмах Дзись-Белоцерковского.

Золотарев выключил компьютер. Для сбора доказательной базы ему оставалась «сухая малость», встретится как можно с большим количеством неудачниц и добиться правдивых показаний. Он нисколько не сомневался, что это будут истории, идентичные той, которую ему пришлось услышать от Жанет. Истории о том, как карьера катилась вниз, и о тех людях, кто способствовал столь головокружительному падению.

Он сладко потянулся, когда услышал шаги за дверью. Время приближалось к одиннадцати часам вечера. В такой поздний час сотрудники появлялись в управлении только по оперативной необходимости. Полуяров никаких операций не планировал, и Золотарев был уверен, что в коридоре могли раздаваться шаги двух человек только из другого отдела. Он резко встал и, открыв дверь, увидел перед собой Катышева и Диночку. Давняя и единственная помощница Князя, чего никогда в этой жизни не мог видеть не только Золотарев, но и сотрудники всего управления, крепко прижимаясь, держала капитана под руку.

Глянув на них, Золотарев никогда бы не решился предположить, что столь тесному сближению способствовала успешно и совместно проведенная операция.

20

Фочкин не отходил от зеркала. Он впервые в жизни видел свое отображение не в милицеском мундире, не в поношенных свитере и джин-

сах, а во фраке, под которым скрывалась белоснежная, накрахмаленная сорочка. Вместо казенных ботинок на ногах сверкали лаковые туфли. Галстук-бабочка, взятый вместе с остальной парадно-вечерней одеждой в бюро проката, не только нелепо смотрелся на его бычьей шее, но и вот-вот готов был разорваться от напряжения.

Поздно вечером звонил Катышев, сдержавший свое обещание посетить званый вечер госпожи Черемисовой вместе с майором, и предупредил, какой должна быть форма для предстоящей вечеринки. Но Катышев, в отличие от Фочкина, знающий, чем отличается фрак от смокинга, котелок от обыкновенной шляпы, а клюшка для гольфа от хоккейной, под диктовку объяснил, какими вещами должен обзавестись майор в бюро проката.

Теща яринимать участие в глажении костюма и рубахи наотрез отказалась. И пока у Фочкина шел процесс подготовки к оперативному заданию, мама гремела кастрюлями и сковородками на кухне. Невнимательный зять, каким с первого дня считался Фочкин, нисколько бы не удивился, если бы сварливая баба варила и парила на плите поганки и мухоморы, дабы накормить его перед уходом и сорвать выполнение чрезвычайно важного задания. Словом, когда Олег смог ей объяснить, зачем он потратился на столь необычные для его фигуры и плеч вещи, теща надулась и больше не проронила ни слова. Теперь она всем своим видом показывала, что ее жизнь с этим человеком под одной крышей связывает только взаимная неприязнь. И сколько ни старался Фочкин убедить ее в обратном, она стояла на своей позиции. В конце концов, он и сам надулся, припоминая все свои беды и огорчения, кото-

рые в его жизнь привносила мамаша жены. В памяти тут же возник давний случай. Это было первое близкое знакомство с Клавдией Петровной. Тогда был жив еще тесть, и летом все выезжали на садовый участок. Однажды Фочкин с соседями на дальней улице заигрался в преферанс. Глядь, а время уже третий час ночи. Бросил картишки, поскакал сломя голову домой. Подошел — света в окнах нет, а внутри абсолютная тишина. Все спят. Фочкин даже обиделся: а вдруг с ним несчастье какое приключилось, а они спят как хорьки. Но потом успокоился — и пусть себе спят. Он тихонечко-то к жене ляжет, а утром посмеется: ну и горазды вы дрыхнуть! Влезай в дом, бери, что хочешь, а они и не проснутся.

Зашел он на крылечко, похлопал по карманам, а ключей-то нет. Забыл ключи в пиджаке. Стучать в дверь? Но уж так ему хотелось пролезть потихоньку, что решил никого не будить. Обошел вокруг дома, каждое окно и форточку проверил — все закрыты изнутри. И тут вдруг вспомнил, что на веранде, как раз рядом с тещиным диванчиком, есть плохо закрепленное стекло в раме. Он достал из кармана перочинный ножик, которым намеревался поддеть и выставить секцию оконца. К заветному окошечку лестничку приставил, поднялся, ножиком гвоздики отогнул и выставил стекло. Оставалось только голову, а затем и туловище в проем просунуть. Голову-то просунул, а туловище не успел. Вдруг удар случился такой силы, что любимый зятек сознание потерял и с лестнички приземлился прямо на клумбу с колючими розами.

Когда через несколько минут очухался, то увидел перед собой Клавдию Петровну с огромной чугунной

сковородой в руках. Рядом жена голосит, а тесть старается ему вату с нашатырем под нос сунуть. Когда Олег глаза открыл, неверующая теща перекрестилась, мол, слава богу, живой. Но недолгим оказались ее причитания. Тут же набросилась:

— Ты чего это как грабитель в окно полез? Дверей нет, что ли?

— Ключи дома забыл.

— А чего не стучал? Ладно, башка поболит и пройдет. А тебе впредь наука будет.

Утром о ночном инциденте никто не вспоминал. До тех пор, пока теща не проснулась. Села за стол, налила себе литровую кружку чаю и давай смаковать происшествие, как показалось Фочкину, с издевкой да подковыркой, мол, голова у тебя, зятек, крепкая. Прочнее чугунной сковородки будет...

Конечно, он не мог не отомстить. В тот же вечер, как только домашние спать улеглись, он тихонько на крылечко вышел, вытащил из кармана пузырек с валерьянкой, да всю входную дверь этим зельем и обмазал. И побежал в картишки играть. И по первой не успели раздать, а от дома стали доноситься истошные кошачьи вопли. Видать, на крылечко коты сбежались со всей округи. Мужики интересуются у него, что это около твоего дома за шабаш творится? А он лишь отмахивается, дескать, то теща своих любимых котов по методу Куклачева чему-то обучает. Вдруг выстрелы прогрехотали, Фочкин карты бросил и помчался к дому. Входит на веранду и видит такую картину: тесть с ружьем стоит, а теща на своей кушеточке... в полуобморочном состоянии. Славный мужик тесть был. Раз-

водит руками и с недоумением жалуется: вот, мол, коты довели. И откуда их столько взялось?

Отутюжив брюки и окончательно поняв, что взаимопонимания не будет, Фочкин принялся насвистывать свою любимую частушку, которую мама не раз слышала от подвыпившего Олега: «Я у тещи под окошком похожу да попляшу. Полюбуйся, теща-мать, как выпендривается зять».

Когда к подъезду подкатила «Волга» Полуярова и они встретились с Катышевым, придирчивый капитан, одетый с особым изыском, осмотрев коллегу, нашел, что локоть пиджака Фочкина после глажения слишком отблескивает, а гармошка в коленях на брюках так и не удалилась.

Но Олегу Фочкину, по большому счету, было наплевать. Ему ужасно хотелось хоть одним глазком увидеть, как развлекается и чем занимается изысканное общество.

Около подъезда в особнячок на Пятницкой улице их встретил чем-то напуганный тип, представившийся Фочкину Пашей Коробатовым. Протянутая майору ладонь оказалась мокрой и вялой, отчего Олег сделал соответствующее заключение о подобии новому знакомому всего светского общества. Правда, такое ощущение у него прошло, как только они поднялись по лестнице и вошли в залу с небольшим будуаром, где в кожаном кресле во всем великолепии предстала госпожа Черемисова.

Не поднимаясь, она приветливо улыбнулась, не сводя глаз с Катышева, и протянула руку. К радости Фоч-

кина, прикоснуться губами к руке был удостоен только Катышев.

Коробатов сухо и по-деловому рекомендовал их как своих старых друзей и коллег по бизнесу. Катышев был представлен как господин Томский Владлен Николаевич. Фочкину заранее было присвоено имя Дмитрия Башкирова, начальника частного охранного предприятия. Закончив процедуру знакомства, Коробатов выложил на туалетный столик конверт. Вступительный взнос был сделан, и с этой минуты оперативники могли считать себя членами элитного клуба.

— Такого поручительства, как слово господина Коробатова, для меня более чем достаточно, — закинув ногу на ногу и приняв деловой вид, совершенно не соответствующий ее наряду, сказала Черемисова и поправила ворот сиреневого костюма. На лацкане пиджака красовалась рубиновая брошь. — Павел меня информировал, господин Томский, что вы занимаете должность экономического директора сибирской нефтяной компании. Но в клубе с недавних пор существует правило: каждый новый член обязан заполнить вступительную анкету. Я искренне прошу прощения за неудобство и назойливость, но поверьте, такая процедура принята только для блага и безопасности членов нашего клуба.

Она открыла ящик парфюмерного столика и извлекла два разграфленных, сложенных вдвое листа. Больше в ящике ничего не было. Катышев моментально пришел к выводу, что анкеты заранее были заготовлены только для них. Он соображал, как поступить: высокомерно отказаться, что вполне соответствовало

роли нефтяного воротилы, или унизиться и снизить до роли обыкновенного просителя.

Он нехотя склонился и небрежно взял в руки анкетную заготовку, как ему показалось, составленную и отпечатанную второпях. Он только на секунду сощурил глаза, даже не стараясь прочитать первый вопрос, и тут же бросил лист обратно на стол.

— Однажды мне уже приходилось заполнять анкету, — сказал он. — Одна из либеральных партий умоляла, чтобы я вступил в ее ряды.

— И вы отказались? — не без интереса спросила Черемисова.

— Я туда не напрашивался. Я не знал их программы, так же как не знал, чем они вообще занимаются. А потому подумал, что раньше легко обходился без партии и почему бы либералам не обойтись без меня...

— Они, конечно, прогадали?! — в голосе Черемисовой улавливались нотки усмешки.

— К сожалению, нет. Ровно через неделю помощник принес в мой кабинет письмо за подписью генерального секретаря, который сообщал, что я с честью прошел проверку и принят в ряды либералов. В том же письме я нашел счет на несколько миллионов рублей. Партия очень просила финансовой помощи.

— И вы, Владлен Николаевич, конечно, не раздумывая, счет и письмо порвали и выкинули в урну?

— Почему? Я оплатил. Причем не раздумывая. Тем самым показал, кто из нас, я или партия, нуждается в новых членах и финансовых поддержках.

Все это время, пока длился разговор, Фочкин, сложив руки на груди, разглядывал панно, висевшее на

стене. По всей видимости, обнаженная красotka, приоткрыв дверь деревенской избы, выглядывала наружу, то ли провожая, то ли приглашая войти гостя. А Паше Коробатову, который устроился в уголке на кресле, исподтишка наблюдая за товарищем Катышева, даже казалось, что коротко стриженному «пеньку» с массой мышц и мускулов абсолютно все равно, как решится разговор о членстве в элитном клубе.

Катышев, дабы привлечь внимание коллеги, щелкнул пальцами, показывая, что церемония знакомства закончилось и в этом заведении им больше делать нечего. К его изумлению, Фочкин даже подыграл, проявляя поспешность поскорее убраться.

Нисколько не чувствуя себя виноватой и не меняя выражения лица, Черемисова легко отмахнулась.

— Ах бросьте, господин Томский, разыгрывать из себя оскорбленного человека. — Она быстро открыла ящик туалетного столика и смахнула анкеты внутрь.

— Извините, сударыня, — готовый уже направиться к выходу, вежливо улыбнулся Катышев. — Я привык покупать товар и услуги только после того, как смогу убедиться в их качествах и полезности. Сами понимаете, что в последнее время слишком много развелось аферистов и мошенников.

Черемисова, мгновенно отказавшись от облика светской дамы, хлопнула ладонями по подлокотникам кожаного кресла и расхохоталась:

— Bravo, господин Томский! Аферисткой меня еще никто не называл! Разговора с вами мне было достаточно, чтобы убедиться в вашей аристократичности.

— Опять не угадали, сударыня. Мой отец всю жизнь

отпахал мастером на металлургическом заводе. Так что с меня такой же аристократ, как из моего коллеги балерина. — Он сделал жест рукой в сторону Фочкина.

Она не обратила на его слова никакого внимания и теперь целиком взвалила на себя функции хозяйки заведения и распорядителя мероприятия.

— У вас есть какие-нибудь пожелания на этот вечер, господа?

— Конечно, — опередив Фочкина, ответил Катышев. — По вашей рекомендации хотелось бы подобрать себе пару.

— О! — Она кокетливо махнула рукой. — В залах вы найдете все, что вам заблагорассудится. У нас умопомрачительные девушки. Таких вы могли видеть разве что на конкурсах красоты и подиумах лучших европейских домов моделей.

— Только девушки? — остерегаясь, что в разговор может вклиниться Фочкин, тут же задал вопрос Костя.

Черемисова еще раз с интересом посмотрела на него:

— Я предполагала, что вы мужчина традиционных ориентаций.

— Вы правильно предполагали, — галантно кивнул в ответ Катышев. — Но девушки, даже с конкурсов красоты, перестали меня увлекать. Слишком все одинаково, даже размер бюста, извините...

— Вы хотели бы девочку? — проявляя осторожность, догадалась, куда клонит разговор новый и разборчивый член клуба. — И какой же возраст вас устроит?

— Ну уж конечно, не ясельный.

— Это будет стоить в три раза дороже.

— Я не на аукционе, сударыня.

— И господин, запомнотвала... Башкиров также склонен общаться только с молодежью? — Она впервые внимательно посмотрела на Фочкина, по фигуре и посадке костюма угадывая в нем скорее телохранителя, чем бизнесмена.

— Нет-нет, — отстраняясь от неожиданного заказа Катышева, впервые подал голос Олег. — Я был бы не прочь провести время с какой-нибудь певицей или актрисой, госпожа Золотая Рыбка...

— Нет проблем, — заверила хозяйка и посмотрела на Коробатова. — Фуршет уже начался. Я буду очень признательная Павлу, если он отведет вас в зал и познакомит с членами клуба.

21

Спускаясь вслед за совсем поникшим Коробатовым по лестнице, обрамленной мраморными перилами, Катышев предположил, что полутора часов Черемисовой вполне хватит, чтобы обратиться к своим опекунам из милиции за помощью и получить необходимую информацию. Посредством компьютерной базы данных легко выяснится, что член совета директоров ресурсно-сырьевой компании Владлен Николаевич Томский действительно реальная фигура. Оперативникам, как бы действовал и сам Катышев, потребуется еще несколько минут, чтобы разыскать сайт компании и взглянуть на фотографию бизнесмена, играющего далеко не первую, но и совсем не последнюю роль в сибирской нефтедобыче. И тогда окажется, что черты лица компьютерного Томского будут совершенно раз-

ниться с физиономией нового, только что принятого в члены клуба человека. Тогда тратить время на выяснение личности господина Башкирова и вовсе не требуется.

Прижавшись к перилам и пропуская мимо себя седого джентльмена, не готового дотерпеть до двери в номер и срывающего с молодой особы остатки одежды, Катышев все больше убеждался, что осторожная Черемисова так и поступит. Но рассчитывал, что полутора часов им с Фочкиным должно хватить, чтобы составить мнение о членах клуба, узнать, что пьют и курят собравшиеся господа, каким образом происходит интимное обслуживание избранного населения, и только затем дать сигнал Золотареву и омоновцам, которые, без сомнения, уже находились вблизи особняка. Конечно, полной удачей и неопровержимым доказательством в склонении к действиям сексуального характера было бы знакомство и уединение с малолеткой, которую и пожелал Катышев. Но до получения полной информации о новичках Мамка-Танька могла и не торопиться с выполнением заказа.

Они вошли в зал, наполненный полумраком, смесью самых различных ароматов духов, полуобнаженными телами, столами с блюдами и бутылками. В центре помещения на отдельном столе в огромной, расписанной под гжель селечнойнице лежала совершенно нагая девушка, разрисованная под огромного осетра. Ее тело обильно сдабривали ломтики лимонов, апельсинов и грейпфрутов. Матрац и простыню заменяла подстилка из толстого слоя маслин, оливок и зеленого горошка. Лицо девушки украшал удлинненный бутфорский нос, а до густо облепленных черной икрой

грудей мог прикоснуться губами каждый желающий. Лишь лобок девушки прикрывала клешня огромного краба.

На крохотном подиуме около шеста извивалась пышногрудая блондинка, на которую никто не хотел обращать внимания, скорее всего потому, что тусовка и так до предела была переполнена женскими прелестями.

Вечер был в разгаре, и отвлекаться на знакомство с только что прибывшими новыми членами никто не спешил. Кто-то был занят дегустацией осетрины и молочных поросят, кто-то, усадив девушек на колени, предпочитал разглядывать и наслаждаться прелестями молодого тела. Но это были, как догадывался Катышев, не самые стойкие члены общества, готовые получать удовольствие в специально отведенных номерах.

Среди полураздетых женщин они заметили немало представительниц артистического и вокального бомонда города, лица, регулярно мелькающие по телевидению, а их голоса заполняли радиоэфир. Они разгуливали по залу, бросали откровенные взгляды на мужчин и не возражали, когда кто-то из представителей сильного пола оттягивал пальчиком и без того откровенный вырез декольте и заглядывал внутрь, словно стараясь выяснить, откуда извергаются модные попсовые мелодии.

— А они что здесь делают? — дотронулся Фочкин до локтя Паши Коробатова, когда мимо продефилировала располневшая известная певица, еще десятилетие назад возглавлявшая рейтинги популярности. Пигментные пятна на плечах певицы не смог скрыть даже густо нанесенный тональный крем. За дамой далеко

уже не юного возраста тянулся шлейф густых французских духов.

— То же, что и все остальные. Тебе что, понравилась эта старая и никому уже не нужная гримза? Так останови, она будет только рада. — Паша с усмешкой заглянул в глаза Фочкину и щелкнул пальцами. — Кроме этого, она уже ни на что не способна.

В то время как Фочкин крутил головой и моргал глазами, отказываясь верить, что такое проведение времени возможно для простого смертного человека, в дальнем углу зала Катышев увидел знакомое по телевизионным репортажам лицо президента конкурсов красоты Дзись-Белоцерковского. Ефрем Львович разговаривал с каким-то чересчур высоким и тучным человеком.

Оставив Фочкина с Коробатовым и вооружившись лишь бокалом с шампанским, Катышев с видом безразличного ко всему происходящему человека направился в их сторону. Сиюминутное знакомство с Белоцерковским в его планы не входило, но фигура тучного человека кого-то ему напоминала. Улыбнувшись похотливому взгляду красавицы, как две капли воды похожей на всех остальных дам, он зашел справа и остановился под колонной. Теперь ему было хорошо видно лицо собеседника Дзись-Белоцерковского. Однажды им уже приходилось встречаться. Это был тот самый государственный чиновник, который проходил оздоровительный курс лечения в спорткомплексе его жены. Это он целовал руку Катерине. И его в очередной раз она защищала от ревностных нападок Катышева. Значит, ревность капитана была обоснованна. Чело-

век, являющийся постоянным клиентом интимных салонов, не менее вальяжно и расхлябанно мог чувствовать себя и в обществе других представительниц прекрасного пола. Насколько ему это удалось в отношении с Катькой и насколько крепка была их дружба, для Катышева оставалось загадкой. Тем не менее он не мог не обрадоваться: за посещение столь откровенных мест даже большого чиновника по головке не погладят.

Он приподнял манжету и посмотрел на взятый напрокат «Ролекс». С того момента, как они расстались с Черемисовой, прошел час. Катышев начинал нервничать. Он еще раз обошел зал, вглядываясь в лица присутствующих. Среди девушек было много заочно знакомых. Тех самых, кого он видел или у Катки в спорт-комплексе, или по телевизору, в ходе трансляций конкурсов красоты. Он оглянулся, стараясь обнаружить на прежнем месте Фочкина. Но ни Коробатова, ни майора не увидел. Кто-то дотронулся до его локтя.

— Господин Томский, — услышал он за спиной низкий голос дамы и обернулся. — С вами хотело бы познакомиться одно очень симпатичное создание.

Перед ним стояла девушка в нежно-розовом совершенно прозрачном платье. Другой одежды на ней не было.

— Вот как? — вскинул брови Катышев. — И где же это создание? Уж не вы ли?

— К моему сожалению, — ответила она. — Вам надо пройти на второй этаж. Я готова вас проводить.

Он еще раз осмотрел зал, но Фочкина так и не обнаружил. В голове пронеслась неприятная мысль. Если их так быстро вычислили, то могли избавиться по од-

ному. Сначала удалили Фочкина, теперь настала его очередь. Но он тут же засомневался, если бы к майору проявили какие-нибудь насильственные действия, то услышал бы не только он, Катышев, но и все собравшееся общество и довольно быстро бы об этом пожалели. Кто-то, а бывший омовец в случае опасности сумел бы поднять здесь неимоверный шум, и пара-тройка невидимых охранников после контакта с майором могли бы смело обращаться за бюллетенями.

В знак согласия он кивнул головой и жестом показал девушке, что готов тот же час следовать за нею. На крохотный подиум, на котором еще несколько минут назад около шеста крутилась стриптизерша, выскочила группа мужчин. Вдруг на весь зал грохнула музыка, и представители сильной половины человечества вразнобой запели бравурную песню советских времен:

— Если бы парни всей земли, здесь бы у Тани собрататься смогли! Как было б весело всем им, как было б весело...

У Катышева отлегло от сердца. Среди мужчин-солистов он увидел Пашу Коробатова и не в меру вошедшего в роль завсегдатая клуба Фочкина. Только поднявшись выше по лестнице, он заметил на шее майора тонкие руки блондинки. Обняв его, словно туристический рюкзак, девушка висела у него за спиной.

Девушка проследовала по ковровой дорожке длинного коридора, подсвеченного тусклыми электрическими лампочками, и, остановившись около двери, улыбнулась:

— Желаю вам приятно провести время.

Катышев вошел в комнату, но никого, кроме ог-

ромной кровати, журнального столика и двух кресел, не обнаружил. Кто-то заботливо подготовил кровать к отдыху. Розовые подушки с шелковыми наволочками наполовину прикрывались пухлым одеялом. С правой стороны покоились покрытые бархатом мужские тапочки. С левой стояли крохотные туфельки.

Катышев прошел к кровати и рывком откинул одеяло, под которым лежала девчушка лет четырнадцати. В трусиках и маечке. Он не успел задать ей вопрос, как школьница вдруг соскочила с кровати и, бросившись к двери, пронзительно закричала. В ту же секунду в комнату ворвались четверо дюжих молодцов, несколько не уступающих телосложением Фочкину, и окружили «нефтяного бизнесмена». Оказывать сопротивление было бессмысленно, да и Катышев никогда не считался спецом по рукопашному бою. В руках одного из них тут же загорелся красный глазок видеокамеры. Объектив пробежал по ребенку и остановился на Катышеве.

— Что здесь происходит? — с усмешкой спросил самый крепкий бугай, миролюбиво опустив руку Катышеву на плечо. — Развлекаешься с малолетками, дружок?

Девочка, уже прикрывшись пледом, ткнула в него пальцем:

— Он разорвал на мне одежду и несколько раз ударил! — сказала она так, словно произнесла хорошо заученное стихотворение.

Окруженный охранниками заведения, стоя перед ними в смокинге и галстук-бабочке, Катышев чувствовал себя не в своей тарелке. Он лишь в душе усмехнулся, подумав о том, что еще нелепее чувствует себя

Фочкин, если, конечно, и его не обошла участь быть скрученным и связанным.

— Сэр, покажите ваши руки! — приказал бугай, который, по всей видимости, исполнял обязанности главного.

— Говорил бы сразу — хотим нацепить браслеты, — в бессилии огрызнулся Катышев.

Он вытянул руки, предоставляя возможность себя окольцевать, но в ту же секунду в дверь вошел Дзись-Белоцерковский.

— Это лишнее, — произнес он и расплылся в приветствии. — Хотя мы официально не представлены друг другу и мне доводилось иметь дело только с госпожой Екатериной Катышевой, я думаю, что ее муж так же отзывчив и воспитан и знает, как нужно себя вести в соответствующей одежде и в приличном обществе. Сожалею, капитан, что наше знакомство состоялось в столь неприятных для вас условиях.

Убедившись, что камера в руках оператора все еще работает и он успел запечатлеть на пленку все происходящее событие, он вытолкнул девочку за дверь и поманил пальцем охранника.

— Дай-ка мне кассету, уважаемый.

Заполучив желаемое, он повертел ее в руках.

— Это, так сказать, уже вторая серия, капитан.

— Сгораю от любопытства. О чем же первая? Впрочем, догадываюсь. Сюжет с подставой моего товарища.

— Ошибаетесь. Майора Фочкина мы не трогали, и он в данный момент продолжает крутить любовь с певицей. А первая часть киноэпопеи повествует о Содоме и Гоморре, что происходит в саунах и комнатах от-

дыха спорткомплекса, которым командует ваша жена. Кстати, именно она — один из главных героев среди распаренных от счастья мужиков и обнаженных женщин. Занятная получилась картина. Впрочем, эта серия, — он вытянул руку с кассетой, — отличается не меньшей динамикой и остротой сюжета. Разве вы не согласны?

— В вас погиб кинорежиссер, — стараясь не показать своего бессилия и гнева и продолжая демонстрировать полное спокойствие, ничего не нашел лучшего ответить Катышев.

— Вы низко меня оцениваете. В этой игре я вовсе не режиссер, а главный продюсер. Именно от меня и в ничтожной степени от вас, капитан, теперь зависит, пойдет ли это кино в прокат.

— Будем торговаться?

— Ну нет. О какой торговле может идти речь, когда вы оказались по уши в дерьме! Тут куда ни сунься, дело уголовной статьей пахнет. Я ставлю условия, вы их выполняете. Вот и все.

Катышев посмотрел на свой «Ролекс»:

— У меня есть время вас внимательно выслушать.

Для Дзись-Белоцерковского взгляд Катышева на часы не остался незамеченным. На лице тут же появилась улыбка сожаления.

— Часики-то в бюро проката получали? С вашими способностями и талантом могли бы несколько пар собственных иметь.

— Я вас слушаю, — повторил Катышев, не обращая внимания на насмешку.

Организатор конкурсов отечественной красоты про-

шелся по комнате и присел на краешек кровати. Охранники продолжали молчаливо подпирать стены.

— Во-первых, этих неблагодарных стерв, которые написали заявления и которых вы прячете, немедленно передайте моим людям. Во-вторых, вы прекращаете расследование в отношении сотрудников милиции, которых подозреваете в контроле над притонами. В-третьих, досье, собранное на Черемисову и на меня, должно быть ликвидировано. В-четвертых, — Белоцерковский выдержал паузу и, теперь уже не скрывая ненависти, посмотрел на Катышева. — Договор о долгосрочной аренде спорткомплекса должен быть по желанию вашей супруги в ближайшие дни расторгнут и начисто переписан на одну из моих фирм...

— На кого конкретно?

— На Венедикта Малкина. Ваша жена его прекрасно знает, он работает у нее тренером по акробатике.

— А не слишком ли много пунктов?

Белоцерковский поднялся с кровати и брезгливо посмотрел на поверженного противника.

— Достаточно, чтобы надолго засадить вас за решетку. Поверьте моим продюсерским способностям, режиссировать такой спектакль мне будет нетрудно.

— Не сомневаюсь. С учетом ваших связей и поддержки друзей из милиции можно что угодно замутить.

Ему показалось, что где-то внизу раздался звон разбитого стекла. Белоцерковский тоже насторожился и даже оглянулся в сторону охранников, словно требуя у них подтверждения: не ослышался ли? И не успели двое верзил выскочить из комнаты, как все погрузилось в темноту. Катышев стрелой метнулся к Белоцер-

ковскому, повалил его на пол и выдернул из рук кассету. Он пока не знал, чем закончится весь этот сыр-бор, но догадывался, что майору Фочкину кто-то постарался нацепить наручники.

22

Уже в течение часа Золотарев не опускал головы и не сводил глаз с плотно зашторенных окон особняка, в котором выпала честь пировать Фочкину и Катышеву. Иногда к нему подходил полковник Журбин, вызвавшийся лично руководить операцией, и заглядывал в глаза, словно не он, а капитан Золотарев здесь был старшим по званию. Николай лишь передергивал плечами, показывая, что штурмовать здание еще рано — условного сигнала не было. Но никаких условных сигналов не поступало и после того, как оперативники, разодетые в смокинги, скрылись в стенах этого таинственного заведения. Скорее всего, пришел к мысли Золотарев, всем членам клуба или строго запрещалось пользоваться сотовыми телефонами, или Фочкина и Катышева сразу удалось разоблачить, или пока у них просто не возникала необходимость воспользоваться мобильной связью. И хотя Золотареву очень хотелось надеяться на последнее, но по прошествии двух часов он стал понимать, что операция по внедрению в члены клуба у Фочкина и Катышева гладко не складывалась.

Он уже давно попросил Журбина, чтобы его бойцы не только внимательно следили за выходящими из клуба посетителями, но и придавали значение гро-

моздкой ноше, которая могла оказаться в их руках. Чем черт не шутит, разоблачив оперативников, их могли тихо и без шума удалить из здания. Сам же он не упускал возможности каждый раз доставать блокнот и фиксировать номера подъезжающих и отъезжающих лимузинов, пробить которые по картотеке он собирался сразу после окончания операции.

Журбин снова оказался рядом с Золотаревым.

— Может быть, ваши коллеги уже забыли про все на этом белом свете? Обстановка должна располагать...

— Не исключено, — ответил Золотарев и тут же вздрогнул. — Вы что имеете в виду, товарищ полковник?

— Совсем не то, о чем ты подумал, капитан. Например, оттягиваются на всю катушку. Когда еще представится возможность сытно поесть, сладко выпить и запустить руку в декольте...

Он не договорил, когда на втором этаже раздался звон разбитого стекла, и из окна вылетело увесистое тело мужчины. Оно мешком приземлилось в центр круглой клумбы с подмерзшей землей. Золотарев даже на какое-то время оцепенел и растерялся, не зная, то ли проверить самочувствие «парашютиста», то ли отдавать команду и вместе с ребятами Журбина мчаться к подъезду особняка. Два черных входа, располагавшихся со стороны двора, были заблаговременно блокированы омоновцами. И если бы свет во всех окнах особняка разом не отключился, он, скорее всего, подошел бы к пострадавшему и попросил документы на проверку. Но и медлить было нельзя. Наверняка тело, свалившееся из окна, и было сигналом о помощи.

Золотарев даже не успел посмотреть на полковника,

когда тот сделал отмашку, и территория вокруг особняка как по волшебству наполнилась людьми в камуфляжной форме. Плотная цепь выстроилась по периметру здания, человек двадцать, опрокинув охранников, вливались в подъезд. Все было рассчитано и отработано: секьюрити обязательно поднимут, приведут в чувство и даже окажут первую медицинскую помощь, но только после того, как последний из бойцов штурмующей группы скроется за дверью подъезда. Видя в темноте лишь спину Журбина, Золотарев старался не отстать. Но, когда он в пять прыжков преодолел пролет лестницы и оказался в банкетном зале, электричество было восстановлено, столы опрокинуты, и на осколках посуды и снеди покоились члены великосветской тусовки.

Перед ним оказался и Фочкин с болтающимся на шее галстуком-бабочкой и окровавленным лицом. Вытирая разбитый нос белоснежной манжетой, он лишь кивнул в сторону лестницы и первым устремился наверх. Золотарев понял, что капитана Катышева искать нужно именно там. Соревнуясь в скорости с омовцами, он пинал ногами двери комнат, приводя в ужас и трепет обнаженных мужчин и женщин, даже не пытавшихся прикрыть наготу постельными принадлежностями. Вскоре он потерял майора из поля зрения, но напором двух омовцев был вброшен в комнату, где и произошла радостная встреча с Катышевым.

Неудавшийся, но все еще перспективный экономист дергался, делая безосновательные попытки выскользнуть из объятий двух верзил, прижавших его к полу. В то же время господин, в котором Золотарев с

первого взгляда признал Дзись-Белоцерковского, шарил руками в карманах смокинга капитана. Растащить кучу-малу для омовцев особого труда не представляло. Но, к великому сожалению онемевшего Золотарева, под горячую руку бойца попался и подбородок самого Катышева. Через пару секунд все обитатели комнаты сидели в разных углах. И только тогда Золотареву удалось окончательно разобраться в ситуации и подать капитану руку. Поднявшись, Катышев, потирая подбородок, вовсе не обиделся на столь ошутимое приветствие.

Кивнув Золотареву в знак благодарности за вовремя оказанную помощь, он присел на корточки перед Белоцерковским.

— Извините, но ситуация резко поменялась, — сказал он. — Теперь не мне, а вам светит уголовная статья. Оказание сопротивления сотрудникам милиции...

— Я никого не трогал и буду разговаривать только в присутствии своего адвоката.

Омоновец за спиной Катышева громко захохотал и поднес к лицу Белоцерковского резиновую дубинку.

— Вот он, адвокат, перед вами. Можешь пообщаться.

— Это произвол. Я требую своего адвоката.

Катышев обернулся к Золотареву:

— У тебя есть телефон? — И, приняв из рук услужливого товарища аппарат, протянул его Белоцерковскому. — На, звони.

Поверженный продюсер выхватил телефон и дрожащими пальцами набрал номер.

— Всеволод Егорович? На вверенном вам участке творится настоящий произвол... Да, арестован... Очень рассчитываю на вашу помощь. Жду.

В комнату ввалился улыбающийся и довольный наведенным порядком Фочкин. Нос уже не кровоточил, по-видимому, вся выплеснувшаяся из ноздрей кровь была тщательно собрана на манжеты рубахи. Ему наконец удалось сорвать с шеи бабочку, которую он не задумываясь сначала бросил на пол, но тут же, вспомнив, откуда у него появился смокинг, поднял ее и спрятал в карман.

— Еще минута, и Черемисовой удалось бы сжечь все бумаги. А там, видать, — такое!!!

— А где она? — потеряв всякий интерес к Белоцерковскому, который продолжал эксплуатировать служебный милицкий телефон, спросил Катышев.

— Где же ей еще быть?! — изумился Фочкин. — Уже на пути в СИЗО. Я лично сопроводил ее и усадил не в общий автобус, а в персональный милицкий «Кадиллак». Кстати, о транспортировке народа мы не позаботились, мест в омовских автобусах катастрофически не хватает.

— А они что, всех подряд гребут? — удивился Золотарев, который накануне операции просил Журбина отвезти в участок только дам, от которых надеялся получить правдивые показания о принуждении к занятию проституцией.

— Всех без разбору и укладывают штабелями. Так что разврат продолжается, — подтвердил догадку Золотарева одобряющий действия бывших коллег Фочкин.

— Тьфу! — не поддержав восхищения майора, в сердцах сплюнул Катышев. — Теперь не отмоемся. Там что ни член клуба, то высокопоставленный чиновник или

бизнесмен. Золотце, пока не поздно, найди Журбина, пусть освободит транспорт от всех мужиков!

— А как же я? Или вы меня мужиком не считаете? — откликнулся Белоцерковский, передавая Золотареву трубку.

— Чего вы разлеглись, господин Белоцерковский, поднимайтесь, — посмотрел на него Катышев. — Вы у нас мужик особый. У нас с вами обстоятельный разговор состоится.

Они вышли из комнаты. Отпущенные на все четыре стороны телохранители Белоцерковского на безопасной дистанции от сотрудников ОМОНа продолжали сопровождать своего босса, поочередно вздыхая и разводя руками, тем самым оповещая шефа, что в данной ситуации предпринять они ничего не могут.

Даже московский, нашпигованный смогом и автомобильными выхлопами воздух показался Катышеву чрезвычайно свежим и ароматным. Он похлопал по внутреннему карману смокинга, в котором хранилась кассета, так и не ставшая вещественным доказательством его обвинения.

Около двух замерших рядом с парадным входом автобусов заканчивалась тщательная сортировка персонала и клиентов элитного клуба. Недовольных жесткими действиями омовцев мужчин тут же награждали прощальными пинками и тычками, невзирая на чины, ранги и положение в обществе. Взащей из салона вытолкали ценителя эротического искусства Пашу Коробатова, и, прежде чем он смог раствориться в темноте, Катышев на правах старого знакомого на прощание помахал ему рукой, прекрасно осознавая, что это мог-

ла быть их последняя встреча. Никаких претензий капитан к эротоману не имел и иметь не хотел.

Оставляя ставший таким родным и близким особняк и уноситься на полуяровской «Волге» в ночную Москву в обществе господина Дзись-Белоцерковского ни Фочкин, ни Золотарев не желали. Оба ненастойчиво просили от Катышева отдать организатора конкурсов и главного сутенера в одном лице во временное пользование омовцев.

Но Катышев лишь молчал, то ли растягивая момент расставания с Белоцерковским, то ли соображая, какое место ему предоставить в отечественном лимузине. Наконец, он открыл заднюю дверь «Волги» и указал Белоцерковскому на место в салоне.

Король модельного подиума уже влез в машину, когда улицу заполнила надрывная сирена, одновременно озаряя фасады домов синими бликами. Через несколько секунд рядом с «Волгой» резко затормозил джип, который в качестве почетного эскорта сопровождали две патрульные «канарейки». Из внедорожника, словно серенький мячик, на землю соскочил упитанный человек, роста совсем небольшого, но с погонами подполковника на плечах. Вся его фигурка, и голова, и тело, и даже кулачки были склеены из разнокалиберных мячиков. Раскручивая верхним мячиком по сторонам, он сумел разглядеть за стеклом усаженного в машину Белоцерковского и, смерив рост и внешне парадный вид окружающих его людей, остановил круглые глазки на Грише Пичугине, нисколько не сомневаясь, что из всех собравшихся только он может являться представителем органов милиции.

— Начальник районного отделения милиции подполковник Ломакин, — представился он ничего не понимающему Пичугину, дернув правой рукой. Но в последний момент, решив, что протягивать ладонь молодому сотруднику много чести, засунул ее в карман. — Доложите, что здесь происходит?

Опера, окруженные прибывшей патрульной бригадой, тут же сообразив, что на этот раз им выпала честь оказаться только в качестве зрителей, вытянулись по швам. Лишь Золотарев пихнул в спину Пичугина, требуя немедленного ответа. Сообразительный Гриша щелкнул каблуками и, отдавая честь, вскинул руку к виску:

— Происходило плановое задержание представительниц древней профессии, товарищ подполковник!

Ломакин, не отводя взгляда от окна, за которым маячила голова Белоцерковского, лениво поинтересовался:

— Ну и каковы успехи?

— Задержаны два десятка падших женщин!

— А этот человек? — показал полковник на стекло автомобиля. — Тоже относится к падшим женщинам?

— Никак нет, товарищ подполковник, — рапортовал, едва сдерживая смех, Гриша. — Это падший ангел!

— А почему ангел в наручниках?

— Как говорил наш ротный старшина, товарищ подполковник, — нет уз святее и крепче наручников!

— А вы шутник... как вас по званию...

— Прапорщик, товарищ подполковник! — с гордостью подсказал Пичугин.

— Прапорщик?... Так вот, прапорщик, приказываю вам этого человека немедленно освободить!

Не зная, что говорить дальше, Пичугин оглянулся за советом к операм.

— На каком основании, подполковник? — небрежно смахивая с рукавов смокинга налипшие ворсинки, поинтересовался Катышев.

— На том, что к проституткам он не имеет никакого отношения. Это случайно оказавшийся здесь председатель Всероссийского конкурса красоты гражданин Дзись-Белоцерковский, — непререкаемым тоном ответил Ломакин и, взявшись за ручку, открыл дверь кабины. — Выходите, Ефрем Львович, и извините за предоставленное беспокойство. Сами должны понимать — издержки службы...

Катышев, продолжая стряхивать пылинки, вклинился между подполковником и дверью машины:

— Вы можете за него поручиться, подполковник?

— А вы, собственно, кто?

— Сотрудники ОМОНа! — глядя на приближающегося Журбина, вклинился в разговор Фочкин.

— Да, ОМОН! — громко, чтобы слышал Журбин, подтвердил Катышев.

Увидев знакомое лицо своего давнего непримиримого и вспыльчивого противника Журбина, Ломакин сбавил спесь и лишь коротко произнес:

— Если так хотите, могу и поручиться.

— Тогда поручайтесь в письменной форме. — Золотарев услужливо вытянул из кармана блокнот. — Надеюсь, вас учить не надо, как это делается? Я, начальник районного управления подполковник Ломакин...

С чувством выполненного долга они смотрели вслед

джипу, уносившему Дзись-Белоцерковского и его покровителя Ломакина.

— А я думал-думал, что ты тянешь резину! — произнес Фочкин. — А ты, хитрец, так все умело спланировал и связал.

— Не говори гоп, Фочкин! То, что мы воочию могли увидеть взаимоотношения Белоцерковского и Ломакина, — это только начало грандиозного скандала. Завтра надо ожидать ответного удара. Не знаю, как Князю, а Полуярову не поздоровится. На него и свалятся все шишки.

— Надежная защита у короля! — покачал головой Золотарев. — Начальники управлений в адвокатах ходят!

Катышев кашлянул в кулак и одернул смокинг.

— А вот меня, Коля, гложут глубокие сомнения, что подполковник Ломакин примчался сюда в качестве адвоката-сострадателя.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что он и есть крыша и покровитель самого Белоцерковского? — проявил смекалку майор Фочкин.

— А почему бы и нет? Он — представитель власти, хозяин. А большинство фирм Белоцерковского и заведений госпожи Черемисовой как раз располагается на его территории. Потерять таких благодетелей — значит потерять огромные деньги. Какой бизнесмен согласится с такими убытками? Я уверен, что они сделают все, чтобы и Черемисову у нас выцарапать.

— Каким образом? Она теперь оказалась полностью в дерьме?

— Не знаю, Фочкин, не знаю.

Только теперь Катышев почувствовал, как спадает напряжение и как он сильно устал за этот вечер. Напрягать мозги больше не было ни сил, ни желания.

— Слушай, Фочкин, лучше расскажи, как ты со своей пассивностью расставался?

— С певичкой, что ли? Не бреди душу, Катышев!

Слышно было, как Гриша Пичугин вместе с вечерним воздухом втянул носом густой аромат, который исходил от Фочкина.

— Как от вас пахнет, товарищ майор! Можно подумать, что вы, как римский император, принимали ванну из розового настоя.

— Что? — Фочкин с испугом уткнулся носом в лацкан смокинга. — И в самом деле, воняю, как проститутка. Гриша, ну-ка отсоси пол-литра.

— Чего отсосать? — Лицо Пичугина перекошилось от гнева.

— Бензин из бензобака, дурак! А ты что подумал? Умоюсь да руки сполосну. Скажу жене и теще, что с карбюратором возился...

23

Почти сутки генерал Милославский без дела разгуливал по Петербургу. Встреча и разговор с министром все откладывались. Помощники главы ведомства лишь звонили на мобильный телефон генерала и сообщали, что встреча переносится то в связи с приемом шефа городской администрацией, который закончился за полночь, то в связи со срочным отбытием министра в крупное подразделение внутренних

войск, передислоцированное с Кавказа и расквартированное в области.

Получив очередное известие о том, что руководитель ведомства на обратной дороге в Питер приказал завернуть в небольшой провинциальный городок, чтобы самолично убедиться в высочайшем уровне правоохранительной работы с гражданским населением, Князь тоже решил не терять времени даром. Не выпуская из руки мобильник, он направился в Эрмитаж, в котором ему довелось побывать в последний раз еще при советской власти. Хотелось своими собственными глазами убедиться, насколько точно воспроизведена Янтарная комната, а заодно наспех пробежаться по коридорам и комнатам императорского дворца, по которым еще полтора века назад деловито расхаживали его предки. Но, купив билет и поднявшись по парадной лестнице, он, к полной для себя неожиданности, оказался в зале итальянской живописи, сплошь завешанном откровенными полотнами средневековых мастеров. Грешники и грешницы, вакхи и вакханки, демоны и распутницы, воины и куртизанки всюду демонстрировали свои прелести и с нескрываемым удовольствием наслаждались любовью.

Разглядывая пылкое лицо пастушка, за горшок молока вот-вот готового овладеть юной красавицей, он вспомнил о ворохе визиток и рекламных проспектов, которые утром обнаружил под входной дверью своего гостиничного номера. Современная рекламная продукция с фотографическим видом обнаженных девиц не отличалась художественным вкусом, зато была практичной и целенаправленной. Вместо размашистой

подписи художника, что заканчивала эрмитажную картину, под грудями или на лобке визитных женщин красовались номера телефонов, ценовые тарифы и нормы круглосуточного обслуживания. Не без интереса просматривая прайс-листы, генерал тут же кидал их в урну, дилетантски пытаясь определить: в какой из столиц часовая расслабуха могла стоить дешевле?

Почувствовав, что слишком долго находится около картины с пастушком и уже успел намозолить глаза собравшейся вокруг него публике, генерал протиснулся сквозь зрителей и оставил итальянцев в покое. Проскочив несколько помещений в надежде обнаружить дорогу к Янтарной комнате, он вдруг оказался в гуще группы иностранных туристов, вразнобой галдящих и активно жестикулирующих. Это было похоже на ситуацию, когда вчера вечером, поднимаясь по ступенькам в гостиницу, его со всех сторон окружила стайка вычурно разодетых девушек, каждая из которых томила генерала глазами, стараясь понравиться. Он не без труда вырвался из оцепления, но даже после того, как заполнил документы и проследовал к лифту, не смог отделаться от навязчивого похотливого сервиса. Следом за ним в кабину подъемника успело заскочить милостливое создание, и, пока они поднимались к четвертому этажу, девушка предложила отпраздновать встречу в гостиничном ресторанчике. Дежурная по этажу, отдавая ключи от номера, без стеснения и церемонии поинтересовалась, не одиноко ли будет постояльцу, и вместе с массивным брелоком вложила в его ладонь рекламную листовку.

Все эти случайности он смог объединить в одно це-

лое, пока рыскал по дворцу в надежде без посторонней помощи найти Янтарную комнату. Наконец это ему удалось, и он, забыв обо всем на свете, вошел в желто-оранжевый, казалось, наполненный светом вечернего заката, зал. К его удовольствию, народу в комнате было совсем немного, и Князь шаг за шагом удивлялся мастерству современных реставраторов.

— Неужели все это сделано с помощью напильников? — услышал он за спиной воркующий голосок. И, когда кто-то дотронулся до его рукава, понял, что вопрос обращен к нему.

Он обернулся и увидел около себя девушку в серой круглой шляпке с вуалью и в бордовом костюмчике. Казалось, невинное создание, похожее на дореволюционную провинциалку, просто сгорало от восхищения увиденным.

— Конечно, — подтвердил Князь. — Большей частью — это ручная работа.

Девушка подняла вуаль и посмотрела на генерала:

— А чем вы заняты сегодня вечером? Мы могли бы с пользой его провести...

Не дослушав детский лепет, Милославский посмотрел по сторонам, словно пытаясь заручиться защитой. И, к счастью, ему это удалось. Около входа в комнату замаячила фигура милиционера. Но постовой не спешил оградить неизвестного ему посетителя от столь бесцеремонного приставания. Он лишь оценивающе измерял генерала, высокого, седовласого мужчину. И, поняв, что девушка то ли прилась ему не по вкусу, то ли не по карману, сделал невидимый жест ладонью. Но, когда в руке Князя задребезжал мобильник и гене-

рал быстро донес трубку до уха, постовой решительно направился в его сторону.

— Гражданин, в залах Эрмитажа не полагается пользоваться мобильной связью!

В трубке гремел голос помощника министра, сообщавшего, что глава ведомства ожидает Милославского...

— Не мешай! Отвали! — Милославский попытался отстранить рукой от себя постового, стараясь разобрать последние слова абонента.

Постовой тут же вцепился Милославскому в локоть, стараясь выхватить и отключить мобильную связь. Телефон выскользнул из рук генерала, и голос помощника вдребезги разлетелся по янтарному полу. Время randevу с министром осталось засекреченным.

— Ты что себе позволяешь?! — глядя на части корпуса, накинулся на постового Князь.

Но постовой уже был на коне, четко зная свои права и обязанности:

— За нарушение порядка в общественном месте и за оскорбление сотрудника милиции вам, гражданин, придется пройти со мной!

Лица посетителей музея уже давно были прикованы не к орнаментам прибалтийского янтаря, а к двум сотрудникам органов внутренних дел, один из которых был в форме сержанта, другой — в гражданском костюме, скрывающем звание генерала. Милославский взял себя в руки, сообразив, что только по телефону из дежурной комнаты милиции ему удастся снова связаться с помощником министра. Он быстро шел по коридорам дворца, под локоть поддерживаемый сержантом. И толь-

ко когда они оказались в дежурке, Князь дал волю эмоциям.

Ознакомившись с генеральским удостоверением и выслушав все, что о них думает начальник управления службы собственной безопасности, дежурные милиционеры разом вытащили свои сотовые телефоны, предлагая генералу воспользоваться бесплатной связью. Тут же на барьере, защищающем милиционеров от нарушителей общественного порядка, был выставлен и городской аппарат. То и дело мелькавшее в речи генерала слово «министр» на протяжении всей беседы заставило всех сотрудников дежурки стоять по стойке «смирно».

В областное управление внутренних дел, где дожидлся Милославского министр, Князь был доставлен на патрульной машине — с сиреной и мигалками. Расплатой за проезд оказался разбитый вдребезги телефон.

Оставшись в кабинете наедине с министром, Князь ощутил себя в роли тех милиционеров из дежурной комнаты Эрмитажа, когда он, не щадя эмоций, инструктировал их о правилах обращения с гражданами. Не проронив ни слова, министр кивнул ему на стул, не прекращая перевертывать вложенные в папку страницы. Не поднимая головы, он прервал затянувшееся молчание:

— Владимир Никифорович, ты мне можешь объяснить, что происходит?

— По поводу?

— Поводов более чем достаточно. — Министр хлопком закрыл папку и посмотрел на генерала. — Сначала два друга-раздолбая, не поделив уличных шлюх, уст-

раивают драку с патрулем. Затем, упрятав девиц, требуют от них написать опровержение на рапорт постовых милиционеров. В результате — новая потасовка, и омоновец оказывается с проломленной башкой. Что творится, Милославский?

— Не все так просто, товарищ министр...

Руководитель ведомства был настроен по-боевому и совсем не собирался выслушивать разглагольствования вызванного на ковер генерала.

— Что происходит? — в который раз повторил он, снова открыл папку и стукнул тыльной стороной ладони по листу. — Вот заместитель начальника управления по обеспечению общественного порядка генерал Чуев сообщает, что вашими сотрудниками без всякого разрешения ведется прослушивание телефонных оперативных переговоров. Руководитель Главного управления уголовного розыска жалуется, что твои ребята с помощью омоновцев отметили ни в чем не повинного инспектора, а заодно участкового и двух сотрудников из отдела нравов.

Он резко перекинул страницу и, поднеся к глазам очки, вгляделся в текст:

— А это совсем ни в какие ворота не лезет! Жена еще одного твоего деятеля организовала бордель при спорткомплексе и, полагаясь на защиту мужа, устраивает ночные оргии в бассейнах и саунах. Что скажешь? — Министр опустил очки на кончик носа и посмотрел на Милославского. — Наконец, вчера вечером твои ребята набросили наручники на председателя Всероссийского конкурса красоты и отпустили только после того, как заставили начальника районного управ-

ления написать расписку о поручительстве. Все начальники отделов нравов и патрульно-постовых служб волками воют, что вы раз за разом срываете операции и не даете им спокойно работать. Словом, всю Москву поставили на уши...

— Я бы и Питер поставил, — выкроив паузу в речи министра, тихо ответил Милославский.

— Что значит поставил? — Министр, выпустив пар, положил очки на стол.

— Так вы же слова сказать не даете.

— Ты хочешь оправдаться?

— Я не в зале суда, чтобы оправдываться. Но, если желаете, могу доложить оперативную обстановку, которая в корне противоположна той, которую вам обрисовал генерал Чуев. — Только теперь Милославский окончательно понял, откуда дует ветер и кто больше всех был недоволен активностью эсэсбэшников. Правда, пока он не мог разобраться, какой мотив двигал генералом Чуевым, — защита корпоративных интересов или личная выгода. Князь на время отогнал черные мысли и пока не доказанные обвинения и постарался сосредоточиться на разговоре с руководителем ведомства.

— Тогда начни с того, — требовательно декламировал министр, — как твой сотрудник с другом-омоновцем снимали проституток, дай бог памяти, на Кутузовском проспекте. Только не надо мне лапшу на уши вешать, что это была заранее запланированная операция...

— Если вам вешают эту самую лапшу, почему я не могу? — вконец осмелел Милославский. — Но суть в общем-то не в операции, а в том, что наш оперативник

стал жертвой обыкновенного мошенничества, к которому сплошь и рядом прибегают сотрудники постовых служб. По сговору с проститутками продают их клиентам, а потом задерживают и, ссылаясь на отсутствие регистрации, оставляют мужиков с носом.

— Учат уму-разуму! Пусть так называемые клиенты ведут порядочный образ жизни! — нисколько не жалея потерпевших, усмехнулся министр.

— Пусть ведут, мне-то что? — согласился Князь. — Но за связь с проституткой статьи нет, а мошенничество, к которому сплошь и рядом прибегают сотрудники патруля да еще берут процент с ночных бабочек, называется вымогательством и карается уголовным наказанием. Это первое. Теперь что касается прослушивания оперативных разговоров...

— Ты что, ко мне в Питер прилетел, чтобы доклад читать? — насупился министр.

— Я понимаю так, что кто-то из слишком шустрых генералов-начальников, к кому мы подбираемся, сыграл на опережение и хотел бы, чтобы вы своим приказом приостановили операцию, начатую управлением собственной безопасности.

— Ты меня не предупреждал ни о какой операции...

— Я вас в последний раз видел две недели назад. Тем более не считал нужным лишний раз беспокоить. Ведь начиналось с мелочей, а выяснилось, что контроль над московской секс-индустрией, как, впрочем, и над питерской, и над региональной, осуществляют сотрудники милиции.

Министр поднялся и прошел по кабинету:

— У тебя имеется схема, как это происходит?

— Она довольно проста. Конечно, притоны и бордели никто из милиционеров не возглавляет. Если не считать, что некоторые предприниматели в фуражках занимаются поставкой новых девушек на улицы и в публичные дома, то милиции до них вообще нет никакого дела. Зато с молчаливого согласия некоторых сотрудников бордели не закрываются, а прекрасно функционируют. За что молчуны и требуют вознаграждения. Да и сами рады на часок-другой заскочить и развлечься, как это произошло с упомянутыми вами участковым, инспектором уголовного розыска и двумя нравственниками.

— Мне доложили, что они уже уволены за аморальное поведение, как и те патрульные мошенники.

— Их места с удовольствием займут другие, — заметил Милославский и добавил: — Надо не личности наказывать, а менять систему.

— Система, я тебе замечу, работает! ОМОН устраивает регулярные операции по удалению проституток с улиц! — не согласился министр.

— А что толку? Они привозят девчонок в отделение, откуда их тут же отпускают на улицу. Сотрудникам общественного порядка, которые получают от проституток процент с выручки, вовсе не выгодно, чтобы они протирали свои зады на лавках в обезьянниках.

Министр остановился около Милославского, пододвинул стул и, присев рядом, потер виски.

— От постового милиционера цепочка контроля идет выше и выше?.. — словно требуя подтверждения своей мысли, спросил министр.

— Надо думать. Начальнику районного или окруж-

ного отделения даже из рекламных газет, не говоря об интернетовских сайтах, легко узнать, по каким адресам расположены публичные дома и интим-квартиры, но создается впечатление, что они специально их не читают. Так же как начальники служб и управлений могут потребовать от своих подчиненных конкретных действий по борьбе с сутенерством и проституцией. Но на глаза мне ни разу не попадались подобные приказы и распоряжения.

— И до кого вы уже добрались?

— Пока рапортовать об успехах рано, — постарался ускользнуть от прямого вопроса Милославский.

Министр, нисколько не обидевшись, хмыкнул:

— Ну что ты за человек, Владимир Никифорович, даже мне не доверяешь. Скажи прямо — твоя цель — генерал Чуев? У тебя уже против него что-то есть?

Милославский демонстративно вздохнул:

— При чем тут Чуев? Моя цель, впрочем, как и ваша, — бороться с правонарушениями, которые еще нередко случаются среди работников внутренних органов.

— Да, с тобой откровенного разговора не получается.

— Пока, товарищ министр. Мы же с вами не бабы на завалинке, чтобы перетирать слухи.

Министр уже совсем беззлобно махнул рукой:

— А впрочем, как там говорят, меньше знаешь, лучше спишь! И мне бы раньше времени не хотелось подзревать кого-то из близкого окружения в незаконных действиях. Только одного не понимаю, зачем твои ребята задержали этого председателя конкурсов, как его фамилия...

— Дзись-Белоцерковского?

— Да-да, странная фамилия. За несколько минут до твоего прихода мне сообщили, что он занимается не только легальным, но и патриотическим делом — продвигает наших девушек на международную арену...

Утренний звонок Полуярова пришелся как нельзя кстати. Еще несколько часов назад Князь вообще ничего не знал о существовании Белоцерковского. В душе поблагодарив полковника за расторопность, он в корне изменил рассуждения министра:

— И попутно снабжает ими элитные бордели. Одно другому не мешает. Только второе, скрытое направление его деятельности приносит куда более существенные дивиденды.

— Зачем же твои ребята его отпустили? Если есть доказательная база — надо прижать негодя к ногтю!

— Прижмем, — заверил Князь. — Теперь уже никуда он от нас не денется. Но наша задача не с Белоцерковским воевать, а с теми, кто оказывает ему защиту. Начальник районного управления подполковник Ломакин, с кого мои ребята взяли поручительство, — один из них. А кто прикрывает самого Ломакина и ему подобных начальников местных управлений, еще предстоит выяснить.

Министр устало вздохнул:

— Чаю с лимоном хочешь, Милославский?

— Я бы с удовольствием, товарищ министр, выпил его в поезде.

— Так чего же ты тут расселся?

— Жду, когда вы дадите официальное разрешение на проведение операции. Иначе зачем вы меня вызывали за семьсот верст?

— Действительно, зачем? — дернул плечами ми-

нистр и, что-то вспоминая, сморщил лоб. — Да вот заместитель начальника управления общественного правопорядка настаивает...

— Говорите прямо — генерал Чуев.

— Пусть будет так. Генерал Чуев настаивает, чтобы и ты строго наказал своего ловеласа. Они-то своих уволили.

— Это которого? У меня все ловеласы! — разыграв удивление, спросил Князь и вмиг сделался серьезным. — Никого я, товарищ министр, увольнять не собираюсь. Так всех надежных ребят растеряем. Я их в свое управление с бору по сосенке собирал. А патрульные получили по рукам и по морде за дело!

Министр кашлянул в кулак:

— Ну хотя бы разберись с сотрудником, жена которого открыла притон в спорткомплексе. Ведь даже доказательства есть. Мне сегодня предлагали просмотреть видеофильм, как это происходит, да времени не нашлось. Ты уж сам, Милославский, посмотри, а потом поделишься со мной впечатлениями.

Министр достал из стола коробку с диском и положил перед Милославским.

— Непременно, товарищ министр, — ответил Князь, забирая коробку и подумав о том, что обязательно сбросит это удовольствие на Полуярова.

24

Полуяров влетел в кабинет оперов словно ветер и, глазами пересчитав личный состав, для самоуспокоения спросил:

— Все на месте?

— Как штыки, — вяло ответил Фочкин. — А что случилось, товарищ полковник? Цунами, извержение вулкана, ураган?

— Шутник, блин! Твой дружок, Блинков, очухался. Катись-ка ты, майор, в госпиталь и, пока омоновец снова не впал в беспамятство, узнай, помнит ли он своих обидчиков.

Сонливость Фочкина как корова языком слизала. И, пока он натягивал куртку, Полуяров успел отдать распоряжение Золотареву. Бумаги, изъятые у госпожи Черемисовой, перед тем, как отправиться на встречу в СИЗО, необходимо было тщательно изучить. Еще вчера он намеревался поручить это задание Катышеву, понимающему толк не только в цифрах, но и умеющему разгадывать условные обозначения и буквенные сокращения. Но несколько часов назад ситуация в корне изменилась, и Катышеву предстояло поломать голову совсем над другой головоломкой, о которой, пока опера не покинут кабинет, Полуяров предпочитал помалкивать.

Быстро собравшиеся Фочкин и Золотарев, мешая друг другу, пытались протиснуться сквозь дверь одновременно. После нескольких неудавшихся попыток Фочкин схватил Золотце за грудки.

— Послушай, говнюк, мы же с тобой интеллигентные люди! — постарался высвободиться Золотарев.

— А тебя разве не учили, что старшим по званию офицерам надо уступать дорогу?

Тут же Золотарев был выкинут наружу.

Дождавшись, когда дверь захлопнется, Полуяров

подошел к столу Катышева и положил перед ним две коробки с видеодисками.

— Полюбуйся, Костя.

— Что это?

— Поверь, но мне бы хотелось, чтобы ты сам все объяснил. — Полуяров было забарабанил пальцами походный марш, но, резко прервав дробь, добавил: — Одна киношка была обнаружена в сейфе Черемисовой. А другой диск, в конверте, адресован тебе лично. Но я его нечаянно тоже просмотрел.

— Кем адресован?

— Посмотри, и я думаю, что сам догадаешься.

Он резко поднялся и вышел из кабинета, оставив Катышева одного.

— Я прощаю ваше любопытство, — ответил Катышев вдобавок.

Капитан открыл коробку и сунул первый диск в компьютер. Качество съемки оказалось изумительным. Видеосюжет начинался с вывески, на которой указывалось название учреждения. Это был до каждого уголка знакомый ему спорткомплекс. Объектив камеры коротко прогулялся по пустым тренажерным залам и налетел на дверь с табличкой «Массажная комната». На застеленном белоснежной простыней топчане со вздохами и стонами происходило прелюбодеяние. Двое мужчин старались удовлетворить длинноногую красотку. Они менялись местами, словно сковородку, переворачивали даму, которая ни на секунду не прекращала возжеланные стоны.

Во второй массажной комнате происходило то же самое действо. Только на этот раз в одиночку отдувать-

ся с двумя дамами приходилось мужчине. Но он, судя по сюжету, словно голливудский порноактер, лихо справлялся со своей ролью. Затем Катышев увидел свою жену, которая деловито и, как всегда, скорым шагом шла по коридору в сопровождении тренера по акробатике. В скуластом тренере он узнал Венедикта Малкина, которому не раз приходилось подавать руку, когда приезжал в Катыкино заведение. Это был тот самый Малкин, который по совету Белоцерковского вчера вечером чуть было не подменил Катьку на посту директора спорткомплекса.

Остановившись около первой массажной комнаты, Екатерина Катышева открыла дверь и, заглянув внутрь, улыбнулась. В течение минуты она стояла в дверном проеме, казалось, с интересом и одобрением наблюдая за происходящим в комнате. Акробат, без всякого выражения на лице, стоял рядом. Наконец, закрыв дверь, она подошла ко второй массажной, в которой обстановка ее не устраивала. Несколько раз повторив слова «активнее» и «темпераментней», лицо Катьки выражало недовольство тем, что происходит за дверью.

Катышев нисколько не сомневался, что порнографические съемки производились при полном отсутствии представителей администрации комплекса, а Катыкино появление в сопровождении тренера по акробатике было профессионально совмещено опытным монтажером. Но он совсем растерялся, когда увидел свою улыбающуюся Катьку в комнате отдыха сауны в компании совершенно обнаженных моделей. По периметру комнаты двигался живой паровозик. Выстроившиеся в определенной позе друг за другом длинноногие

девушки то резко тормозили, то набирали скорость, по ходу обозначая лесбийскую любовь. Возглавляли и замыкали откровенный состав по паре мужчин.

Катька что-то говорила им, а из парилки в обнимку с девушками и с громким смехом выходили другие мужчины и девушки и прицеплялись к составу. Конечно, не оправдывал Катышев жену, такое могло случиться. Катьку специально зазвали в сауну и устроили спектакль, приглушив ее возмущенный голос в то время, когда в комнату отдыха начали выходить раздетые парни. Но почему она не рассказала об этом происшествии ему?

Увидел на мониторе и себя. Это был тот самый день, когда он поздно вечером заехал за женой. В поисках жены он бегал по всему спорткомплексу, по-хозяйски заглядывая в тренажерные и массажные помещения. Вот они встретились с Катькой в холле, вот пошли к выходу. Тогда он узнал на стоянке автомобиль Черемисовой и, чтобы лишний раз удостовериться в этом, нагнулся и протер перчаткой передние номера «БМВ». Неосведомленному зрителю могло показаться, что Катышев что-то ищет под передним бампером машины. Вот он снова обошел автомобиль Черемисовой и только потом, оглянувшись во все стороны, занял место в «Пежо».

Катышев затормозил просмотр на кадре, когда, продемонстрировав перед камерой сверток с долларами, Черемисова засунула его под передний бампер «БМВ». Запись на диске закончилась, и, если бы Катышева попросили написать рецензию на этот видеоролик, он бы сделал заключение о том, как руководство спортком-

плекса в лице Екатерины Катышевой предоставляет помещения для платных любовных утех и разврата, а ее муж, офицер милиции, получает взятки, за содействие и контроль.

Он уже готов был вынуть диск и бежать с ним в комнату экспертов, понимая, что только всесторонняя и тщательная проверка этого самопального ролика могла установить истину. Но он заставил себя остаться в кресле. Если уж идти за помощью в экспертный отдел, то стоит ли терять время и носить видеосъемки по одной? Коробка со вторым фильмом продолжала лежать на столе нетронутой. И Катышев, ни на йоту не сомневаясь, что и в ней покоится такая же гнусная подделка, решил все же быстренько его проверить.

Его прошиб пот, когда он увидел знакомую комнату Паши Коробатова. Реальная съемка велась с расстояния трех метров. Стоя в кровати на коленях, Катышев раздевал Диночку, то же самое Диночка проделывала с одеждой Катышева. Оставшись без ничего, они рухнули в постель... Все, что происходило потом, Катышев смотреть не захотел. Зато Коробатов, судя по количеству видеоинформации, нанесенной на диск, проглядел до конца. Четкость изображения говорила о том, что камера была укреплена на штативе.

Желание бежать к экспертам разом пропало. Несколько минут Катышев, вдавленный в кресло, находился в полной прострации. Наконец, когда постепенно начала проявляться реальная действительность, он подумал, что вволю может посидеть на озере с удочками и обойти все пивнушки, в которые любил заходить с сокурсниками. Не беда, с его мозгами работу ве-

душего экономиста или, на худой конец, главного бухгалтера, пусть даже в захолустной фирмочке, он всегда найдет. Труднее будет все объяснить Катьке. Насчет того, что дубликат диска может до нее дойти, он никаких иллюзий не строил.

Он выдвинул ящик стола и достал чистый лист бумаги. Впервые он писал не мелким бисером, а размашисто — «Начальнику управления собственной безопасности генералу Милославскому от капитана Катышева Константина Васильевича. Рапорт. Прошу...»

Он даже не заметил, как зашел в кабинет и опустился на стул Полуяров.

— Рапорт на увольнение строчишь?

Капитан без всяких эмоций оторвался от бумаги и поднял голову:

— А что остается, Иван Борисович?

— Я не сомневался, Костя, что ты поступишь именно так.

— Другого выхода нет. Второй диск, увы, — не подделка.

— Не могу поверить, — Полуяров со свистом набрал воздуха в грудь. — Не могу! Фочкин, Золотарев — кто угодно! Но ты?!

Катышев задумчиво грыз карандаш:

— Я допустил ошибку, товарищ полковник.

— Кто бы сомневался!

— От Коробатова нам нужно было тут же бежать к наркологу. И мне, и Ляминой.

— Я не удивляюсь, что такие дела творятся по глубокой пьяни.

— И пройти экспертизу насчет обнаружения силь-

нодействующих наркотических средств. Коробатов угостил нас коктейлем. Мне кажется, в нем было подмешано что-то возбуждающее.

— Если это даже и так, то как ты мог прикоснуться к стакану? Ты же опер, специалист?!

— Все было из одного графина. Коробатов первым выпил до конца. Потом мы с Динкой.

— А почему же Коробатов не очутился вместе с вами в постели?

Катышев порывлся в столе и извлек из ящика помятую сигарету. Неумело затянувшись и выпустив дым, он дал конкретный ответ:

— Коробатов — импотент. И уже никакой сильнодействующий наркотик ему не поможет. Но он ловит кайф от другого. От живого просмотра таких сцен.

— Если так, то вполне возможно, что он писал этот диск только для себя? — предположил Полуяров.

— Тогда как он оказался у вас? — без всякого интереса спросил Катышев.

— Дежурный передал конверт, на котором была выведена твоя фамилия. Поверь, Катышев, я бы не стал его просматривать, но мне подумалось, что по черным каналам поступил дубликат обнаруженного в сейфе Черемисовой диска. Ты позвони этому самому импотенту, припугни его. Может быть, рано писать заявление...

— К нему ехать надо, а не звонить! — сказал он самому себе.

Катышев резко соскочил с места и, закинув коробатовский фильм в папку, бросился к вешалке. Уже на пороге он повернулся к полковнику:

— Товарищ полковник, если вам не трудно, занесите съемку о спорткомплексе экспертам...

— Можешь взять мою машину!

...К удивлению Катышева, квартира Коробатова оказалась не заперта, хотя капитан обнаружил это только после десятого нажатия на кнопку входного звонка. Чтобы снова не оказаться в заложниках случая, он дозвонился до Гриши Пичугина и попросил его подняться на третий этаж. Факт, что кто-то еще успел побывать в Пашиных апартаментах вовсе не для того, чтобы насладиться развешанными по стенам полотнами эротической живописи, становился неоспоримым. Всюду валялись разбросанные вещи, дверцы столов, полки и гардеробов были раскрыты. В зале, где угощал их коктейлем Коробатов, на столе лежала вывернутая наизнанку видеокамера, монитор компьютера светился, постель, комфорт которой успел испытать Катышев, была до основания перевернута.

Только теперь капитан начинал догадываться, что с Пашей Коробатовым что-то случилось. По крайней мере, он, юрисконсульт и частый гость элитных заведений, отрекомендовал оперов Черемисовой как своих друзей. А значит, Коробатов, угодив в западню оперативников, под напором ментов и мог стать одним из главных свидетелей в ходе следствия. Теперь Катышев окончательно понял, что исчезновение Коробатова — или месть за помощь оперативникам, или ликвидация основного свидетеля. По большому счету, залпом могли выстрелить оба обстоятельства.

Искать дубликат фильма, снятого Пашей, в этом бедламе было бессмысленно. Вполне возможно, что

этим самым были заняты таинственные визитеры, вскрывшие квартиру. Катышеву лишь очень хотелось надеяться, что диск, переданный дежурному по управлению, был в единственном экземпляре и Паша передал его только ради того, чтобы загладить свою вину. Но, насколько это было правдой, предстояло выяснить. Лишь бы конверт с диском с подписанной фамилией Катышева оставался в кабинете Полуярова. И если окажется, что подпись сделана рукой Коробатова, то, пусть ничтожная, версия все же имела смысл.

Пока Пичугин с открытым ртом восхищался произведениями откровенного искусства, Катышев заглядывал в ящики стола. Ни блокнотов, ни тетрадей с записями хозяина квартиры обнаружить не удалось. Зато в кресле он увидел запавший под подушку сиденья листок, на котором ценитель обнаженки Коробатов собственной рукой и в четкой последовательности зафиксировал все предстоящие в этом году эротические выставки и спектакли.

25

Пускать Фочкина к старому другу и фронтовому товарищу никто и не думал. Слишком зыбким и неопределенным охарактеризовали врачи состояние Блинкова. Но Фочкин оставлять покои госпиталя не собирался и шумел, пока угомонить майора не вызвали заведующего реанимационным отделением. Им оказался худенький заморыш, казалось, совсем мальчишка с маленькими губастым личиком и огромными, в половину физиономии, очками. Когда он ре-

шитительно шел по коридору в направлении оперативника, Фочкин блуждал глазами, отыскивая очередного соперника, если уж не крепче и выше себя, то таких же габаритов. И, когда медицинский начальник уткнулся ему в брюхо, он, не прикладывая усилий, отодвинул его в сторону:

— Не мешай, сынишка. Где тут ваш самый главный?

Главный тут же ловко выдернул из кармана куртки Фочкина бутылку «Столичной» и, не скрывая удивления, уставился на полупрозрачный пакет, в котором вместо традиционных яблок и апельсинов покоился круг краковской колбасы, полулитровая банка с грибочками, пакетик с малосольными огурцами, сыр, «Фанта» для производства водочного коктейля и буханка заблаговременно порезанного хлеба. Словом, это был точно такой же продуктово-водочный набор, с которым когда-то сам Блинков приходил к Фочкину в больницу, где отлеживался бывший омоновец после очередного ранения.

Ощувив, как бутылка выпорхнула из кармана, Фочкин заметил презент в руках заморыша, взял себя в руки и дал себе слово, что настоящий омоновец ребенка никогда не обидит. Но он признал в нем самого главного врача только после того, как «малыш» приступил «шерстить» пакет с продуктами. После чего, к восторгу Фочкина, мальчик-врач разрешил ему на полчаса заглянуть к Блинкову. Но к добавившемуся одновременно изумлению оказалось, что все продукты несовместимы с состоянием больного, который пока питался из капельницы с глюкозой.

Но и на том спасибо. Фочкин уже было вытянул ру-

ки, чтобы приподнять и дружески прижать врача к широкой груди, но тот ужом выскользнул и, решительно унося пакет с колбасой, зашагал в ординаторскую.

Блинков с килограммом бинтов на голове тупо смотрел в потолок, словно впервые его видел. На стук двери, без чего никак не мог обойтись Фочкин, он без напряжения повернул голову и несказанно обрадовался другу:

— Е-тыть! Фочкин! А я тут лежу второй день и думаю, что обо мне все забыли.

— Ты уже почти неделю здесь отдыхаешь. Забыли? Хотели бы, да никак не забудешь! Ты ж у нас не только пострадавший, но и свидетель. Ну как дела?

— Да нормально. Принес?

— А говорят, ты на том свете побывал? — Оставив вопрос без внимания, Фочкин сел на стул и придвинулся ближе к Блинкову. — А правду говорят, что вход на тот свет через какой-то тоннель?

— Принес? — повторил Блинков.

— Да принес, принес! — Фочкин залез под свитер и достал небольшую фляжку с коньяком. — Так правду говорят?

— Открывай! — приказал Блинков. — И капай на губы. Только не все сразу, дальше я сам управлюсь.

Фочкин, глянув на запертую дверь, свернул пробку и поднес фляжку к губам товарища. Чуть-чуть смочив губы коньяком, он снова спрятал флягу под свитером.

Блинков, облизываясь, закрыл глаза.

— Какой там, на хрен, тоннель! Я и на том свете этих мандюков старался поймать. Весь райский сад обыскал. Затем записался на прием к архангелу Гавриилу.

— Зачем? — не понял Фочкин.

— Так надо же было узнать, где они скрывались, на этом свете или в аду!

— А ты их помнишь? — насторожился Фочкин.

— Ты еще спрашиваешь! Если я их на том свете не забыл, то на этом и подавно не оставлю в покое. Дай еще!

Фочкин наскоро проделал операцию с фляжкой. Блинков снова облизнул губы, но глаза закрывать не стал.

— Один, что поздоровее, — лопоухий. Когда я ему вмазал, уши ему помешали в окно вылететь. Желтые волосы у него с глубокими залысинами. Морда конопатая. Глаза, словно в черепушку вдавленные. А другой, который меня выключил, ростом поменьше. Подбородок у него слишком острый. Но прыткий, гад. Как «ванька-встанька». Я никак не мог его поймать. Уработаю лопоухого, начинаю за попрыгунчиком гоняться, тут опять ушастый поднимается. Я снова за него. Оба атлетически сложены, никак бывшие спортсмены.

— Опознать сможешь?

— Ты присылай скорее ко мне художника, я ему устно все в деталях нарисую. Дай еще!

— А не много? — впервые заупрямился Фочкин. — Тебе ведь даже колбасу есть нельзя?

— Кто тебе такое сказал? — Блинков даже обиделся. — С каких пор, майор Фочкин, вы медицинским сплетням начали верить? Помнишь, когда тебя ранило, как ты колбасу-то уплетал?

— То пустяки были — пуля в живот. А у тебя, Сере-

га, черепно-мозговая травма. Мозги, дружище, это не какая-нибудь желудочная требуха.

Но, остерегаясь перечить и разгневать товарища, он снова вытащил фляжку. На этот раз Блинков сделал целый глоток и блаженно вздохнул.

— Благодать! А что с девчонками-то?

— Живы, что с ними делается?

— А эта, Ляля, хоть и проститутка, а девчонка довольно темпераментная, живая. Я тут лежал и все вспоминал, как мы с ней в постели всю ночь пробарахтались. Слушай, Фочкин, а ты не мог бы ее сюда притащить? Уж очень хочется, чтобы и она меня проведала.

— Ну ты, блин, и больной! Водки ему дай да еще и бабу подложи! Тут, Серега, тебе госпиталь, а не дом публичный!

В палату зашел очкарик, тщательно пережевывая и держа в руке ломоть краковской колбасы.

— Пора заканчивать свидание. Больной устал! — сказал он тоном, не терпящим возражений.

— Да он как огурец! Хоть сегодня выписывай! — попробовал отстоять право хотя бы на десять минут дополнительного общения Фочкин.

Но врач, не обращая внимания на его слова, втянул носом воздух.

— Не понял?! Коньяк?

— Где коньяк? — сделал удивленное лицо Фочкин.

Врач скорым шагом прошел к кровати больного и заглянул ему в лицо.

— Все понятно. Давайте. — Он протянул руку в направлении Фочкина. — Выкладывайте, я сказал, если хотите, чтобы вас еще сюда пустили.

Фочкин послушно достал фляжку и посмотрел на Блинкова. Товарищ, умиротворенно посапывая, их разговора уже не слышал.

26

Когда Черемисову привели на допрос к Полуярову, она уже отчетливо понимала, что положение ее незавидное. Без особых усилий и расследований оперативники могли провести ее сразу по нескольким статьям Уголовного кодекса: от содержания борделей и притонов до склонения к занятию проституцией. Да если еще прибавить, что в списках, обнаруженных в ее сейфе, были упомянуты десятка два фамилий малолеток, которые также были втянуты в сексуальный водоворот, то Мамка-Танька могла рассчитывать лет на восемь дальних лагерей. Дилетантски зашифрованные бумаги с ее учетными и бухгалтерскими записями, которые Татьяна Федоровна с надлежащей регулярностью вела только для самой себя и которые не успела сжечь, могли многое прояснить для следствия.

Если нижняя часть сейфа была забита рублями, евроками и долларами, которые в качестве прибыли стекались к ней со всех пунктов по оказанию сексуальных услуг, то на верхней полке хранилась самопальная документация. Каждая папка скрывала списки с выдуманными именами девушек конкретного борделя или притона, кличку сутенера, ведавшего в заведении всеми делами, и даже собственноручно изготовленный график с экономическими показателями деятельности интимной точки — приход, доход, затраты на содержа-

ние, закупка свежего товара, уплата налогов... Черемисова нисколько не сомневалась, что, ознакомившись с ее записями, следователям будет очень интересно узнать, кому и куда она платила эти самые налоги. И тем не менее пусть слабая, но ее не покидала надежда на то, что отчисления в качестве налогов, а также гонорары за собственную безопасность, которые она исправно платила, пойдут ей на пользу. Да и не могла она не понимать, что и ее высокие и облеченные властью покровители, дабы не оказаться в таком же плачевном положении, должны что-то придумать и вызволить ее из беды.

Войдя в кабинет, она увидела за столом человека в дешевеньком сером, с потертыми рукавами костюмчике, такой же маловыразительной рубашке и в черном галстуке. Хозяин кабинета, словно не желая ее замечать, продолжал барабанить пальцами по столу, и Черемисовой стало сразу понятно, что с этим невежественным сухарем договориться будет невозможно. Привыкшая пусть к льстивому, но вниманию мужчин, она с первого взгляда невзлюбила этого работника. И, хотя понимала, что единственный свободный стул в этом помещении принадлежит ей, продолжала оставаться около порога.

— Ну чего стоите? — не поднимая головы и продолжая изучать чистый лист протокола, спросил Полуяров. — Ждете, когда я вам подам руку? Не дождетесь. Садитесь, в ногах правды нет...

Понимая, что второго приглашения не будет, а в случае неповиновения ее насильно усадят на стул, как это происходило в бытность ее работы в милиции, она

поправила полы костюма и присела на краешек. Одежда на ней все еще была парадно-банкетной, вот только с рубиновой брошью и сумочкой из крокодиловой кожи пришлось расстаться. Теперь она даже не рассчитывала получить свои вещи обратно.

— Итак, — закончив барабанить, сказал Полуяров, — приступим к известным вам формальностям. Заполнению протокола. Не возражаете, госпожа Черемисова?

— Пиши, начальник, — ответила она и поймала себя на мысли, что задолго до вынесения судебного приговора вдруг перешла на совершенно чуждый ей, блатной язык.

Нет, так дело не пойдет. Сдаваться сразу она не собирается и еще поборется за свою свободу и независимость. Конечно, обойдется это удовольствие не без помощи друзей.

Полуяров бросил авторучку в сторону и отодвинул протокол.

— Вот что я вам скажу, Татьяна Федоровна. Не надо строить иллюзий и рассчитывать на помощь ваших высокопоставленных покровителей. Это не поможет. Им самим недолго осталось гулять на свободе.

— Обычные дежурные фразы, — усмехнулась Мамка-Танька. — Ничего в этой системе с советских времен не изменилось.

— И слава богу! Но вы хотя бы представляете, к кому попали на допрос?

— Управление собственной безопасности? Ну и что! Такие же, как и все остальные. Тоже любите хапнуть. Надеюсь, уже ознакомились с диском, который нашли

в сейфе? Ваш сотрудник и его жена также причастны к разврату. Долгое время мы сотрудничали.

— Ну а как же! Занятное кино.

— Я надеюсь, — продолжала она наступление, — ваше начальство уже получило дубликат?

— Ай бросьте! Будто нашему начальству больше делать нечего, как поддельные порноролики разглядывать, — открыв ящик стола, отмахнулся Полуяров. — Вот акт экспертизы. Ваше кино — подделка. Кадры реальные, тут сказать нечего, но монтажер сработал превосходно. Позвольте узнать, на какой студии выполняли заказ?

Она искоса посмотрела на акт экспертизы и отвернулась.

— Прикажете отвести меня в камеру. Ничего я вам больше говорить не буду.

— Да, в принципе, мне и спрашивать нечего. Все и так яснее ясного. Ваши записи расшифрованы, адреса и фамилии установлены, остается собрать урожай, — легко принял ее просьбу Полуяров. — Просто хотелось на вас посмотреть, пресловутую Мамку-Таньку. Скажите откровенно, при всей своей холености и респектабельности вам приятно такое прозвище? Вашего соратника и партнера по бизнесу Белоцерковского, у кого вы покупали девчонок для борделей, называли не иначе как 'королем конкурсов красоты, светским львом, а вас так низко опустили.

Вопрос Полуярова больно ударил ее по самолюбию.

— В глаза меня так никто не называл!

— Еще бы! Попробовал бы кто-нибудь. Сразу бы загремел в «штрафную роту». Кстати, насчет штрафных

рот, это ваша придумка, или подполковник Ломакин с майором Ремизовым подсобили?

— Впервые о таких слышу.

— Может быть. Только странно, что первым встречным вы раздариваете сотовые телефоны лучших моделей. Кстати, в последнем телефонном разговоре между ними обсуждался вопрос, как вытащить вас отсюда. Беспокоятся ваши покровители...

— Они не за меня беспокоятся, а за свои шкуры! — впервые сорвалась она и ответила с гневом. — Я устала! Отведите меня в камеру!

Шагая в свой кабинет, Полуяров понимал, что без откровенных показаний Черемисовой предъявлять обвинения в содействии проституции ни Ломакину, ни Ремизову не удастся. Также как не удастся доказать, что Дзись-Белоцерковский продавал девушек в заведение Черемисовой, которая, опять-таки не без помощи представителей милиции, заставляла их заниматься проституцией. Но он догадывался, что Мамка-Танька ждать долго не станет и обязательно заговорит и потянет всех за собой, если соратники не постараются вызволить ее из беды. Нужно было только терпение и время, как раз которого Полуярову и не хватало.

По дороге он заглянул в кабинет оперативников. Фочкин, навестив больного товарища, был уже на месте и с негодованием пересказывал Катышеву, каким наглым образом заведующий реанимационным отделением забрал спиртное и прямо у него на глазах сожрал чужую колбасу. Не переставая возмущаться, он в деталях описывал внешний вид и моральный облик ответственного медицинского работника и очень сожалел,

что при Министерстве здравоохранения нет собственной службы безопасности.

— А ты зачем туда ходил, деятель? — напомнил о своем присутствии Полуяров.

— Как зачем? — в полном недоумении вытянул лицо Фочкин. — Товарища проведать, гостинцев передать.

— И все?

— Уточнить приметы нападавших.

— Ты об этом не забыл? — мимоходом поинтересовался Полуяров.

— Обижаете, шеф. Один лопоухий, конопатый. Другой — глазастый, с острой челюстью. Я уже распорядился, чтобы их по картотеке пробили.

— Лопоухий, конопатый? — переспросил Полуяров.

— Вы что, его знаете? — решил поддеть полковника Фочкин.

Но тот не обратил на укол подчиненного внимания.

— Катышев, где диск с твоей порнухой?

Капитан уже вцепился глазами в экран монитора. Полуяров присел рядом и увидел, как атлет с оттопыренными ушами обслуживал в массажной комнате сразу двух девиц. Катышев перемотал видеоролик вперед и остановил кадры, когда в длинном коридоре спорт-комплекса появилась деловитая Катька в сопровождении акробата.

— Так вот же они, гады! — заорал Фочкин, тыча пальцем в подбородок спортсмена.

— Ты его знаешь? — спросил Полуяров Катышева.

— Это и есть Венедикт Малкин, Катькин тренер по

акробатике. Мастер спорта. И видимо, человек Белоцерковского.

— Почему ты так решил? — почти в один голос спросили Полуяров и Фочкин.

Катышев обернулся и посмотрел на майора:

— Пока, Олежек, ты внизу развлекался с певичкой, Белоцерковский мне внушал, на кого переписывать договор об аренде спорткомплекса. Так вот он хотел, чтобы им заведовал Малкин.

— Надо же, — кивнул головой Полуяров, — и боевик, и генеральный директор в одном лице.

— Что здесь удивительного? — пожал плечами капитан. — Если на последних выборах кандидатом в президенты был боксер, охранник одного из партийных лидеров?

Полуяров, предпочитающий всегда держаться подальше от политики, никак не отреагировал на фразу.

— Может, ты, Катышев, и с этим ушастым сексуальным маньяком знаком?

— Давайте-ка на него еще раз полюбуемся, — предложил Фочкин.

— Обойдешься, — ответил Катышев, не пожелавший вторично демонстрировать роль собственной супруги, и выключил компьютер. — Про ушастого — ничего не знаю. Надо у Катьки спросить.

— А чего спрашивать? — сжал кулаки Фочкин. — Надо ехать и брать, а потом уже спрашивать!

— Кого брать? — устало вздохнул Катышев. — Если бы он сидел и ждал нас на месте! После того как ты навел порядок на светском рауте и мы пообщались с Бе-

лоцерковским, навряд ли Малкин и его товарищ появятся в спорткомплексе.

— И все-таки проведай жену, — предложил Полуяров.

27

Всегда забитая до отказа автостоянка нынче была совершенно пуста. Лишь Катькин «Пежо» да еще несколько потрепанных и грязных шедевров отечественного автостроения уткнулись бамперами в фасад спортивного сооружения. Охранник беззаботно спал в дежурной будке, и Катышев не стал мешать столь редкому отдыху.

В тренажерном зале дошкольного возраста ребятня носилась между устройствами для накачки силы и сгонки лишнего веса. Моложавая женщина, из последних сил накручивая педали велотренажера, раз за разом окрикивала сорванцов, стараясь образумить и направить их энергию в нужное русло. Только мужчина, отец всего этого многошумного семейства, не обращал внимания на происходящее вокруг него и, обливаясь потом, толкал штангу. Катышев помнил, что в дневное время Катька разрешала бесплатно пользоваться услугами комплекса членам многодетных семейств. Такая же льгота предоставлялась и инвалидам. Впрочем, столь щедрая идея в предоставлении бесплатных услуг принадлежала самому Катышеву, который, дабы не будить ненависти в головах проживающего рядом с комплексом населения, подсказал, как бизнесу и мещанину жить в дружбе и согласии. Катька ухватила за это

рационализаторское предложение и даже расширила круг льготников за счет ветеранов Великой Отечественной войны и пенсионеров. И те не заставили себя ждать. Только здоровый интерес стариков простирался не на тренировочные площади, а на комнаты отдыха, где были установлены телевизоры и в утренние часы шла повторная демонстрации очередного телесериала. Но вскоре льготу для стариков пришлось ликвидировать, потому как вездесущие пенсионеры стали совать нос в массажные и душевые комнаты, сауны и парилки, нервируя своим присутствием представителей бизнес-класса.

Катька в одиночестве сидела в своем кабинете. Но неожиданному визиту мужа в дневной час несколько не удивилась.

— Скучаешь? — забросив кепи на крючок вешалки, спросил Катышев.

— Ничего не понимаю. По графику с одиннадцати до часа должны были заниматься девушки из эскортного агентства. Но время на исходе, а никто не пришел. — Она поднялась и подошла к окну, из которого хорошо была видна площадь автостоянки. — А следующие два часа — постоянное время группы моделей. Но я не вижу ни одной знакомой машины.

— И не увидишь, — заверил ее Катышев. — Они объявили тебе бойкот.

— За что? — Она в недоумении подняла глаза и посмотрела на Катышева. — Впрочем, это их личная трагедия. Платежи за квартал вперед произведены. Но что ты расселся, как у себя дома! Объясни, наконец, что

происходит? Не зря же ты сюда приплелся в свое драгоценное рабочее время!

— Катюха, успокойся. Скажи мне лучше, ты со своим персоналом сегодня планерку проводила?

— Как всегда. В девять сорок утра.

— Все были?

— Все. Кроме Малкина и Орешникова. Но Малкин звонил и сослался на какие-то неотложные обстоятельства. Сказал, что к обеду перезвонит.

— Что еще говорил?

— Да в общем-то ничего. Спросил, как дела, как себя чувствую? А что?

— А Орешников? — вопросом на вопрос отозвался Катышев. — Чем он у тебя занимается?

— Бывший борец. Я его недавно, после испытательного срока, в штат зачислила — инструктором тренажерного зала. Проявил он себя молодцом. Только вот сегодня от него ни слуху ни духу. Сама удивляюсь. Костя, почему он тебя интересуется? — Она постаралась улыбнуться. — Ты что, ревнуешь меня к этому лопуху?

— Да, — вспомнив кадры из массажной комнаты и показания Блинкова, отозвался Катышев. — Он действительно проявил себя молодцом!

— Разве вы с ним знакомы?

— Пока только заочно.

Он догадывался, что ее нервировала и ей надоела игра в вопросы и ответы с собственным мужем, которого она, по сути, не видела уже двое суток. Катышев приходил ночевать домой, но поздней ночью, и, как всегда, утром обнять и поцеловать его она также не смогла.

Костя поднимался и уходил на работу чуть свет. Что могло произойти за эти двое суток, Екатерине оставалось лишь догадываться по его далеко не добродушной физиономии. Впрочем, она начинала припоминать уже забытый и выброшенный из головы предупредительный разговор мужа о Дзись-Белоцерковском и Черемисовой. Вполне возможно, что сегодняшнее отсутствие девушек из модельных агентств и подопечных Черемисовой, которые готовятся к очередному конкурсу, а также неожиданное появление Кости взаимосвязаны.

В то же время и Катышев понимал, что жена все еще остается в неведении и не знает, как перевернулся мир спорткомплекса за эти двое суток. Рассказывать подробно и в деталях, что все-таки произошло, у него не было ни времени, ни желания. К тому же он был уверен, что Катька обязательно подумает, что муж страдает очередным приступом ревности и наговаривает на ее выгодных клиентов. В таком случае пусть она все узнает сама. И это случится очень скоро. Ведь не зря, поинтересовавшись ее настроением, Малкин обещал перезвонить.

Не позволив жене воспользоваться семейными привилегиями и неоспоримым правом первого голоса женщины, Катышев сам перешел в атаку:

— Тебе известно, где проживают Орешников и Малкин? Мне нужны их адреса и телефоны.

Глядя, как она, безмолвно подчинившись, копается в папке с анкетами сотрудников, он поближе подвинул телефон, готовый тут же сообщить адреса своим коллегам. Конечно, он сомневался, что в анкетах могли

быть зафиксированы настоящие адреса преступников, но лишняя проверка не помешает.

— Вот, — подвинула она к нему папку с анкетами. — И адреса, и телефоны...

Но он не успел снять трубку, как аппарат разразился громкой мелодией. Лишь выразительно бросил взгляд на Катьку, предоставляя ей, как хозяйке кабинета, право поднять трубку.

— Алло? — сказала она и тут же, прикрыв ладонью микрофон, тихо произнесла в его сторону: — Малкин!

Катышев дотянулся и включил кнопку громкоговорящей связи.

— Екатерина Дмитриевна! Еще раз приветствую.

— Ну как, вам удалось уладить свои проблемы? — тут же поинтересовалась хозяйка спорткомплекса.

— Мои проблемы не столь существенны. Вот как вы теперь будете улаживать свои проблемы, Екатерина Дмитриевна?

— Что это с вами, Малкин? Вы не в себе или мне угрожаете?

— Ну что вы, Екатерина Дмитриевна! Я чувствую себя превосходно. Даже более того. И как можно угрожать столь симпатичной женщине, у которой муж работает в управлении собственной безопасности! Кстати, он уже рядом с вами?

— Это не имеет никакого значения. Зачем вы звоните?

— Только из-за личной симпатии. Хотелось бы предупредить о том, что не стоит делать резких движений. Как гимнаст гимнасту вам говорю. Вы же знаете, как бывает больно, когда срываешься с перекладины.

— Я вас не понимаю, Малкин.

— Значит, ваш муженек, опер хренов, ни о чем вам не рассказывал?

Понимая, что наступило время ему самому вступить в разговор, Катышев сделал жене предупреждающий жест рукой.

— Что ты хочешь, подонок?

— Только одного, мент. Освобождения Черемисовой и полного прекращения дела.

— И кто же тебя, пешку, уполномочил на такие переговоры? Белоцерковский?

Абонент, видимо, все еще рассчитывающий оказаться в дамках и занять обещанное Белоцерковским место директора спорткомплекса, на несколько мгновений замолчал, обиженный, что его унизили до пешки.

— Мы еще посмотрим, кто из нас пешка, когда растажиженные диски с порнухой из спорткомплекса разойдутся по всем газетам и телестудиям.

— С подделкой из спорткомплекса, — поправил Катышев.

— Это неважно. Журналисты не станут долго думать и разбираться, подделка это или не подделка. Согласись, мент, важен сам эффект! А какие заголовки в прессе появятся: «Эсэбэшники крышуют российскую проституцию!» Итак, мент, ты понял наш ультиматум? Завтра утром, ровно в десять часов, Черемисова должна быть на свободе.

Малкин замолчал, но связь не оборвалась, и табло телефона продолжало исправно отсчитывать секунды.

— Хорошо, — голос всегда спокойного Катышева

перешел на крик. — Но нам нужно переговорить с Белоцерковским!..

Громкоговорящая связь на предложение капитана отреагировала довольно странным образом: сначала раздался металлический треск, стук острых каблуков и рев автомобильных моторов.

— Он выкинул телефон, — отключив селектор, самому себе ответил Катышев и посмотрел на жену.

Теперь она прекрасно владела ситуацией и понимала, о чем просил тренер по акробатике Венедикт Малкин, которого полгода назад она приняла на работу по рекомендации Дзись-Белоцерковского. Всегда тихий, улыбчивый и исполнительный Малкин никогда и ни в чем не вызывал у нее подозрения, и только закончившийся разговор вызвал у нее настоящий шок.

— О каком диске идет речь? — с испугом спросила она мужа.

Он хотел достать из кармана куртки коробку со злопамятным диском и тут же показать кино жене. Но приступ гнева помешал ему это сделать.

— О том, где ты расхаживаешь по массажным комнатам и даешь дельные и своевременные советы клиентам, как правильно заниматься сексом. О том, с каким удовольствием ты появляешься в сауне среди голых мужиков и баб. О том, где твой муж получает гонорары от Черемисовой!

Он поймал себя на том, что кричит во весь голос.

— Ты что на меня орешь! Откуда я знала?

— Я ведь тебя предупреждал, Катька, что с этой женщиной и Белоцерковским нельзя иметь никаких дел-

вых отношений. Вот теперь и влипли по самые Нидерланды! За всю жизнь от этого дерьма не отмоешься!

Катка резко опустилась в кресло и закрыла лицо ладонями. Плечи ее тряслись. Катышев продолжал оставаться на своем стуле и, вертя в руках авторучку, лихорадочно соображал, как можно вывернуться из создавшейся ситуации.

— И ничего нельзя предпринять? — Катышев услышал всхлипывающий голос жены и понял, что плач нисколько не мешает ей думать и даже надеяться на положительный исход. — Может быть, вы отпустите эту Черемисову!

— Не говори глупостей! — Капитан был готов снова сорваться на крик. К тому же он понимал, что показывать поддельный видеоролик жене крайне опасно. Зная ее вспыльчивость и непредсказуемость, она могла наделать немало глупостей.

— Сам не говори! Тебе кто больше дорог, собственная жена или Черемисова?! — неожиданно поставила вопрос ребром Катка.

Он поднялся и, словно ожидая от нее еще каких-то слов, не торопясь, застегивал куртку. Глядя на ее вздрагивающие плечи, он понимал, что, в запале поставив его перед выбором, она имела в виду не свою собственную жизнь или честь, а прежде всего свой бизнес. А значит, понимать ее слова можно было только с позиции или мой бизнес, или Черемисова... Но как бы ни любил Катышев свою Катку, выбор у него был только один.

28

Если приходит беда, то всегда с сестрами и кумовьями. Он уже вышел из спорткомплекса, когда ощутил колебания зуммера в кармане. Звонил Золотарев и передал новость, которая оказалась ничуть не легче той, что преподнес Венедикт Малкин. Ровно через шестнадцать часов Дзись-Белоцерковский устраивал пресс-конференцию для общественности и представителей средств массовой информации. Стас Варенцов, который, как только получил приглашение по электронной почте, сразу сообщил об этом Золотареву и настырно интересовался, не связана ли тема выступления Белоцерковского с его временным задержанием. О том, что омовцы осуществили набег на элитный клуб, на следующее утро не знал разве что самый ленивый журналист.

— А мы можем встретиться с твоим Варенцовым? — спросил Катышев, покидая пределы спорткомплекса и прощаясь с так и не проснувшимся охранником автостоянки. — Когда? Да прямо сейчас!

Золотарев встретил его около входа в редакцию с пакетом в руках. По хмурому лицу сразу определил, что Катышев чем-то ужасно расстроен. Хотя, конечно, догадывался, что вовсе не тема конференции волновала коллегу.

— А что у тебя в пакете? Водка? — спросил Катышев.

— Угадал. Иначе Варенцов не станет с нами откровенничать. А ты что, тоже хочешь выпить?

— Н-нет, — ответил Катышев, направляясь к входу.

— А будешь? — устремляясь за ним и стараясь отвлечь товарища от мрачных мыслей, спросил Золотарев.

— Д-да.

Варенцов был уже под градусом, что лишний раз говорило о его полном рабочем состоянии.

Одарив Золотарева благодарственным взглядом, когда тот выставил литровую бутылку медовой водки, Стас не стал тратить время на досужие разговоры. Свернув пробку, он наполнил немытые рюмки.

— Я уже звонил в администрацию проведения конкурсов красоты, интересовался темой предстоящей конференции. — Он сделал паузу, наблюдая, как в гордом одиночестве и лихо справился со своей стопкой Катышев. — И мне по секрету сообщили...

Костя вернул стопку на стол, снова наполнил ее до краев и опрокинул в рот. Заметив недоумение по поводу своих действий со стороны репортера, он решил сам досказать за журналиста:

— И тебе ответили, что штаб всероссийского конкурса «Мисс Отечество» берет локаут и отменяет очередное проведение состязания. Так?

— Что-то в этом роде, — отозвался Стас.

— А тебе откуда известно? — продолжая удерживать стопку в руках, спросил Золотарев.

Оставив вопрос коллеги без внимания, Катышев постарался предугадать дальнейший сценарий администрации Дзись-Белоцерковского.

— Сначала председатель, то бишь сам Белоцерковский, поднимется на трибуну и объявит о невозможности проведения конкурса в связи с вопиющими и неправомерными действиями сотрудников органов пра-

вопорядка по отношению к устроителям. И, когда журналисты начнут спрашивать, чем это вызвано, расскажет об аресте его «правой руки» Черемисовой, без организаторского таланта которой ему одному не управиться.

— Стоп-стоп! — прервал его Варенцов. — Черемисова — это и есть та самая бабца, которая руководила элитным борделем?

— Та самая, — подтвердил Золотарев, — и не только элитными заведениями она руководила. К ней стекались доходы практически от всей городской проституции. Мы уже располагаем всеми доказательствами.

Варенцов одарил Золотарева укором:

— Ты мне этого не говорил.

— Вот и сообщаю. А во время нашего первого с тобой разговора таких данных еще не было, — оправдался Николай и добавил: — Кроме тебя, об этом никто не знает. Как мы и договаривались, ты — первый из журналистов. Но об этом писать пока рано.

— Не рано! — не согласился с коллегой Катышев. — Писать надо сегодня, сейчас.

Он сам наполнил пустые стопки и выразительно посмотрел сначала на ничего не понимающего Золотарева, затем перевел взгляд на Варенцова:

— Успеешь подготовить статью в завтрашний номер?

— О чем? К чему такая спешка?

Катышев на мгновение замялся, не зная, как, не потеряв доверия и не вызвав подозрения, объяснить пусть даже знакомому репортеру, что общественная конференция может больно ударить не только по

управлению собственной безопасности, но и лично по нему самому. Теперь он нисколько не сомневался, что если ультиматум, переданный устами Малкина об освобождении главной свидетельницы Черемисовой не пройдет, то вторая часть задуманного Белоцерковским мероприятия будет посвящена тесным контактам конкретных работников милиции и теневого секс-бизнеса. Он первым нанесет удар и расскажет журналистам всю «правду». В доказательство будет показан тот самый, снятый в спорткомплексе видеоролик, который в конце конференции получит в собственное пользование каждый из журналистов. И если не упредить такой удар, то на другой день, когда каждая уважающая себя газета разразится сенсационной статьей, оправдаться будет довольно сложно. К тому же любое обвинение Дзись-Белоцерковскому со стороны следствия газетный мир может растолковать как месть правоохранительных органов.

Катышев решил пойти ва-банк, вынул из кармана коробку с диском и положил перед Варенцовым. Теперь он был спокоен и, как всегда в общении с представителем печати перешел на «вы».

— Здесь, Стас, как раз то самое кино, которое завтра вам собирается показать Белоцерковский.

— А кто главные герои? — Забыв о налитой стопке, Варенцов вставил диск в компьютер.

— Я и моя жена. Но все это — хорошо смонтированная подделка.

— Вот как? — без эмоций произнес репортер, глядясь в первые кадры ролика. — Теперь понимаю намерения конкурсного короля. Получив такую факту-

ру на конференции, я бы с удовольствием дал по морде ментам.

Кабинет наполнился голосом Катьки, которая учила уму-разуму клиентов в массажной комнате.

— Это и есть ваша жена? Симпатичная женщина...

— Ты мозги-то нам не пудри, — поняв опережающий замысел Катышева, вмешался Золотарев. — Статью писать будешь?

— А факты? Где факты? Обвинения к Белоцерковскому мне из пальца высасывать? — продолжал ломаться и набивать себе цену Варенцов, нисколько не сомневаясь, что обратившиеся к нему за помощью оперативники не поскупятся на информацию и подробности.

Даже не доглядев до конца диск, Варенцов уже купался в лучах славы и представлял, какой фурор у общественности вызовет разоблачительная статья о короле конкурсов красоты. Он даже попросит главного редактора придержать реализацию тиража, только ради того, чтобы в назначенный час с пачкой свежих газет зайти в зал конференции и всем присутствующим раздать издание, которое первым опубликовало сногшибающие подробности о тайной деятельности Дзись-Белоцерковского. Он уже знал, что это будет целый разворот с фотографиями и копиями документов. Основную статью дополнят интервью с моделями, которые были проданы Белоцерковским в бордели Черемисовой и с которыми он, в тайне от Золотарева, уже успел пообщаться. А в нижнем левом углу полосы он обязательно поднимется над фактом и все-таки даст ментам по морде. Без их участия, а точнее, будет сказано, при полном их бездействии и невмешательстве,

столичный сексуальный бизнес не поднялся бы до столь устрашающих форм и размеров.

Он оставил мечты и экран компьютера в покое. Теперь, чтобы оказаться на коне, надо было спешить — времени оставалось всего ничего. Но он на сто процентов был уверен, что, узнав о сенсации, главный редактор согласится на несколько часов отложить сдачу номера в типографию.

— Чего вы расселись, как на именинах? Где обещанные материалы? — вихрем налетел на них Стас.

— А что тебе конкретно нужно? — попробовал торговаться Золотарев.

— Все! Документы, свидетельства, показания...

— Через час вы все получите, — опередив Золотарева, посмотрел на часы Катышев. — Но хотелось бы до сдачи номера просмотреть статью.

— Заметано! — согласился Варенцов. — Я отправлю вам ее на визирование по электронной почте. А теперь — не мешайте и убирайтесь. С нетерпением жду ваши материалы. Бутылку можете оставить.

Надеясь на понимание Полуярова, который уехал в аэропорт встречать генерала Милославского, Катышев взял на себя ответственность за предоставление органам печати всей оперативной информации, касающейся деятельности Белоцерковского и Черемисовой. И теперь ему оставалось дожидаться полковника, чтобы не по телефону, а лично поставить его в известность о своем самоуправстве, которое могло обернуться боком. Золотарев, как истинный товарищ, решил не оставлять Катышева одного. Прекрасно понимая, в ка-

ком состоянии сейчас находится Костя, он попытался отвлечь его от печальных мыслей.

— Когда я только начинал работать следователем в уголовном розыске, ко мне привели двух мужиков. По пьяни они разбили витрину в магазине.

— Какая редкость! — съязвил Катышев.

— Ага, — согласился Золотарев. — Ну прошу их, уже протрезвевших, объяснить, как было дело. И один, тот, что постарше, рассказывает, что купили они его сынишке велосипед. Сначала, говорит, мы его обмыли, а потом пропили...

Катышев отозвался снисходительной улыбкой:

— Вот и мне пришла в голову мысль. Выпить хочешь?

— Я могу сбежать, — услужливо предложил Золотарев.

Когда он вернулся с очередной бутылкой «Перцовки», Катышева было не узнать. Он хохотал на весь этаж:

— Ты почитай, что твой журналист накатал! Ну молодчина, ну Варенцов!

Золотарев взял отпечатанный и уже сверстаный разворот газеты. Заголовок бросался в глаза: «ВСЕХ ЗАТРАХАЕМ, А СТРАНУ НЕ ОПОЗОРИМ!» Статью журналист Варенцов начал с лирического отступления: «От интенсивности интимной жизни нации напрямую зависит количество народонаселения в данном государстве. Миллиардный Китай живет по принципу «как можно меньше». А у нас в России, где население с каждым годом сокращается, хотелось бы, чтобы сексом занимались больше. Но, увы, всезнайками-учеными

доказано, что в течение жизни среднестатистический человек вступает в половую связь около 4,5 тысячи раз. Пик приходится на 20—25 лет. В этом возрасте «случки» происходят до 200 раз в год. Внести свою лепту в решение этого вопроса взялись председатель всероссийских конкурсов красоты господин Дзись-Белоцерковский и его неизменный помощник в этом чрезвычайно важном деле Татьяна Федоровна Черемисова, прозванная в народе Мамкой-Танькой. Окутав столицу сетью борделей и притонов, заполонив улицы города приезжими проститутками, они не только многократно увеличили количество «случек», но и столь же многократно нарушили Уголовный кодекс...

29

В кои-то веки «Стрела» из Питера опаздывала на десять минут. Прохаживаясь по перрону, Полуяров вспомнил о газете, которую ему вручил капитан Катышев, когда он уже садился в машину, отправляясь на Ленинградский вокзал встречать Князя. Он вытащил ее из кармана и на первой странице обнаружил огромную фотографию Дзись-Белоцерковского. Разгоряченный пламенной речью король конкурсов красоты был изображен с поднятой рукой и открытым ртом. Словно говорил словами анонса, расположенными под снимком: «Проституции — быть! Конкурсам — нет!»

Полуярову хватило пяти минут, чтобы ознакомиться с сенсационной публикацией. Подумав о взбучке, которую он, вернувшись, тут же устроит прохинде-

ям-операм, без его личного разрешения снабдивших журналиста служебными материалами, он тут же смекнул, что статья очень даже своевременна и может сыграть на руку.

Глядя, как надвигается громада тепловоза, он достал телефон и, дождавшись, когда абонент включится, отдал четкое приказание: через полчаса газета должна быть в СИЗО у Черемисовой. Хотя и слабая, но у него все-таки появилась надежда, что Мамка-Танька откроется и заговорит, когда увидит, что под удар общественности поставлена не только она, но и ее патрон Белоцерковский. Понятное дело, устроителю конкурсов красоты будет уже не до Черемисовой, а потому он займется решением вопроса, как спасти собственную шкуру. Вернее, он уже начал ее спасать, о чем говорила и назначенная на десять часов пресс-конференция и пришедший в адрес управления депутатский запрос. Группа городских сенаторов была обеспокоена действиями некоторых служб милиции, направленных на дискредитацию такого заслуженного человека, как господин Дзись-Белоцерковский. В самый короткий срок народные избранники требовали во всем досконально разобраться, прекратить преследования и провокации по отношению к председателю конкурсов красоты.

Правда, полковник Полуяров так до конца и не понял, чего больше требовали хитрецы-депутаты — прекратить гонения или во всем досконально разобраться? Об этом, приехав в столь ранний час на вокзал, он и хотел поговорить с Милославским.

Нескольких часов пути генералу хватило, чтобы хорошо выспаться. Князь выскочил из вагона в припод-

нятом настроении. Увидев полковника и подав руку, постарался спрятать усмешку:

— Доброе утро, Иван Борисович. Но скажу тебе откровенно — терпеть не могу холоуев.

Пропустив мимо ушей намек на оскорбление, Полуяров даже решился подыграть:

— Что поделаешь, товарищ генерал, пожинаем плоды имперско-советской системы. Давайте-ка я понесу ваш чемоданчик, гляжу, устали...

Генерал резко остановился:

— Ты что, в самом деле думаешь, что я без тебя не смогу найти дорогу?

— Извиняйте-с, но после вашего двухдневного отсутствия навряд ли нам дадут спокойно поговорить.

— Есть о чем? — Генерал, ускоряя шаг, направился к зданию вокзала.

— Есть. Наверняка в приемной вас уже ожидают представители городского законодательного собрания.

— Какого черта?

— Видимо, депутатского запроса, который они сделали накануне, им показалось мало, и они сами хотят с вами переговорить о судьбе Белоцерковского и Черемисовой.

— И что мы им ответим, Полуяров?

— Доказательств в причастности Черемисовой к су-тенерским действиям хоть отбавляй.

— А Белоцерковского?

— Мамка-Танька пока молчит, — чувствуя себя виноватым, ответил Полуяров

Генерал снова остановился:

— А тебе не кажется, полковник, что мы воюем с

ветряными мельницами? Разве это наша с тобой забота допрашивать проституток, сутенеров и всех остальных представителей этой индустрии? Мы выполняем чужую работу, для которой в министерстве имеются специальные службы...

— Которые ее выполнять не только не собираются, но и способствуют развитию этой индустрии, — продолжил размышления начальника Полуяров. — И показания Черемисовой пролили бы свет, кто из представителей органов покровительствует столь щекотливому бизнесу. В одном с вами согласен — мы действительно воюем с ветряными мельницами.

— Вот! Наконец-то сам допер, — довольный собой генерал хлопнул полковника по плечу. — Проституцию победить нельзя! Ибо она была, есть и будет есть. Ни мировой, ни российский, даже опыт этого самого Ленина не смог в корне поменять дело. Я тут по дороге почитал один исторический журнальчик. В нем статья, как на заре советской власти комиссары боролись с падшими женщинами.

— Ну и как?

— Они тоже пользовались их услугами. У одной был муж налетчик. И когда его приговорили и вели к месту расстрела, женщина предложила в качестве выкупа свое тело. Красноармейцы не отказались, по очереди, как бы это лучше сказать, ее отымели, а мужа все равно расстреляли.

— К чему вы мне все это рассказываете? — так и не поняв намека полковник.

— Да все о том же. Проституцию победить нельзя. Ее можно только узаконить!

— И вы об этом собираетесь сказать депутатам? — ухмыльнулся Полуяров.

— А почему бы и нет? Если она давно вышла из-под контроля правоохранительных органов. Что у нас, других забот нет?

— Вы опять не правы, генерал. Наоборот, она вошла под полный контроль правоохранительных органов. И выход тут только один: избавиться от милийского надзора можно, только избавившись от самих проституток.

Милославский откровенно засмеялся:

— И как ты собираешься это сделать, стратег?

— Как было несколько десятков лет тому назад. Увы, при тех же красноармейцах. Существовала идея и система нравственного воспитания подрастающего поколения. Сегодня этого ничего нет и не предвидится. Совсем наоборот, заработок телом пропагандируется во всех средствах массовой информации. Куда ни глянь — только сиськи и...

Они вышли к автостоянке. Там пассажиров и встречающих развлекал установленный на самом видном месте электронный рекламный щит. Сексапильная блондинка учила народ, как пользоваться колготами итальянской фирмы. Тысячи глаз не понимали, то ли она их снимала, то ли одевала. В доказательство своим словам Полуяров кивнул на щит.

— Твоя работа? И тут ты меня достал, полковник Полуяров.

— Я вас за язык не тянул, и вы сами затеяли этот спор, товарищ генерал.

Гриша Пичугин открыл перед Милославским пе-

реднюю дверцу, совершенно упустив из виду, что в чужих машинах генерал никогда не занимает место рядом с водителем.

— Что, Григорий, нравится реклама? — усевшись в машину, спросил Князь.

— Так ведь бесплатно, товарищ генерал, — осклабился Пичугин. — Вот моему соседу вчера удалось посмотреть эротику вживую, и он без зарплаты остался.

— Нечего ходить по стриптиз-барам.

— Да его туда силком не затащишь, — выруливая с автостоянки, отозвался Гриша. — Поздно вечером возвращался со второй смены. И в переходе увидел, как девушка раздевается. Натурально причем! Под музыку. Какой-то тип рядом на гитаре наигрывает. Он остановился, посмотрел. Она оделась. А потом к нему два лба подошли. Стриптиз видел? Ну видел, отвечает. Тогда плати. И забрали всю зарплату.

Смех Полуярова прервал телефонный звонок. Дежурный по управлению докладывал, что арестованная Черемисова срочно желает встретиться с полковником.

30

Конференц-зал гудел как улей. Телевизионные операторы, рассчитывая, что выступление председателя всероссийских конкурсов не обойдется без демонстрации красоток, скопом и с руганью устанавливали камеры в центральном проходе, и прибывающим участникам пробраться к свободным местам можно было разве что через плечи и головы коллег.

Передние ряды и места около нескольких микрофонов были давно заняты. Оставалось лишь несколько свободных кресел на галерке, куда, стараясь не привлекать внимания, пробрались Фочкин и Золотарев. Осторожный и предусмотрительный Катышев участвовать в конференции отказался, предполагая, что диск с компроматом раньше времени мог оказаться у кого-нибудь из журналистов, и тогда он станет если не всеобщим посмешищем, то обязательно объектом повышенного внимания.

Голова Золотарева вертелась как на шарнирах, и через какое-то время на лице появилась некоторая обеспокоенность. Стаса Варенцова, которого он старался обнаружить, в зале не было. Хотя за час до начала мероприятия они созванивались и журналист даже отчитался, что уже выходит из редакции. Верить в глупую мысль, что Варенцова могли нейтрализовать или похитить по дороге на конференцию, не хотелось. Кому нужен Стас, если в данное время огромный тираж развозился по киоскам и лоткам мегаполиса?

Вместо красоток на свет сначала появились крепкие ребята из команды телохранителей, и только за ними к столу, заставленному микрофонами, в сопровождении свиты прошел главный устроитель пресс-конференции.

Стараясь издали разглядеть, кто занял места в президиуме, по правую руку от Белоцерковского, Золотарев узнал народного депутата из городского собрания. Слева в погонах подполковника восседал начальник районного управления Ломакин. По его решительному лицу можно было догадаться, что пресс-конференция

ему была нужна не меньше, чем самому Белоцерковскому.

Постучав пальцем по микрофону и убедившись, что голос его будет слышен даже за пределами зала, Дзись-Белоцерковский поднял руку, стараясь привлечь внимание журналистов.

— Друзья, — мило улыбаясь, начал он словами го-голевского героя. — Я вас пригласил, чтобы сказать пренеприятную весть...

— Уж не к вам ли едет ревизор?! — выбросил кто-то из зала первый вопрос.

— Да, к сожалению! — подтвердил Дзись-Белоцерковский и вмиг сделался решительным. — Я хочу вам со всей ответственностью заявить, что всероссийскому конкурсу «Мисс Отечество» угрожает серьезная опасность.

— Что, наши красавицы разом вымерли или за границу эмигрировали? — отозвался тот же голос.

Не обращая внимания на шутку, Белоцерковский снова поднял руку и попросил тишины.

— Мне трудно и больно об этом говорить. Но и не говорить не позволяет гражданский долг и совесть. Дело в том, что некоторые милицейские структуры начали откровенную травлю не только работников администрации конкурса, но и самих участниц. В таких условиях готовить девушек к состязаниям невозможно. Мало того, меня и моих подопечных стараются скомпрометировать. Для этого устраиваются провокации, обыски, необоснованные проверки и даже аресты. Нас обвиняют черт-те в чем! Вплоть до того, что администрация готовит претенденток не для конкурсов, а для

секс-индустрии. Вы только представьте, до чего дошли — мы готовим проституток!

— Примеры! Факты!

— Факты? Двое суток назад была арестована один из членов жюри, мой давний партнер Татьяна Федоровна Черемисова, которая сегодня томится в застенках следственного изолятора. Из ее сейфа без всяких оснований изъяты важные документы, регламентирующие работу комиссии и конкурса.

— Ни черта не понятно! Рядом с вами находятся представители законодательных и правоохранительных органов, видимо, ваши друзья и покровители, которые вот так просто позволили со стороны кому-то вмешиваться в ваши дела? Мне кажется это очень странным...

Фочкин и Золотарев с трудом разглядели в центре зала крохотную журналистку, которая представляла модный женский журнал. К разочарованию оперативников, задать свой вопрос до конца ей не дали. Со всех сторон зашикали, требуя, чтобы Белоцерковскому не мешали продолжить монолог. Подполковник не переставал бросать в зал строгие взгляды. Депутат, показывая, что обличительный разговор может затянуться и он к нему готов, снял пиджак и повесил его на спинку стула.

— Я не стану от вас утаивать, — решил не томить журналистскую братию Белоцерковский. — Это нужно управлению собственной безопасности МВД, представители которого замаскировались и среди вас! До меня дошла информация, что они хотели помешать и проведению этой конференции!

Словно стараясь подтвердить слова оратора, подполковник чуть приподнялся и взгляделся в присутствующих. Депутат лишь согласно закивал головой.

— Но я хочу вам сказать, друзья, — продолжал король конкурсов, — что эти самые представители собственной безопасности сами по уши в... Мы располагаем фактами, что в одном из спортивных комплексов города регулярно происходили сексуальные оргии, зачинщиками которых были сотрудники этого подразделения.

— А где факты? Дайте их потрогать!

— Вот они! — Белоцерковский открыл папку, достал из нее коробку с диском и поднял его над головой. — Вот они, факты! Через пять минут мы обязательно покажем этот ролик. Мало того, каждый из присутствующих здесь журналистов сможет после конференции получить точно такой же диск. А затем перед вами готов выступить живой свидетель, который долгое время работал тренером по акробатике в том самом спорткомплексе. Его сегодня также преследуют сотрудники безопасности.

Он повернулся к кулисам и кого-то поманил пальцем. Тут же не свет появился Венедикт Малкин. Испуганно шурясь от яркого света, он подошел к столу. Но сказать так ничего и не успел. Дальняя дверь в конференц-зал с грохотом открылась, и все увидели известного тусовщика и журналиста светской хроники Стаса Варенцова.

— Туфта это все! Полная чушь и словесная блевотина! И диск, и ваш живой свидетель! — Чуть замешкавшись, репортер не без труда вкатил тележку с кипой газет. Даже издали, находясь в добрых двадцати мет-

рах от Варенцова, Золотарев почувствовал, что, прежде чем заявиться собственной персоной, Стас успел принять на грудь не один стаканчик. Скорее всего, он не выпускал бутылки, все это время стоя за дверью и дожидаясь подходящего момента и своего звездного часа. Он не только его дождался, но при этом изрядно потрепал нервы Золотареву.

— Диск — полная подделка, — вырвав из кипы несколько экземпляров газеты, помахал ими в сторону президиума Варенцов. — А ваш свидетель — преступник, один из многих, кто склонял красавиц к разврату. Нашему изданию удалось собрать сведения о том, как господин Белоцерковский склонял своих конкурсанток и моделей к сексуальным занятиям, продавал их в притоны и бордели, а несогласных подкладывал под постовых милиционеров и выставлял на улицу!

Стас на секунду осекся, глядя на грозных верзил-охранников, которые, ускоряя шаг, двигались в его направлении. И, прежде чем дожидаться, когда его вынесут, стал разбрасывать газеты.

— Читайте, господа! Знакомьтесь! Здесь неопровержимые факты и показания! Король оказался голым!

Золотарев понял, что без его помощи старому товарищу не обойтись. Но около стола президиума все еще стоял Малкин, на которого продолжал пялить глаза Фочкин, стараясь признать в нем одного из налетчиков на Блинкова.

— Ну что ты вылутился! — не жалея силы, толкнул его в бок Золотарев. — Это и есть Малкин. Ждешь, пока он смоемся отсюда?

— Никуда теперь он от меня не денется, — переби-

раясь через ряды и расталкивая журналистов, отозвался Фочкин. — Я его сейчас к Блинкову в госпиталь отволоку для опознания.

Участники конференции расхватывали газеты с опрокинутой на пол тележки. На членов президиума больше никто не обращал внимания. Несколько самых опытных и пронырливых фоторепортеров, в число которых затесался и оператор с камерой, бросились вдогонку за телохранителями, которые тащили из зала упирающегося, но счастливого Варенцова. Взять интервью у главного возмутителя спокойствия, а заодно вынюхать и другие подробности было делом профессиональной чести.

Золотарев выпорхнул в фойе, когда охранники принялись награждать Стаса тумками. Фоторепортеры, боясь прервать экзекуцию вмешательством, шелкали затворами камер. Проявлять лишнюю назойливость остерегались и пишущие журналисты. Лишь Золотарев, уже на лету перехватив руку верзилы, отшвырнул его в сторону, пожалев, что рядом не оказалось Фочкина. Оставив в покое Варенцова, второй охранник бросился к капитану, рассчитывая расправиться одним ударом. Словно пушечное ядро кулак просвистел над плечом Золотарева. Но оперативник в следующий миг был подмят и раздавлен весом налетевшего тела. Оказавшись на полу, он успел выскользнуть из объятий неприятеля и даже увернуться от ноги подоспевшего на помощь второго качка. Но разъяренные лица телохранителей отчетливо показывали, что в этот раз ему от чужих кулаков не отвертеться. Выручил залихватский хохот Варенцова, который, тыча пальцем и при-

влекая внимание репортеров к дерущимся, полупьяным голосом проинформировал, что охранники собираются мутузить работника милиции.

Понимая, что это не шутка, охранники резко сбросили обороты. Но все еще разъяренные поединком, они надвигались на Золотарева, готовые снова пустить в ход кулаки.

— Остыньте, мужики, — остановил их Золотарев. — Не надо искать лишних приключений. Дело замнем, стукнемся задницами и разойдемся в разные стороны.

По тому, каким голосом и тоном он это сказал, сразу стало понятно, что наделавший шума и испортивший конференцию журналист вовсе не шутил. И только увидев удаляющиеся спины ребят, Золотарев вздохнул с облегчением. Добраться до Варенцова уже не представлялось возможности: он был окружен плотным кольцом репортерской братии. Николай снова бросился в зал, готовый разыскать и оказать помощь Фочкину, но в дверях столкнулся с устроителями конференции. Белоцерковский в сопровождении подполковника стремительно летел к выходу. Лишь депутат-демократ, раскрыв газету и увлеченный разговором, шевелил губами и никуда не торопился. Нетрудно было догадаться, что он с наслаждением проглатывал информацию о количестве человеческих случаев и помощи, которую в этом деле оказывал знакомый ему господин Дзись-Белоцерковский со товарищи.

Фочкин предстал перед ним неожиданно, в вытянутой руке удерживая за шиворот Веню Малкина.

— Представляешь, — не без восхищения обратился он к Золотареву, — этот шустрик и в самом деле акро-

бат. Даже по потолку умудрился бегать. Но от меня не уйдешь, брат!

Не без усилий ему удалось даже приподнять и встряхнуть Венедикта.

31

Дождаясь появления Полуярова и в который раз просматривая бумаги, изъятые из сейфа Черемисовой, Катышев без особых усилий произвел нехитрый экономический расчет. От собственного изумления запустил руку в шевелюру. Если к списку заведений, которые курировала Мамка-Танька, добавить еще столько же, что были представлены на интернетовских сайтах, то их количество в столице легко перевалит за тысячу. Перемножив предполагаемое число представительниц древнейшей профессии на их среднемесячный заработок и изъяв тринадцать процентов подоходного налога, капитан Катышев чуть было не выронил карандаш. Даже если подсчитывать экономическую прибыль от налоговых отчислений по самому минимуму, выходило, что одна лишь Москва, легализовав проституцию, могла получать по полмиллиарда долларов в год! А это говорило о том, что даже самые честные столичные сутенеры и владельцы борделей делили пополам со жрицами любви около пятнадцати миллиардов долларов. Ради хохмы, он быстро нашел в Интернете бюджетные цифры, выделяемые для Министерства образования. На взятых вместе подготовку школьников и дипломированных специалистов страны выделялось денег в пять раз меньше.

Хотя у капитана Катышева оставалось свободное время, чтобы выстроить график экономической динамики, как любил он это делать на студенческой скамье, и вывести темпы роста от секс-индустрии на ближайшую пятилетку в пределах страны, он отказался от этой затеи. Лишний раз не хотелось удивляться и впадать в уныние — насколько расходы всех, вместе взятых, силовых ведомств государства уступают доходам сутенеров и проституток. Поэтому он лишь внутренне хохотнул: кто в таком случае станет работать — рубить уголь, засеивать поля, лечить людей и ловить преступников, если одна часть населения станет посещать дома терпимости, а другая — предоставлять услуги?

Ручка на входных дверях кабинета медленно поползла вниз. Катышев предположил появление Полуярова. Но он ошибся, и через секунду в проеме двери появилось печальное личико Диночки Ляминой.

Они не виделись уже несколько дней. После коктейля, приготовленного Коробатовым, Катышев считал себя провинившимся не только перед женой, но и перед Диной, а потому всячески избегал появляться на этаже, где располагалась приемная Князя. Конечно, он понимал, что объяснение должно когда-нибудь состояться, но то, что оно должно произойти сейчас, когда с минуты на минуту мог появиться Полуяров, ему вовсе не хотелось.

Не перешагнув порога, Диночка спросила:

— Скажи, только честно, Катышев, я тебе больше не нужна?

— Ну почему же, — замямлил он, подыскивая пра-

вильные слова. — Мы всегда рады тебя видеть. И Фочкин, и Золотарев...

— Мне не важно, рады меня видеть Фочкин и Золотарев, я спрашиваю тебя, — перебила она его и тут же перешагнула порог кабинета, плотно притворив дверь за собой.

Катышев не знал, куда деваться и как поступать в таких случаях. Не хватало только, чтобы свидетелем любовного разбирательства стал Полуяров. Не ожидая, когда она окажется рядом с ним, он как ужаленный соскочил с кресла и постарался раз и навсегда покончить с этим вопросом:

— Диночка, у тебя ко мне есть какие-то конкретные предложения?

— Что ж, так одним разом и ограничимся?

— А на что ты рассчитываешь?

— На взаимность. Костя, мы ведь так хорошо понимаем друг друга.

— О господи! Но я ведь женат, Дина, и очень люблю свою жену!

Тоска и печаль с ее лица улетучились. Она лишь жеманно передернула плечиками:

— При чем тут твоя жена, Катышев? Люби себе на здоровье! Но разве жена сможет тебе сейчас помочь? Что она вообще знает, твоя жена! Что она умеет? Скажи мне, где она в эту трудную для тебя минуту? Жена и предназначена только для того, чтобы борщи и котлеты готовить!

Под напором столь циничных выводов и прямых откровений Катышев даже опешил. Он понимал, что сию же минуту должен отделить те самые котлеты от

мух и поставить самозванку на место. Смелость и решительность уже переполняли его.

— Что ты от меня хочешь? Чтобы я стал твоим очередным любовником?

— Любовником? — Она даже отшатнулась от него. — С какой стати? Очень мне нужен в любовники такой сухарь, как ты! Да еще надо посмотреть, какой ты любовник!

— А то ты не знаешь! — только и нашел что сказать капитан, в то же время наблюдая, как от удивления брови Диночки поднимаются выше и выше.

— У тебя что, Катышев, от неприятностей совсем крыша поехала? — Она, словно не понимая, о чем говорит Костя, крестом сложила руки на груди и отступила в угол комнаты.

Дверь резко распахнулась, и в кабинет вошел Полуяров. Не заметив Диночки, которая осталась у него за спиной, он, не сбавляя взятого с утра темпа, обратился к подчиненному:

— Вы уже обсуждаете важную для вас оперативную сводку?

— Какая оперативная сводка может объединять меня с красавицей Диной? — ничего не понимая, удивился Катышев.

— Как! Тело вашего общего знакомого Павла Коробатова найдено в филевской пойме реки Москвы. С ценителем картинной эротики, как установила экспертиза, расправились ровно сутки назад. И вы, друзья, имеете полное к этому отношение.

На глазах Диночки появились слезы.

— А мне почему-то его очень жалко, — совсем тихо произнесла Диночка.

— Ладно, трупом Коробатова займется уголовка. А у нас с тобой, капитан Катышев, есть дело поважнее. Ты все документы просмотрел? Готов к допросу Черемисовой? Тогда — за мной!

Только отдав распоряжения, он заметил слезы Ляминой:

— И не надо реветь, дорогая наша Дина! Если со мной разговора не получилось, так решила свой половой вопрос через Катышева пробить? — Полковник усмехнулся, призывая и Катышева последовать его примеру.

Капитан уже ни черта не понимал:

— Какой половой вопрос?

— Так ты еще ничего не знаешь? — продолжал улыбаться Полуяров. — Эта диверсантка просится, чтобы мы внедрили ее в общество проституток!

— Зачем?

— Ты ее, Катышев, спроси, зачем? Видите ли, она разработала свой план участия в операции. Оказавшись в борделе или среди уличных девок, она готова оказать нам услугу и выведать имена и клички всех посредников и организаторов. Надоело нашей Диночке заниматься бумажными делами и подносить кофе Милославскому.

— Не надо забывать, товарищ полковник, что я без пяти минут дипломированный юрист, — вмиг забыв о Коробатове, с вызовом отозвалась Диночка. — И следственная оперативная практика мне не мешает.

— Ты этот диплом получаешь с того времени, как я

здесь работаю. И третий год в столе держишь учебники за третий курс, — дружески улыбнулся Полуяров и подтолкнул Катышева к выходу. — Пошли, Катышев, пошли. Нас Черемисова уже заждалась!

Они уже оставили кабинет, когда вдогонку им раздался голос Диночки:

— А я все равно стану проституткой! Вот увидите!

Катышев спускался вниз по лестнице, стараясь поспеть за полковником. После столь бурного и странного объяснения с Диночкой немного отлегло от сердца. Только пока он точно не мог сказать: то ли после коробатовского коктейля она действительно не знает, что с ними произошло, то ли делает вид, что ничего не помнит. Капитану очень хотелось бы верить в первое...

32

Довольный конвоир галантно пропустил Мамку-Таньку в следственный помеще- ние. Как показалось Полуярову, прежде чем оставить ее со следователями, даже готов был раскланяться с подозреваемой преступницей. Впрочем, Черемисова, которая успела поменять вечерний костюм на тренировочный, теперь выглядела полнее и старше своих лет, не удостоила охранника вниманием. Но койка в одиночной камере не помешала ей следить за собой и придержи- ваться принятых на воле правил гигиены и наведения красоты. Глаза и губы Черемисовой были слегка под- крашены, тональный крем тщательно растерт по коже лица, от нее даже исходил тонкий запах дневных ду- хов. По многолетнему опыту общения с заключенны-

ми Полуяров знал, что схваченный за руку на улице и водворенный в камеру мошенник, вор или бандит вряд ли сможет получить с воли на другой день даже зубную пасту и щетку.

Она, получив приглашение занять свободный табурет, вежливо подчинилась, положила на стол дамские сигареты и вывернутую наизнанку газету, на развороте которой присутствовал ее собственный портрет. Даже близорукому Полуярову было видно, что текст был обильно разукрашен синими линиями, пунктирами и пометками капиллярного карандаша.

— Вы хотели меня видеть? — после недолгой паузы решил начать беседу Полуяров.

— Я вообще никого не хочу видеть. Но это необходимость. Если хотите — средство самозащиты.

— У вас есть полное право на адвоката, — подсказал полковник.

— Адвокат посилен защищать от прокурора, а мне нужна совершенно другая защита.

Катышев, расположившись в стороне от Полуярова и стараясь не вмешиваться в разговор, тихо кашлянул в кулак. Теперь он окончательно поверил, что беседа будет носить если не доверительный, то открытый характер.

— Я вас не понимаю, — слукавил Полуяров, требуя подробных объяснений.

— А что тут понимать? После того что здесь было опубликовано, — она накрыла газету ладонью, — Белоцерковский не только не станет мне помогать, наоборот, постарается откреститься и во всем обвинить меня. Он — во всем чистенький, он служит во благо отечества, а я за его спиной организовывала интим-са-

лоны, бордели, переманивала и торговала моделями. Этим самым достоянием отечества! Что уж тут не понять?

— Но ведь по существу и по тем записям, которые мы нашли у вас, так оно и было, — подал голос Катышев, пока полковник раздумывал над сказанным.

— Ох эти записи! Их бы не было! Жадный до денег Белоцерковский сам вел и от меня требовал конкретных отчетов. Я же прекрасно все могла держать в голове. Память меня никогда не подводила.

— Не подводила? А как вы с ним познакомились? — Задав вопрос, Полуяров облокотился спиной на серую панель стены, показал, что спешить ему некуда и он готов выслушать даже не относящиеся к следствию подробности.

— Я с ним не знакомилась. Нас свел Ломакин, которому показалось, что от такого сотрудничества будет больше пользы. И для нас и, уж конечно, для него самого.

— Ломакин — это тот самый подполковник, начальник управления милиции? — постарался уточнить Полуяров.

Черемисова вытащила тонкую сигаретку и закурила:

— Тогда он был всего лишь майором, руководил следственным отделом и постепенно прибирал к рукам интимные заведения, которые находились в его районе. Первой, кому он предложил помощь и покровительство за пятьдесят процентов от выручки, оказалась я. Кабальные условия, таких даже воры в законе не ставили, когда в начале девяностых годов курировали притоны и бордели.

— И вы согласились?

— А куда деваться? Ломакин кого хочешь обломает. — Она впервые улыбнулась, употребив удачный оборот. — Да и его мазохист-помощник и женоненавистник Ремизов... Если бы я их послала подальше, то билет на нары они бы мне запросто устроили. Сама бывший милиционер и понимаю, что сделать подставу, чтобы уличить в сутенёрстве и в склонении к занятию проституцией, проще пареной репы. Но, честно признаться, выбора у меня не было. И я подумала, что спокойная жизнь, пусть под милицейской крышей, куда легче и безопаснее. В конце концов, даже на драконовских условиях дружить с Ломакиным и Ремизовым было выгоднее. Менты не только предупреждали об облавах, но и товар поставляли в наши заведения. Только бабки плати!

— Как они могли поставлять к вам... — Катышев хотел сказать «товар», но в последний момент, заменил другим словом, — девушек?

— Ха, как! В Москву в поисках лучшей доли и заработка слетаются девицы со всех концов бывшего СССР. Одни, чтобы подработать, сами выходят на панель, но их тут же подбирают работники отделов нравов. Других, за неимением регистрации, шантажируют патрули и постовые, третьих запугивают следователи. Иногда менты-лимитчики даже привозили из своих областей одноклассниц и передавали в отдел нравов на перевоспитание, за что от Ломакина получали вознаграждение. А Ломакин, пропустив их через «субботник», перепродавал мне.

— Но не каждая же сразу соглашалась работать в

борделе или на улице? Жаловались, надо полагать? — не удержался от наивного вопроса Катышев.

— А что толку? Все жалобы опять-таки принимал Ломакин. А когда ушел на повышение, свое место закрепил за Ремизовым. Кстати, Ремизову принадлежала идея создать «штрафные роты». Это произошло после того, как он подхватил болезнь и вынужден был три месяца лечиться у венеролога. Одно время живое тело не признавал, пользовался только надувными куклами. Ему их дарили в дни рождения и милиции. — Она засмеялась, но тут же стала серьезной. — Ремизов — это еще тот садист! Когда куклы надоели, он на групповой секс запал. С плетками, палками. Словом, полный мазохист.

— Начальник отдела нравов округа? — попросил подтверждения Полуяров.

— Он, — кивнула Черемисова и снова закурила. — Я давно стала понимать, что у него с головой не все в порядке. Несколько квартир себе отхватил, разместил в них родственников, а живет как перст один.

— А как вы расплачивались со своими кураторами?

— То есть? — Словно не понимая вопроса, Мамка-Танька подняла голову и посмотрела на Катышева. — Налом, конечно. И в рублях, и в баксах, и в евро. На этот счет они непривередливые.

— Я имею в виду, деньги передавали из рук в руки?

— Это только с Белоцерковским можно было так запросто расплачиваться, — не могла не усмехнуться Черемисова от такой наивности. — И то на первых порах. Он мне — неугодную или приевшуюся модель, я ему — наличную монету. А с ментами подобные фи-

нансовые операции не проходили. Разве только со всякой шелупонью, в качестве патрульных сержантов. Но и тех Ломакин и Ремизов вскоре перевели на натуральную оплату. Раз в неделю они могли на полную катушку оторваться в любом заведении. Кроме элитного, конечно.

— Так как же? — словно просчитывая, как можно взять за руку преступников, переспросил Катышев.

— Да просто и без хлопот. Ремизов предпочитал снимать деньги с личного счета. А Ломакину отправляли посредством курьеров. Он любил получать вовремя и налом.

— Личным курьером?

— Каким личным! Это то же самое, что передавать взятку из рук в руки! Господа, — сказала она, на время почувствовав себя вернувшейся в круг своих элитных клиентов. — В Москве уже давно действует независимая курьерская служба, услугами которой пользуются все цивилизованные взяточники и взяткодатели. Вызываете представителя, передаете деньги и говорите, кому их надо вручить. Все — и дальше никаких проблем!

— И они везут эти деньги по назначению? — Полуяров опустил глаза, словно стесняясь своей дремучей непросвещенности.

— Эти? Не-ет. Вся услуга и состоит в том, чтобы полностью вывести из-под удара взяткодателя. Переданная сумма заменится совершенно другими банкнотами. Уж вам-то известно, каким составом метятся купюры. По желанию клиента они могут заменить рубли на доллары, а доллары на рубли. Как хотите... Поймать

на передаче вознаграждения ни Ломакина, ни Ремизова никак не удастся.

— Но вы же, Татьяна Федоровна, сможете подтвердить, что часть выручки перечисляли... — Полуяров на секунду задумался, стараясь подобрать нужное слово.

— Оборотням... — подсказал Катышев.

— Своим покровителям, смягчил Полуяров.

— Смогу. Да что толку? Никто вашим оборотням не помешает отказаться и назвать меня фантазеркой. Я ведь кто? Пешка. Подконтрольный исполнительный директор. От меня Ломакин и Ремизов только деньги получали. А все финансовые и организаторские вопросы решались в кабинетах Белоцерковского. Я ведь не зря сразу вам сказала, что Ефрем Львович требовательный до всяких расписок и отчетов, видеопленок и фотографий...

Она выразительно посмотрела на Катышева, намекая, что именно с подачи Белоцерковского был смонтирован провокационный диск.

— Это вы к чему? — постарался опередить вопрос Катышева Полуяров.

— К тому, что Белоцерковский всегда собирал и щеголял бумагами с моей подписью. И я наверняка уверена, что в его коллекции найдутся не только документики и расписки, но и занятные пленки и фотографии с физиономиями Ломакина и Ремизова. Председатель конкурса — очень осторожный человек, никогда не позволит, чтобы его третировали. Зато сам всегда готов на шантаж. Вы думаете, так просто Ломакин по первому зову отправился выручать Белоцерковского, когда этот молодой человек, — она кивнула в

сторону Катышева, — и омоновцы устроили беспредел в моем заведении? Или каково Ломакину пришлось сегодня, когда Ефрем Львович пригласил его в качестве сопредседателя на пресс-конференцию?

Катышев подался вперед:

— Откуда вам это известно?

— Я уже имела честь общаться с Белоцерковским по телефону после его фиаско и окончательно поняла, что помощи от него не будет. Потому и откровенничаю с вами. Не желаю, чтобы за все отдувалась я одна!

В камере воцарилась полная тишина. Слышно было только, как Мамка-Танька выпускает сигаретный дым в потолок.

— Татьяна Федоровна, а вам не кажется, что и Белоцерковский был пешкой в руках Ломакина? И вовсе не Ефрем Львович, а подполковник подтолкнул его на проведение конференции?

Черемисова, не отрывая глаз от Полуярова, задумалась.

— Такой вариант возможен, отрицать не стану. Повторяю, их взаимоотношения меня не касались. Но Белоцерковский не прост, обвести его вокруг пальца еще никому не удавалось. Ради выгоды он может отдать инициативу. Чем я еще могу вам быть полезна?

— Спасибо, конечно, за помощь, — обдумывая ее слова, произнес Полуяров.

— Не за что, просто я из солидарности. Тоже ведь когда-то носила милицейские погоны.

— Вот как? — даже забарабанил пальцами по столу полковник.

Изумление оперативников Черемисову несколько не шокировало.

— Кстати, не верьте, что меня турнули из органов за изготовление детской порнографии. Это поклеп, который, как мне кажется, был организован не без участия Ломакина. У меня действительно хранились карточки из бань и душевых комнат детских приемников и изоляторов, которые требовали ремонта. Но только для того, чтобы показать руководству, в каких условиях содержатся дети. Кого-то мои требования не устраивали, и карточки неожиданно появились в Интернете.

— И вы отомстили — открыли дом терпимости? — усмехнулся столь странной перемене занятий Катышев.

— Дальше все понеслось по наклонной, — согласилась она. — Я была обижена и хотела иметь кусок хлеба.

— А где Белоцерковский может хранить эти документы и картинки? — стараясь направить разговор в конкретное русло, спросил Полуяров.

— Вот уж не знаю! Может, в банковской ячейке. А может быть, в особняке за городом. Однажды он хвалился, что приобрел в комиссионном магазине какой-то удивительный сейф немецкого производства. С хитрыми замками. Скорее всего, в нем и хранит. После дефолта он и банкам не доверяет.

Она достала последнюю сигарету и скомкала пачку.

— Хотите, я распоряжусь, чтобы вам купили сигарет? — к удивлению Катышева, снизошел до милости полковник.

— Не стоит, — почтительно улыбнулась она, благодарствуя за заботу. — У меня в камере есть еще пачка.

А к вечеру обещали принести передачу. Я ведь курю сигареты только французского производства. Привыкла, знаете ли...

33

Войдя в кабинет, Катышев по спертому запаху и возбуждению товарищей понял, что одной поллитровкой дело не ограничилось. В кресле Кости, навалившись на стол и подложив под голову пачку с газетами, спал устроитель торжества Стас Варенцов. Слюна из приоткрытого рта стекала прямо на портрет Белоцерковского. Кивнув вошедшему Катышеву, Золотарев снова постарался отговорить майора, чтобы он отложил поездку в госпиталь до утра. Аргументы, что час поздний, прием посетителей окончен, больные отдыхают и появление Фочкина в нетрезвом виде Блинкову не доставит никакого удовольствия, не имели успеха. Подвыпивший Фочкин всегда становился упрямым.

— Да ты просто полный дурак, Коля! Ты себе даже представить не можешь, как обрадуется Серега Блинков, когда я ему расскажу о поимке акробата, — не соглашался майор. С третьего раза ему все же удалось попасть рукой в рукав куртки. — Вот если бы еще и лопухого удалось найти, Блинкова вообще можно выписывать из госпиталя!

— А что, лопухого не взяли? — морщась и стараясь больше не глядеть в сторону своего стола, спросил Катышев. Он взял свободный стул и сел спиной к Варенцову.

— Не было его, гада, на конференции. В бегах, сволочь! — ответил раздосадованный Фочкин, на миг забыв, куда он собирается. — Выпить хочешь, Катышев?

— А Малкина допросили? — не обращая внимания на предложение коллеги, спросил Катышев.

— Что его допрашивать? Пока сюда везли, он сам все рассказал, — без особого энтузиазма ответил Золотарев. — Обыкновенная шестерка. На побегушках при Белоцерковском.

— Хорошо, — перебил их разговор Фочкин и, застегнув «молнию» куртки, сел на стол Золотарева. — Я не еду в госпиталь! А что ты предлагаешь? Взять еще водки?

— Только не водки. Вина купим. И поедем к Ляле и Жанет. Черемисова и Малкин арестованы. Белоцерковский теперь не высунется. А значит, девушкам уже никто и ничто не угрожает. Есть повод отметить! Итак, предложение принимается? Ставим на голосование...

— Вы им скажете, что они свободны, и они тут же побегут на панель! — едко подвел заключение Катышев, прислушиваясь к торжественному храпу Варенцова.

— Зачем им на панель? А мы на что? — удивился Фочкин, уже согласившийся с предложением Золотарева.

— Ты не прав, Костик! — стукнул кулаком по столу Золотарев. — Жанет больше на панель не пойдет. Она мне слово дала! Едем, Фочкин!

— А этого писателя мне оставите? — оглянувшись, поморщился Катышев.

— А что, он кому-то мешает? Пусть спит. — Майор был само добродушие.

— Нет! — Золотарев предупредительно поводит пальцем перед носом майора. — А вдруг сюда Полуяров заглянет или Князь? Стаса надо забирать с собой!

Катышев домой не собирался. Он с ухмылкой глядел, как коллеги старались привести в чувство журналиста. Но, так и не сумев разбудить до конца, они взяли его под руки и поволокли к выходу.

— А где сейчас Малкин? В изоляторе?

— Кто его сейчас в изолятор повезет? Хочешь, сам тащи, а мы уже заняты, — перетаскивая тело Варенцова через порог, огрызнулся Золотарев. — В дежурке он, под замком.

Дождавшись, когда шум от волочившихся по полу ног журналиста стихнет, Катышев по служебному телефону набрал номер жены, готовый порадовать ее происшедшими событиями. Но трубку в спорткомплексе никто не снимал, и он понадеялся, что в данный момент Катька сидит за рулем своего «француза» и следует в направлении дома.

Он посмотрел на электронный циферблат телефона и подумал, что через полчаса сможет рассказать ей обо всем за чашкой чаю.

Коридор был усыпан газетами, с которыми даже в бессознательном состоянии не пожелал расстаться журналист. Катышев, перепрыгивая с одной на другую, поймал себя на том, что старается наступать каблуками на физиономию Белоцерковского. И хотя улики, показания свидетелей и доказательства о причастии короля конкурсов к массовым преступлениям были рыхлыми и натянутыми, Катышев уже несколько не сомневался, что дело закрутилось, подозреваемые на

прицеле, а значит, не исключено, что начнут допускать массу ошибок и необоснованных действий. Вот если бы еще узнать, где и какие документы хранит Белоцерковский, о которых накануне говорила Черемисова.

Он уже готов был попрощаться с дежурным офицером, когда вспомнил о Малкине. Ему стоило лишь открыть дверь в дежурку и сделать пять шагов в сторону, чтобы поглядеть на того, кто намеревался сместить Катьку и занять ее должность. И он решил не упускать эту возможность. Дежурный офицер, выслушав пожелание Катышева, лишь пожал плечами и открыл тамбур, который крайне редко выполнял роль камеры.

Малкин, облокотившись на стену, сидел на единственном табурете. Он поднялся, даже при свете тусклой лампочки сразу узнав капитана. Катька представляла их друг другу, но все их знакомство ограничивалось лишь приветственными кивками при встречах, когда Катышев приезжал к жене.

— Ну что, бывший акробат и неудавшийся директор? — спросил капитан.

Малкин отвел глаза, казалось, весь его интерес был перенесен на стену, от души выкрашенную серой краской.

— Долго я буду находиться в этом курятнике?

— В этом — до утра. А вообще — лет пять. Статья грозная: нападение на сотрудника милиции, повлекшее за собой многочисленные травмы и увечья. Благодарю бога, акробат, что избитый омоновец жив остался. Впрочем, вы еще с ним встретитесь, и я не уверен, что разговор с Блинковым будет нежным.

— Да я-то при чем? Мне приказали, меня шантажировали!

— Кто? Белоцерковский?

— А то кто же! Если бы я отказался — попал бы под статью за изнасилование. А так он обещал сделать меня директором спорткомплекса.

— погоди, не кипишись. Что за изнасилование?

— Да с девчонками, моделями, мы запали. Я и Орешников.

— Лопухий? — перебил Золотарев.

— Да, он. Телки вроде как согласны были. Ну выпили, побарахтались, поменялись, еще раз побарахтались. И тут ни с того ни с сего — они в крик! Смотрите — изнасиловали их. А Белоцерковский все на пленку заснял. А потом с нас и с телок расписочки взял, как дело было...

Катышев насторожился:

— А где теперь эти расписки?

— Где им быть?! У Белоцерковского.

— Понятно, что не у следователя. Где он их хранит?

— Знамо где. В своем сейфе в особняке.

— А ты видел этот сейф?

— Еще бы! Когда он его приобрел, то заставил нас с Орешниковым перевозить. Старый такой ящик, немецкой марки. Намудохались мы с ним, да еще меня псина покусала. Как же он называется?.. «Брамах» какой-то! Он его в кабинете на втором этаже установил.

— А особняк в каком районе?

— На Истре.

— Дорогу не забыл?

— И на том свете буду помнить!

— Особняк, надо полагать, охраняется?

— По два охранника каждую ночь меняются. Все из местных ребят. Ночуют в кирпичной сторожке около ворот. И еще две собаки по двору бегают. Злющие, как черти! Азиатские овчарки. Я видел, как кошку пополам перекусывают.

— Кошку, говоришь, перекусывают? — Катышев замолчал, предполагая, что информация о сейфе может заинтересовать Полуярова.

— Гражданин Катышев, а что со мной-то теперь будет? — донесся до его сознания вопрос Малкина.

— Я же тебе нарисовал перспективу.

— А срок могут скостить за добровольную помощь следствию?

— Смотря в чем она будет выражаться...

— Я готов дать любые показания.

— Нужны не любые, а правдивые.

— Готов и правдивые.

— Где может скрываться Орешников? — тут же задал вопрос в лоб Катышев.

— Да где же ему быть! Там же под Истрой. Белоцерковский его пока в охранники перевел.

Оказавшись на улице, Катышев ощутил, что слишком голоден. Ускоряя шаг, он направился к Павелецкому вокзалу. Катька давно уже должна быть дома. Но, проходя мимо кафе, на задворках которого жарились шашлыки, он не мог не остановиться. Теперь он сам был похож на Варенцова, который спал за его столом, обливаясь слюной. В конце концов, принял он решение, ужин можно разделить на две части. Он зашел в кафе и потребовал целый шампур. Прямо с углей. По-

думав о том, что Золотарев и Фочкин давно уже расслабляются, заказал двести граммов водки. Постоянные передряги, из которых он то и дело выпутывался на протяжении всей недели, совершенно заставили его забыть о необходимых для страны случаях с женой, о чем так сожалел репортер Варенцов. Катышев залпом осушил стакан и, сорвав с шампура кусок мяса, выскочил из кафе. Он даже не обратил внимания на призывы вычурно одетых девушек. Наверняка Катька уже стелила постель...

34

Полуяров собирался позвонить в СИЗО и договориться о размещении Малкина, когда в кабинет с перекошенным лицом влетела Диночка.

— Он даже не поздоровался!

— Кто? — набирая номер и не поднимая головы, спросил Полуяров.

— Кто-кто! Его высокопревосходительство Князь!

— Ну и что? — услышав короткие гудки, никак не прореагировал на новость полковник.

— Что-что! Вас к себе хочет! Срочно!

Полуяров бросил трубку и поднялся:

— Хочет, говоришь? Если человек знает, чего он хочет, значит, он или много знает, или мало хочет.

— Я не знаю, чего и сколько он хочет, но мало вам не покажется!

Как оказалось, она была права. Князь даже не предложил присесть.

— Ты вчера навещал Черемисову?

Как показалось Полуярову, Милославский неспроста сделал ударение на местоимении.

— Так точно, товарищ генерал. Я и капитан Катышев.

— Чем вы ее угощали?

— Известно чем, вопросами. А что, собственно, вас не устраивает?

Прежде чем ответить, Князь прошелся по кабинету:

— Утром Черемисова найдена мертвой. В камере. — Он вернулся к столу и опустился в кресло. — Предварительный осмотр показал, что она была отравлена.

— Ну отравлена и отравлена, — постарался быть спокойным Полуяров. — Уж не думаете ли вы, что мы подсыпали ей крысиного яду?

— Мне не надо думать, полковник! Вам надо думать!

— Конечно, — не мог не парировать Полуяров. — Полковник что? Звание... А генерал — счастье! Ему думать не надо! А эксперты не установили, в какое время наступила смерть?

Генерал с вызовом посмотрел на него исподлобья:

— Ты у меня спрашиваешь?

Полуяров оглянулся:

— Здесь больше никого нет.

— Прекрати ломать комедию, Иван! Насколько я понимаю, мы лишились самого главного свидетеля!

— Скорее всего, обвиняемого, товарищ генерал! Действительно, Черемисова пролила свет на некоторые стороны деятельности Белоцерковского, и не более того. Подкрепить свои слова какими-то доказательствами она не могла. Председатель конкурсов очень скольз-

кий и осторожный человек, голыми руками его не возьмешь.

— И тем не менее живая Черемисова не устраивала ни Белоцерковского, ни тех, кто с ним по одну сторону. Я даже думаю, что не Белоцерковский, а кто-то поважнее остерегался, что сутенерша наговорит лишнего и укажет дорогу к их креслам.

— Что она и сделала. Каждый район, каждый округ столицы имеет своих кураторов в милицеских погонах. Фамилии многих начальников нам уже известны. Разница лишь в том, что одни требуют и получают вознаграждение за полное бездействие по искоренению проституции. Другие активно содействуют процветанию этого бизнеса. С первыми, сами понимаете, бороться бесполезно.

— А со вторыми?

— Нужны обоснованные факты, доказательства, улики.

— Так ищите! Где они?

— Должно быть, в личном сейфе у Белоцерковского. Если бы вы смогли выхлопотать в прокуратуре разрешение на обыск...

— Ты с ума сошел, Иван! Кто ж позволит без всяких оснований шмонать жилище известного на всю страну человека?

— Осмелюсь поправить — преступника.

— Это мы с тобой предполагаем, что он преступник, а для общества он — благодетель, который проталкивает красоту нации на международную арену.

Полуяров достал из кармана газету, расправил и положил на стол перед генералом.

— Общество также узнало, что он не только сводник и работорговец, но и один из главных организаторов секс-индустрии.

Генерал скосил глаза на фотографию Белоцерковского:

— Видел уже. Ты что же думаешь, что я газет не читаю? Где, говоришь, факты и доказательства, в сейфе?

— Я не говорю, я предполагаю, — поправил Полуяров.

— А сейф на дубе? А дуб... — Милославский философски махнул рукой.

— Под Истрой, товарищ генерал, — внес ясность полковник.

— А если в сейфе и впрямь окажется утка? Не в полном, а в переносном значении? — Начальник управления заговорщически посмотрел на Полуярова. — Наделаем шума, тогда не Кошею, а нам, с тобой, Иван, придется яйцами поплатиться.

— А если без шума, товарищ генерал?

— Проникнуть в замок, вскрыть сейф, найти иглу...

— Есть у меня одна идея, — ответил Полуяров, разглядывая носки ботинок.

— Эх! Твои идеи, полковник, все равно что нерожденные дети. — Генерал, казалось, совсем забыл о том, зачем был вызван Полуяров. — Тут недавно мы с одним известным олигархом из Заполярья разговаривали.

— Защиты просит?

— Просит. Местные короеды из отдела по борьбе с экономическими преступлениями явились к нему с идеей о сотрудничестве. Мол, они закрывают глаза на деятельность его дочерних фирм и предприятий, а он

за эту услугу должен им отчислять мизерный процент с прибыли. У меня даже голова закружилась, когда он этот мизерный процент перевел в реальные деньги. Но их это не смущало, у них был собственный план, где каждый отдел, каждое отделение милиции были закреплены за той или иной фирмой.

— Выгнали? — переминаясь с ноги на ногу и уже готовый приступить к осуществлению своей идеи, поторопил с ответом Полуяров.

— Выгнал, конечно. Позвонил мне, попросил о встрече и тут же приехал в Москву. Но я разговор не о короедах веду, а о планах и идеях. Когда я спросил того олигарха, как ему удалось достичь таких финансовых высот, он ответил просто: если человек не хочет потерять свое положение и собственные деньги, надо подальше держаться от чужих планов и идей. И знаешь, Иван, я ему поверил. Подумал о том, к чему нашу страну привело «планов громадьё», и согласился. На протяжении многих лет мы кормим наш народ несбыточными идеями и неосуществимыми планами.

Полуяров с полуслова понял, на что намекает Милославский, и лишь улыбнулся:

— Разве не вы, товарищ генерал, заставляете нас писать планы и всегда требуете новых идей?

Милославский отмахнулся:

— Иди, полковник, осуществляй свою идею, но я вижу, что ни хрена ты не понял.

— Где уж нам? — через плечо донесся ответ начальника оперативного отдела.

Полуяров долго копался в столе и перебирал страницы старых записных книжек. Давно уже обещал сам

себе, что выберет время и перенесет все справочные данные в компьютер, но не хватало времени. Наконец, в потрепанном блокноте с выпавшими страницами он нашел то, что искал, и набрал номер телефона.

— Пантелеич? Наше вам с кисточкой! Это Полуяров о тебе вспомнил. Нет, уже не майор, уже полковник...

35

К обеду вернувшийся из СИЗО Золотарев, куда он по приказу Полуярова сопровождал Венедикта Малкина, привез и заключение медицинских экспертов. Последним вздохом для Черемисовой послужило яблоко сорта гольден, в мякоть которого шприцем был закачан цианистый калий. Передача с воли была получена ровно через час после того, как Полуяров и Катышев закончили допрос. Надзиратель, который за неплохое вознаграждение тайно доставил передачу в камеру, тщательно допрошен и теперь лишь винится, что его падшая душа не смогла устоять перед искушением. Благо, хоть не стал скрывать, что пакет с фруктами и сигаретами ему передали обворожительные девицы, как две капли воды похожие друг на дружку и назвавшиеся дочерьми Черемисовой.

Катышев отлично понимал, что попытаться разыскать очаровательных «сестер» можно в одном из заведений Белоцерковского. Но в то же время был далеко не уверен, что сразу после выполнения задания они, от греха подальше, не отбыли за границу или не переправились в какой-нибудь черноморский санаторий, где

могли не оставлять профессиональной деятельности и пополнять казну Белоцерковского. Конечно, он все-таки попросил следователя из районной прокуратуры проверить наличие девиц и даже по секрету поделился адресами нескольких модельных и эскортных агентств, но в успехе был не уверен.

После бурной и веселой ночи, вытирая мокрый лоб и только силой воли заставляя себя перемещаться по кабинету, Золотареву все-таки удалось добраться до своего кресла.

— Ты как себя чувствуешь, Фочкин?

— Идентично! — отозвался майор. — Если после вчерашнего болит голова, то она думает только о пиве.

Глядя на товарищей, Катышеву стало весело:

— Не стоит этого делать, мужики.

— А почему ты нам запрещаешь? — тут же разыграл возмущение Золотарев.

— Даже глоток пива в вашем состоянии — это уже шаг в неизвестность. А у нас дел — невпроворот.

— И зачем мы все трое потребовались Полуярову? Если ты такой умный, сможешь ответить, Катышев? — тяжело вздохнул Фочкин. — Мне, к примеру, надо срочно побывать в госпитале у Блинкова...

— Понятно, — деловито согласился Катышев. — Так сказать, оперативная необходимость. Вербальная и визуальная идентификация личности задержанного Малкина с показаниями пострадавшего...

— Чего ты лепишь? Какая вербальная? Какая визуальная? — произнес Фочкин, но до конца разойтись не успел.

На пороге вместе с Полуяровым появился невзрач-

ный старичок-коротышка лет семидесяти. Сморщенное личико с кулак Фочкина, впалые щеки, чуть видные полоски губ под вздернутым носиком, лоб, наглухо прикрытый вязаной шапочкой. На дедке висела выдавшая виды болоньевая куртка, на ногах матросские ботинки, за прочность и несгибаемость называемые «гадами». Он стоял и улыбался, с нетерпением ожидая, каким образом представит его операм полковник. Тем не менее сварливые глазки-буравчики несколько не задерживались ни на лицах, ни на предметах обстановки. Лишь на миг старик уперся в монолитную дверцу несгораемого шкафчика.

— Знакомьтесь, господа, — с пафосом сказал Полуяров, подталкивая старика к свободному стулу, — Виктор Пантелеевич Лебзяк. По кличке Лобзик. В прошлом вор-рецидивист и медвежатник с многолетним стажем. Универсал, каких свет не видывал.

Старик спрятался на сиденье стула, так что оставалось место еще для одного такого же, и широко улыбнулся.

— Так-так-так... — словно подтвердил он сказанное полковником. — Очень приятно. Очень рад.

Пока Золотарев с Фочкиным без всякого интереса разглядывали старика, только Катышеву сразу стало ясно, по какому поводу в кабинете появился столь странный гость.

— И какие же подвиги, дедушка, вы совершили? — с интересом спросил Катышев.

— Какие тебя интересуют, сынок, на благо отечества или на благо собственного кармана? У меня этих подвигов лет на семнадцать потянет...

И пока Катышев соображал, как выкрутиться из щекотливой ситуации, Полуяров в шутовском тоне продолжил знакомство:

— Виктор Пантелеевич, как истинный патриот, милостиво согласился помочь нам.

— Так-так-так, — скороговоркой подтвердил медвежатник и, вытянув руку с оттопыренными мизинцем и большим пальцем, наклонил фигуру в сторону. — Только, это самое, полковник, не забудьте. Очень, понимаете, требуется, чтобы унять дрожь в руках.

— Ну, конечно, Виктор Пантелеевич, что за вопрос!

— Никак, командир, ты нас толкаешь на преступление? — первым не выдержал игру в загадки Фочкин.

— Правильно понял, майор. — Полуяров закончил представление и присел на краешек стола. — Нам ничего не остается, как покопаться в сейфе Белоцерковского. Вполне возможно, что в нем скрываются представляющие для нас важность документы. Но это — не факт!

— Так-так-так, — словно не скрывая удовольствия, откликнулся старик.

— Понятно, разрешения у Белоцерковского спрашивать не будем? — Золотарев в очередной раз промокнул испарину на лице.

— Ну почему же? — задумчиво пожал плечами полковник. — Если хотите, я ему об этом сразу скажу. Но после того, как вы найдете в сейфе то, что нам надо. С королем конкурсов красоты мы договорились встретиться сегодня вечером, и я думаю, что наш разговор закончится нескоро.

— Только так, — снова согласился вор по кличке

Лобзик. — Пока не закончим, вы его от себя не отпускайте ни на шаг.

— Теперь необходимая для вас информация. — Полуяров сосредоточился. — Сейф установлен в кабинете на втором этаже особняка. Дом, как меня информировали, под присмотром двух охранников и двух собак породы азиатская овчарка. Так, Катышев?

— Если верить словам Малкина. Но уточним на месте.

— О собаках вы мне ничего не говорили! — вдруг занервничал старик. — Я с собаками никаких дел не хочу иметь.

— Да успокойся, Пантелеич. Твое дело сейф быстро открыть и снова закрыть, — постарался успокоить старика Полуяров. — А с собаками, я думаю, мои ребята запросто справятся. Или я не прав?

— Уж не хотите ли вы, чтобы мы их разорвали на мелкие кусочки? — недовольно пробурчал Фочкин.

— Это как у вас получится. — Глядя в прозрачные глаза майора, он вспомнил недавний разговор с Милославским и добавил: — Насчет выпить у вас идеи моментально возникают!

— Фочкин, — вдруг неожиданно вмешался в разговор Катышев, — ты же у нас по кошкам мастер! Где ты их ловил, когда теща тебя сковородой огрела?

— При чем тут кошки и моя теща? И не ловил я их вовсе, а валерьянкой приманил, — возмутился Фочкин, понимая, что за проведенную вне дома ночь ему еще предстоит тяжелый разговор.

— Валерьянкой, говоришь?

— Так-так-так, — отозвался старик и снова посмот-

рел на Полуярова. — А как насчет этого, полковник? Пора бы уже руки успокоить...

— Дед прав, — тихо согласился Золотарев. — Ему руки подлечить, а нам с Фочкиным разум, чтобы идеи созревали.

Бутылка, специально припасенная полковником для Пантелеича, вскоре оказалась на столе. Плеснув в стаканчик, Катышев подсел к медвежатнику:

— Пантелеич, а правда, что тебя хотели наградить орденом?

Дед, чокнувшись с Золотаревым и Фочкиным, не спеша, словно растягивая удовольствие, выпил и, к великому сожалению приятелей, туго затянул горлышко пробкой.

— А как же! Правда! — Он поднял глаза в потолок. Опера догадались, что история, которую он собирался рассказать, уже заучена наизусть. — Помнится, в 1973 году, после очередного срока, я решил на время осесть в Ленинграде у знакомой подруги. И тут однажды утром в дверь позвонили. Открыл, а мне улыбаются ангелы-архангелы. Я сразу понял, что это сотрудники уголовного. Здравствуй, говорят вежливо. И тут же к делу: вот, мол, узнали, что ты в городе, и зашли провести... Чую — не договаривают они что-то. Если бы повязать хотели, не переминались бы с ноги на ногу. Ну я им конкретно, что, дескать, нуждаетесь в моих услугах? Они кивают. Да, но сначала с тобой люди серьезные поговорить хотят. Заходят еще двое — в костюмах, при галстуках. Знаем, говорят, что ты мастер по сейфам. Мы тебя сейчас в одну квартиру отвезем, ты там сейф аккуратненько откроешь, а потом закроешь и на

месячишко-другой исчезнешь из города. Я-то сразу смекнул, что это ребята из КГБ. Бунтовать и отказываться — себе дороже. Сажают в «Волгу» со шторками и куда-то везут. По дороге по телефону переговариваются — вот, мол, везем пассажира, встречайте...

Он вспомнил, что в руках у него греется бутылка, подаренная Полуяровым, и снова свинтил пробку. Сделав несколько глотков из горлышка, занюхал рукавом и крякнул.

— Подвезли к самому подъезду, из машины вытолкнули и почти бегом в какую-то квартиру. Я говорю: ребята, ничего у нас не выйдет, надо за инструментом возвращаться. Они только ухмыляются. Дадим тебе инструмент, нашим поработаешь. Квартира богатая, в самой дальней комнате около письменного стола сейф старинный, немецкой фирмы Мейлера. Инструмент у них ничего оказался — не наш, конечно, не воровской, но работать можно. Почти час ковырялся, но открыл «немца». Когда дверь-то пошла, они меня сразу оттащили. Через десять минут зовут опять — закрывай, говорят. Я на улицу вышел — без похмелья пьяный. А мне уже и билет до дома, и денег подготовили. А главный гэбист и говорит, мол, спасибо, дед, будем представлять тебя к ордену Красной Звезды. Но забыли, наверное. А на медаль-то я точно наработал. Слышал по радио, как наши разведчики задержали шпиона по тому самому адресочку, где я в сейфе-то шарил.

Он оглядел притихших оперов и, смерив оставшуюся влагу взглядом, снова скрутил пробку.

— А с Полуяровым как познакомился, дед? — нагло подставляя стаканчик, спросил Золотарев.

Пантелеич одарил Золотарева таким взглядом, будто это был пришелец.

— Где же с опером еще можно познакомиться? На совместной работе, где же еще?

Видимо, место и время знакомства старику были не так приятны, как история о шпионском сейфе. И снисходить до подробностей он вовсе не собирался.

— Вы бы, ребята, с собой бы прикупили. А то вдруг в самый важный момент руки начнут трястись?

36

Два мешка, в каждом из которых скрывались по три кошки, были накрепко перевязаны и упакованы в багажник полуяровской «Волги». Фочкину и Катышеву удалось отловить домашнее зверье в багажном отделении Павелецкого вокзала. Даже пригласить валерьянкой, два пузырька которой Катышев приобрел в вокзальном аптечном киоске, нужды не было. Бесстыжие, отъевшиеся коты нагло разложились на полу в центре зала, и операм оставалось их только собрать. Но, оказавшись в мешках, а затем и в багажнике машины, котяры, словно понимая, какую функцию в задуманной операции им предстоит осуществлять, на протяжении всей дороги до Истры без перерывов репетировали. Шипели и завывали так, что водители, вместе с Гришей Пичугиным дожидаящиеся разрешающего сигнала светофора, испуганно крутили головами. Пассажиры, упрятанные в багажник, Гришу несколько не смущали, он даже приходил в восторг от такой сигнализации. Но расположившись на заднем

сиденье операм к концу пути начинало казаться, что, кроме воя, они больше ничего не слышат и сидят они как раз на тех самых мешках. Пантелеич, бережно придерживая чемоданчик, за всю дорогу не проронил ни слова, если не считать короткого вопроса о марке сейфа. Услышав о «Брамахе», он лишь подивился, как мог в России сохраниться ящик, изготовленный нацистскими мастерами во времена Второй мировой войны.

План был таков. Золотарев перекидывает развязанный мешок на территорию особняка, и, пока собаки будут заниматься кошками, а охранники собаками, Катышев, Фочкин и Пантелеич преодолевают кирпичный забор и проникают в дом. Старик заверил, что ни замки дверей, ни оконные защелки на окнах для него особой преграды не представляют. Главное, чтобы не было собак. Вторая партия кошек должна оказаться за забором и привлечь внимание азиатов только после того, как Золотарев получит сигнал об отступлении.

Территория, занятая особняком, упиралась в берег реки. И первая мысль, которая сразу посетила Фочкина, — обойти высокий забор водным путем. Но от заманчивой и легкой идеи майору все-таки пришлось отказаться — в прозрачной воде виднелись штабеля колючей проволоки. Катышев и Пантелеич мочить одежду и обувь в холодной осенней воде наотрез отказались.

Услышав с другой стороны особняка разъяренный лай азиатских овчарок, которые, похоже, успели обнаружить кошек, Катышев влез на спину ворчливого Фочкина и, достигнув вершины забора, подал руку старику. Дед оказался не по годам прытким. И пока Катышев помогал майору преодолевать преграду, быв-

ший вор успел добежать до дома и обследовать окна на первом этаже. В рамах стояли наглухо задраенные стеклопакеты, до замков которых, к унынию оперов, добраться было невозможно. Но Пантелеич уже действовал. Часть стекла рядом с замком была покрыта маслом, и тут же скрежетнул стеклорез. Стекланный круг, нарисованный рукой опытного художника, легко прилип к перчатке медвежатника. Оставалось только просунуть руку в дыру и открыть защелку. Далекий и надрывный лай собак и крик охранников, старающихся их уговорить, извещали, что кошкам удалось найти защиту на дереве.

Оказавшись в доме, они около минуты стояли в уютной спальне, ожидая, когда глаза свыкнутся с темнотой. Но дверь в комнату оказалась запертой, что несколько не смутило старика. Из чемоданчика был извлечен обруч с тремя десятками ключей и отмычек. Скоро все оказались в длинном коридоре. Король конкурсов красоты, судя по всем запертым дверям в особняке, не доверял даже собственной охране. Открыв еще несколько комнат на втором этаже, они все-таки оказались в помещении хозяйского кабинета. Инкрустированный дубовый стол с двумя ноутбуками и массивным чернильным прибором из яшмы, книжный стеллаж, развешанные по стенам фотографии полураздетых «мисс» и «миссок» разного масштаба, в обществе которых был сфотографирован сам Белоцерковский, говорили о полной интимности этого помещения. И, пока Фочкин вглядывался в фотографии, а Катышев через приоткрытую штору оценивал обстановку за стенами особняка, старик без труда обнаружил неприступный «Брамах». Благоговей перед изделием ручной

работы, он, словно приветствуя, нежно провел ладонью по ребру ящика и только потом разложил перед собой чемоданчик.

Собаки, невзирая на усилия разгневанных охранников, сидели перед деревом и никуда не собирались уходить. Катышев обернулся к старику и ужаснулся. Открыв бутылку, медвежатник всасывал горючую жидкость.

— Ну ты, дед, даешь! — тихо возмутился капитан.

— Спокойствие! — накинув пробку на бутылку и водрузив ее на письменный стол, ответил медвежатник. — В лучшем случае через пять минут откроем.

— А в худшем? — спросил спокойный Фочкин.

— И до утра не управимся. Ведь немецкая машина даже спустя шесть десятков лет работает как часы, — словно самого себя заверял вор, вытаскивая из чемодана полоски плотного картона, круглогубцы, женские шпильки и спичечный коробок. — Замки на этой штуке германскими мастерами создавались вручную, с любовью. Запоры вытачивались со всякими хитрыми и нетрадиционными секретами.

По ответу и неспешным приготовлениям Пантелеича можно было предположить, что он готов был вступить в очередное сражение с оккупантами за независимость исторической родины. Катышев, сгорая от нетерпения, сел на стул.

— Я не знаю, что конкретно вас интересует в этом ящике, но уверен, что бутылка отличного коньяку или виски там непременно найдется, — продолжал подготовку Пантелеич.

Он еще раз приложился к горлышку бутылки, сплю-

нул три раза через левое плечо и приступил к привычной в прошлом для себя работе. Согнув шпильку в виде рыболовного крючка и намотав на нее конец шпагата, бывший вор-рецидивист просунул «инструмент» в скважину. Прислушался, хмыкнул, аккуратно потянул за шпагат, послышался щелчок. Затем собрал спички в пучок, вставил в замок, провернул, и — кажущийся неприступным сейф образца конца 30-х годов растворил свои двери.

Бутылка шотландского виски тут же была извлечена из таинственной темноты. Фочкин почесал затылок — да, дела!!!

— Это так, пустяк! — Уступив место около открытой дверцы Катышеву, медвежатник сорвал пробку с импортной бутылки и оглядел кабинет в поисках посуды. Выкинув из яшмового стаканчика карандаши и ручки, он наполнил его до половины. — Виски с горла пить не люблю. Тем более — это уже не допинг, а награда за работу! Вот в молодости оторванным от пачки «Беломорканала» картоном я вскрывал сложный английский замок так, что даже эксперты удивлялись. Сейчас не то, пальцы плохо слушаются.

Фочкин, казалось, уже не слушал старика. Он наблюдал, как Катышев вытаскивает папки с бумагами, тут же пролистывая страницы.

Старик поставил пустой стакан на стол и дотронулся до рукава Фочкина:

— Вы меня спросите, почему картоном? Да потому, что картон-то — бумага! А бумага, не знаю, как теперь, а по старым законам не считалась «техническим средством» или инструментом. Значит, и статья за кражу —

без всяких там отягчающих обстоятельств. Может быть, я просто баловался, а дверца возьми да сама и откройся!..

— Дед, помолчи хоть секунду! — попросил Фочкин. — Мы с тобой потом еще успеем наговориться. Ну что там, Катышев?

— Неблагодарные вы люди, оказывается, — обиделся Пантелеич и замолчал.

— Да хрен его знает! — сказал Катышев, не отрываясь от бумаг. — В темноте ни черта не видно.

— Могу посветить, — предложил Пантелеич, извлекая из чемоданчика фонарик.

— Не стоит, заберу все эти папки, а потом разбираться будем. Все, мужики, убираемся.

Фочкин заглянул в сейф через плечо Катышева и, увидев пачки с американской валютой, только охнул.

— Может, возьмем по пачке. Кто заметит? — предложил он осторожно.

— Премию получишь в рублях, — ответил Катышев. — Дед, закрывай калитку!

— Полуярова надо обрадовать! — вдруг напомнил Фочкин.

— В машине обрадуем! — вынимая из кармана сотовый телефон, чтобы связаться с Золотаревым, отмахнулся капитан. — Уходим, уходим!

Заранее заготовленная эсэмэска улетела к Золотареву, и теперь все понимали, что, пока они доберутся до спальни с открытым окном, через забор будет переброшена новая партия котов. И, если доведенные до бешенства охранники еще не успели посадить собак на

цепь, на территории особняка с новой страстью разгорится собачья охота.

Готовый выпрыгнуть на улицу первым, Фочкин открыл створки. Он уже стоял под окном, готовый помочь Пантелеичу, но в этот момент мимо стрелой пронеслась кошка и стремглав забралась на раскидистую яблоню. Лай собак раздавался за домом. Скорее всего, они были заняты преследованием других котов. Оставалось время, чтобы Пантелеичу и Катышеву спрыгнуть вниз и успеть добежать до забора. А там уже держи-свищи! Но медвежатник, загородив проход капитану, стоял в проеме окна и со страхом вертел головой из стороны в сторону. И, когда он уже был в руках Фочкина, из-за угла вылетела огромная псина. Не обращая внимания на чужаков, она с ходу попыталась влететь на дерево. Попытка оказалась неудачной, и азиат разразился неудержимым лаем. Фочкин и Катышев, уцепив сопротивляющегося старика с обеих сторон, в обход яблони поволокли его к забору. И, когда от дома до ограды оставалось лишь полтора десятка метров, в лунном свете объявились трое охранников. Оторопевшие, они несколько секунд вглядывались в фигуры незваных гостей, и только потом один из них, опомнившись, во всю глотку издал боевой клич. Добираться до спасительного забора, так же как оказывать сопротивление людям, вооруженным пусть даже газовым оружием, было нереально. Да и обе собаки вот-вот готовы были прекратить бессмысленную охоту на котов, расположившихся на деревьях. Путь к отступлению оставался лишь один — забраться самим и втащить старика в окно. Но в последний момент Катышев разглядел в

фундаменте особняка открытую металлическую дверцу. Скорее всего, это было подвальное помещение, в котором иногда запирали свирепых овчарок. Он потянул за собой ничего не соображающего от страха медвежатника. И через мгновение все трое оказались внутри подвала. Нашупав увесистую щеколду, Катышев задвинул ее до отказа. Точно такой же лязг раздался и снаружи. Дикий хохот празднующих победу охранников огласил весь участок.

Только оказавшись в полной безопасности от собачьих зубов, старик пришел в себя. Луч от его фонаря пробежал по стенам сырого помещения и, остановившись на пляжном шезлонге, тут же умер.

— Надеюсь, — услышали Фочкин и Катышев из крошечной темноты голос старика, — при выходе травить собаками не станут.

— Не станут, — спокойно согласился Фочкин. — Нас тут всех вместе или подожгут или подорвут. Заодно с документами.

Из глухой темноты послышалось бульканье из бутылки.

— Это не страшно! — наконец отозвался старик. Теперь голос его казался совершенно спокойным. — Вот, помню, на заре перестройки забрались мы в один кооператив и выгребли почти три миллиона рублей. Так нас тоже не милиция, а бандиты обложили. Но мы забаррикадировались и сидели спокойно, поджидая ментов. Знали, что охрана ни черта не сделает. Если взорвут, то вместе с деньгами. А что они, дураки, свои деньги по ветру пускать?

— Костя, — слышался голос Фочкина. — Звони же Золотареву!

— Давно бы уже позвонил, да телефона нет. Видимо, обронил, когда из окна выпрыгивали. Давай лучше посмотрим, что в папке. Дед, одолжи-ка фонарь...

37

Дзись-Белоцерковский встретил Полуярова довольно приветливо. Полковнику даже показалось, что он ничего не знает о гибели своей помощницы Татьяны Федоровны Черемисовой. Не переставая следить за передвижениями Белоцерковского, Полуяров дожидался момента, чтобы напомнить председателю конкурсов красоты о судьбе Мамки-Таньки. И, когда Белоцерковский, усадив гостя в глубокое кожаное кресло, предложил кофе с коньяком и лимоном, полковник с радостью согласился.

— Знаете, в управлении не могу себе позволить столь роскошный напиток, — признался Полуяров.

— Мало зарабатываете? — Как показалось Полуярову, хозяин кабинета постарался уколоть гостя.

— Да нет, почему же. На кофе с коньяком хватило бы. Только наслаждаться в одиночку как-то не с руки, а распивать коньяк с подчиненными, свидетелями и посетителями, извините, служба не позволяет.

Стройная девушка с седыми волосами, на голову выше Полуярова, внесла поднос с таким же тонким и стройным кофейником. Водрузив его на журнальный столик, ожидающе улыбнулась: еще что-то? Белоцерковский сделал чуть видимый жест рукой — свободна.

Когда дверь закрылась, он уселся в кресло напротив Полуярова.

— Я предполагал, что вы захотите со мной встретиться сразу после конференции.

— После провальной для вас конференции, — уточнил полковник, отыгравшись за вопрос о собственном заработке.

— Да, — согласился Белоцерковский, несколько не смутившись. — Тут вы нас переиграли. Но, насколько мне известно, идея с разоблачительной публикацией принадлежит вовсе не вам.

— Какая разница! — Полковник чуть слышно забарабанил походный марш. — Вы ведь согласны, что публикация была разоблачительной.

— Но ведь и такой же бездоказательной. Сплетни и слухи. Что значит Белоцерковский продает девушек в дома терпимости? Разве я их туда за руку отвожу? Хотя бы одна вам такое сказала? Бред!

— Не считайте меня наивным, Ефрем Львович. На каком-то этапе вы отбраковывали ту или иную модель и увольняли из агентства. А ваши помощники под угрозами сдавали ее в заведения Черемисовой.

Белоцерковский, подвинув в направлении Полуярова чашку с кофе, фыркнул:

— Мне совершенно неинтересно, кто и куда их сдавал. Я вам, уважаемый полковник, открою один секрет. Бывшие конкурсантки слишком быстро привыкают к роскошной и безбедной жизни. Многим начинает казаться, что красота их неувядаема и подиум из-под ног уже никуда не уйдет. Они забывают о тренировках и работе, рассчитывая лишь на средства парфюмерии

и косметики. В результате теряют боевую форму. А я не из тех людей, кто любит два раза напоминать. Как говорится в русской пословице? Баба с возу — кобыле легче!

Он улыбнулся, довольный сказанной ко времени фразой.

— Но сброшенную с воза бабу тут же заменяет другая...

— А что делать? Селекция, понимаете, профессиональный отбор! Вы пейте, кофе остынет.

Полуяров поднял чашку, но тут же поставил ее на место:

— Боюсь я пить ваш кофе, Ефрем Львович.

— Чего так?

— Отравите, чего доброго.

— Ну и шутки у вас! — На лице Белоцерковского не дрогнул ни один мускул. Казалось, он даже не понимает, куда клонит Полуяров.

— Что вам стоит? Если даже такая боевая подруга, как Татьяна Федоровна Черемисова, была накормлена ядом прямо в камере СИЗО.

— Она погибла? — разыгрывая испуг и отчаяние, Белоцерковский подался вперед.

— А подполковник Ломакин разве вас об этом еще не информировал?

— При чем тут Ломакин? — Белоцерковский поднялся и прошелся по кабинету. — Господи, какая беда!

— Почему же беда? Одним махом вы убрали самого важного и главного свидетеля. — Полуярову надоело изображать из себя благородного собеседника и играть в кошки-мышки. — Только Черемисова знала о махинациях с конкурсным материалом. Следуя вашим цен-

ным советам, она открывала и расширяла сеть притонов и борделей в Центральном округе.

Белоцерковский остановился в центре и, засунув руки в карманы брюк, брезгливо посмотрел на полковника.

— Ну и что? Пусть даже так. Кто об этом знает?

— После публикации — вся Москва.

— Знать мало, надо доказать. Иметь факты, доказательства. Мои юристы подали иск в суд на журналиста Варенцова, и, уверяю вас, в ближайшее время будет опубликовано опровержение.

— Если успеете.

— Что значит — успеете?

— Мы тоже не сидим сложа руки.

Белоцерковский разом подобрел, ненависть в глазах исчезла.

— Дорогу осилит идущий. А я ненароком, полковник, думал, что мы сможем с вами найти общий язык.

Полуяров хмыкнул и огляделся:

— Что я должен сказать? Кстати, вы наш разговор на пленочку не записываете? Насколько я смог убедиться, вы любитель монтировать видеоролики.

— Издержки профессии, знаете. — Поняв, что договориться не удастся, Белоцерковский как-то разом потерял интерес к беседе и посмотрел на напольные часы. — Время позднее, полковник, а мне еще за город ехать.

В эту секунду на письменном столе раздалась трель сотового телефона. Не скрывая недовольства, что оперативник находится все еще в кабинете, Белоцерковский взял трубку в руки и, прежде чем соединиться с абонентом, выразительно посмотрел в сторону гостя,

давая понять, что разговор может быть конфиденциальным. Полковник нисколько не отреагировал на его взгляд и отхлебнул из чашки остывший кофе. Он лишь искоса увидел, как вытянулось лицо Белоцерковского, когда тот услышал первые фразы.

— Что? Какие воры? Что за ограбление? А вас я на кой черт там держу? — Он с минуту молчал, кусая губы и вслушиваясь в оправдания собеседников, и, видимо, поняв, что грабители обнаружены и если не задержаны, то находятся под контролем, быстро распорядился: — Вызывайте милицию, наконец!

Не обращая внимания на засидевшегося гостя, он, не выпуская телефона из рук, набрал номер.

— Всеволод Егорович? Выручай...

Услышав имя абонента, Полуяров сообразил, что Белоцерковский в очередной раз просит помощи у подполковника Ломакина. И в то же время он не мог не понимать, что первый звонок долетел из района Истры. Догадаться обо всем остальном не составляло труда. И, как бы ему ни хотелось верить, что его ребята были обнаружены и оказались в западне, по всей вероятности, так и выходило. Подтверждение грустной догадки раздалось из кармана Полуярова. Это был звонок от Золотарева.

Наверное, хозяин и гость кабинета, по сути дела, два непримиримых врага, выглядели совсем нелепо, когда, прояснив ситуацию, стояли спиной друг к другу и отдавали распоряжения. И еще нелепее оказалось положение, когда, одновременно прервав разговор, они всматривались друг в друга. Преимущество в данной ситуации было на стороне Полуярова. Если Белоцерковский имел информацию о том, что в его особ-

няк проникли грабители, то Полуяров знал, кем и откуда были эти люди. Но обстановка могла в корне измениться, если в сейфе короля конкурсов не оказалось того, на что рассчитывал Полуяров.

— Извините, полковник, — не скрывая волнения, сказал Белоцерковский. — Но неожиданные обстоятельства заставляют срочно распрощаться с вами.

— Увы, — развел руками Полуяров. — Точно такие же обстоятельства появились и у меня.

— Надеюсь, мы еще встретимся, — спешно надевая пальто, предположил Белоцерковский.

— Не сомневаюсь, что произойдет это совсем скоро.

Председатель конкурсов красоты имел заметную фору во времени — личный «Мерседес» дожидался около парадного подъезда, в то время как Полуярову требовалось связаться с дежурным по управлению и заказать машину. Но, увидев у обочины желтый кузов легковушки, на крыше которого рекламировалась столичная водка, Полуяров решил воспользоваться услугами таксомотора. Скучающий водитель с радостью включил счетчик и был готов ехать хоть к черту на кулички. Последние теплые осенние деньки заставляли клиентов не только экономить деньги, но и заботиться о здоровье. Почему-то все москвичи разом решили передвигаться или пешком, или на общественном транспорте.

38

Догнать и следовать в фарватере «Мерседеса» таксисту, повадками и нравом так сходному с Гришей Пичугиным, не удалось. Но Полуяров и не подгонял. Из обстоятельного телефонного разговора с

Золотаревым он узнал, что Пантелеич, Фочкин и Катышев вот уже в течение полутора часов держали осаду в подвале особняка. Золотарев и Гриша Пичугин, оставаясь незамеченными, пока в разборки не вмешивались. Им все равно бы не удалось справиться с десятком охранников, которые появились на территории особняка неведь откуда. Зато Золотце, не дожидаясь распоряжения Полуярова, проявил инициативу и призвал на помощь командира отряда ОМОН полковника Журбина, автобус с которым теперь мчался к Истре параллельным курсом. Словом, развязка дачно-подвального конфликта обещала быть впечатляющей. Вот только пока Полуяров затруднился бы ответить: со щитом он окажется или на оном. Нет документов — есть факт преступления. Есть документы, а значит, имеется факт преступления.

Полковник подоспел, когда охранники под наблюдением местных милиционеров уже палили солярку, таким способом выкуривая из подвала грабителей. Приусадебная зона особняка ярко освещалась неоновым светом уличных светильников. Свет лился и из всех окон второго этажа. Не обнаружив на месте действия хозяина, полковник понимал, что через несколько минут он обязательно здесь объявится. Беспрепятственно в сопровождении Золотарева дошагав до подвала, Полуяров подошел к молоденькому лейтенанту, который с увлечением подсказывал, как лучше направлять дым, чтобы он проникал в подвал.

— Что здесь происходит? — задал он вопрос, предъявляя свое удостоверение. — Приказываю немедленно затушить огонь.

Поняв, кто перед ним стоит, лейтенант растерялся:

— Так они же не выходят, товарищ полковник!

— Кто не выходит?

— Грабители!

— Сейчас выйдут, — убедительно заверил Полуяров. — Предоставьте это дело мне.

Впавшие в раж охранники без всякого удовольствия убрали от двери емкости с солярой. Литая металлическая дверь уже успела докрасна нагреться. Полуяров вывернул кирпич из клумбы и несколько раз ударил им по дверце.

— Эй, узники, выходите!

К несказанному удивлению лейтенанта и всех остальных охотников, тут же раздался лязг внутренней щеколды, и, извергая потоки проклятий, в проеме появился Фочкин. Майор изо всех сил дул на обожженную ладонь. По спокойствию, с которым вышел из укрытия Катышев, Полуяров догадался, что операция была проведена не зря. Капитан поддерживал довольно захмелевшего старика, который так и не решился распрощаться даже с пустой бутылкой шотландского виски.

Полковник без лишних разговоров и объяснений уже намеревался самостоятельно сопроводить задержанных грабителей к «Волге», которую Пичугин подогнал к воротам особняка, но из парадного входа в сопровождении двух охранников выскочил Дзись-Белоцерковский. С криками о свершившемся ограблении он неся к подвалу. Но, увидев Полуярова, оторопел. Впрочем, его растерянность была недолгой.

— Я же говорил вам, что мы увидимся в самое бли-

жайшее время, — сказал Полуяров, не пряча радости от такой быстрой встречи.

— Это произвол! — не одобряя его восторга, заголосил Белоцерковский. — Меня ограбили! Прошу вас, полковник, чтобы эти люди вернули мне все вещи, которые они похитили из сейфа.

— Ничего не имею против! — спокойно отозвался Полуяров. — Но придется проехать в отделение, и, как это полагается, пострадавшему написать заявление, а следователям произвести опись похищенного и составить протокол. После чего преступники получают по заслугам.

— Не надо куда ехать! Пусть отдадут то, что взяли, и дело замнем.

— Я польщен вашим благородством, Ефрем Львович, но существует процедура дознания и следствия...

Не дослушав Полуярова, Белоцерковский сделал красноречивый жест, и охранники тут же окружили оперов. Из-за угла дома вышли еще два телохранителя, каждый из которых с трудом удерживал kloкочущих от ярости псов. Лейтенант и два местных милиционера, наблюдающие за препирательством со стороны и в разборку не вмешивающиеся, зашагали к воротам.

— Последний раз прошу вас вернуть похищенное. Иначе... — Белоцерковский недоговорил.

— Пусть будет иначе, — косясь на азиатских овчарок и выступая вперед, решил сказать последнее слово Фочкин.

Белоцерковский тяжело вздохнул:

— Ну что ж, по-хорошему договориться не получится. Вы сами этого хотели, полковник.

Пантелеич, до сего момента висевший на руке Катышева и не проронивший ни слова, вдруг встрепенулся и запел:

— Гоп со смыком — это буду я! Воровство — профессия моя!

Дюжий лопухий охранник легко оторвал старика от Катышева и отшвырнул в сторону. Фочкин первым полез на рожон, и через секунду у ног Полуярова корчился от боли один из неприятелей. Другой, совершив дугообразный полет, пропахал подбородком рыхлую землю на клумбе. Но схватки с противниками, имеющими тройное превосходство в численности, не получилось. Хотя Катышев и Золотарев продолжали оказывать сопротивление, но Полуярова уже с двух сторон держали за руки. Лишь Фочкин, изрыгая матюги, одного за другим продолжал укладывать охранников в клумбы. Но и ему пришлось уgomониться, когда рядом оказались два огромных пса.

Битва была полностью проиграна, и четверо оперов, скованные наручниками, стояли около стены дома, дожидаясь начала обыска. Лишь старый медвежатник, ударившись головой о фундамент, тихо лежал на земле.

Но команда Белоцерковского успела обыскать лишь Фочкина и Золотарева, когда раздался скрежет протараненных ворот и по дорожкам, выложенным из облицовочного камня, застучали шаги десятков ботинок. Не дожидаясь персональных приглашений, все как один охранники бесцеремонно укладывались на землю. Конфликтовать с парнями в масках и с автоматами

в руках никто не собирался. Даже азиатские псы, глядя на распластавшихся поводырей, только скулили.

Невзирая на все происходящее, начальника отряда ОМОН полковника Журбина, казалось, интересовал только один вопрос: хватит ли места всем задержанным в микроавтобусе. Как ни в чем не бывало, он поздоровался с Полуяровым, самолично снял с него наручники и, обнадеженный коллегой, что в Москву придется везти лишь одного человека, самодовольно оглядел своих ребят. Те не нашли ничего подходящего, как заняться перекуром.

Полуяров, с интересом перелистывая бумаги в папке, которую вручил ему Катышев, подошел к Белоцерковскому:

— Вы, конечно, станете требовать адвоката?

— А разве вы сомневаетесь? — вопросом на вопрос ответил понурившийся король конкурсов красоты и перешел на крик: — Я буду жаловаться в самые высокие инстанции! Вам не поздоровится!

— Всегда пожалуйста! Но это уже завтра, в Москве. Кстати, господин Дзись-Белоцерковский. — Полковник показал папку с бумагами. — Эти вещи вас интересовали?

Белоцерковский разом погасил ярость и на несколько секунд задумался:

— Впервые вижу...

— Странно, — даже поежился Полуяров, продолжая листать бумаги. — Но здесь есть бумаги, подписанные вашей рукой. Сберегательные книжки, сертификаты на предъявителя, договора, соглашения...

— Откуда я знаю, что там есть!

— Ба! Да тут даже расписки вашего рьяного защит-

ника — подполковника Ломакина! Сколько в последний раз он от вас получил? Читаем — тридцать тысяч долларов США. Удивляюсь, вы столько для него сделали, а он и не думает спешить к вам на помощь. С чего бы это?

Белоцерковский молча и без интереса смотрел на аккуратную дыру в стекле, прорезанную Пантелеичем. Полуяров захлопнул папку:

— Я так понимаю: если это странное досье не ваше, значит, и никакого ограбления не было?

— Я буду отвечать только в присутствии своего адвоката!

К неудовольствию полковника Журбина, в микроавтобусе пришлось подыскивать место еще для одного пассажира, которого в последний момент притащил Фочкин. Свободного сиденья не нашлось, и задержанного пришлось усадить на пол. Он боязливо попятился подальше от Фочкина, закрывая ладонями распухшие багровые уши. Майор негодовал:

— Вернемся в Москву, и мы тебе, козел, эти уши совсемотрежем. Я одно, а Блинков — другое. Так что будешь похож на презерватив!

Это был Петр Орешников, приятель Малкина и главный обидчик омоновца Сереги Блинкова.

39

С самого утра дела у генерала Милославского не заладились. Каким-то образом весть об аресте Дзись-Белоцерковского облетела все московские и областные издания. Каждый час новость повторялась по каналам телевидения, сопровождаемая запи-

сью полугодовой давности, когда Белоцерковский вручал корону последней «Мисс Отечество». Торжествовало скандальное издание, в котором работал Стас Варенцов. На первой странице во весь рост красовался Дзись-Белоцерковский, совершенно обнаженный, прикрывающий ладонями пах, но с той же короной на голове.

Не только телефон секретаря, но и прямой и мобильный аппараты не умолкали. Журналистам хотелось знать подробности. Скорее всего, распространителями столь горяченькой информации стали или истринские милиционеры, или соседи по коттеджному поселку. Чтобы спастись от атак, Князю вздумалось прокатиться в Подмоскowie и поглядеть, с какими успехами следователи ведут обыск в особняке. Но заставить оперативников генерал не успел. Двери и ворота оказались прилежно опечатанными. Лишь оставшийся при должности охранник, томившийся в сторожевом вагончике, без особой охоты доложил, что милиционеры уехали с полчаса назад.

Чтобы собраться с мыслями, генерал решил прогуляться вокруг особняка, но звонок и голос Диночки донесли, что через полтора часа Милославского хочет видеть министр. Князь, не отрывая взгляда от циферблата, бросился к машине и был уверен, что, несмотря на заторы и пробки, его личный водитель с тридцатилетним стажем успеет вовремя подкатить к министерству. И успел бы, если бы генералу среди дороги не захотелось по нужде.

Водитель остановил машину на обочине шоссе и боковым зрением проследил, как начальник управления, даже не захлопнув заднюю дверцу, лихо поскакал в перелесок. Шофер тоже не стал закрывать дверцу,

решив проветрить салон. Как потом он объяснялся с генералом, включил музыку и откинулся на спинку сиденья. А когда услышал, как хлопнула задняя дверца, надавил на газ и через пять секунд уже переключился на пятую скорость. Понимал, что за опоздание к министру по головке не погладят. Проехав километров сорок, водила подумал, что шеф, спрятавшись в угол, неподконтрольный зеркалу, приумолк довольно надолго. И, хотя прекрасно знал, что Милославский особой говорливостью не отличался, нутром почувствовал, что пассажира в машине нет. Обернулся — так и есть. Развернулся — и в обратный путь. За пятнадцать минут он те же сорок километров обратно проехал. Глядь, Князь на обочине подпрыгивает — замерз. Пальто же в машине осталось. А он на мокрой дороге только в легких туфельках да в костюме.

Всю оставшуюся дорогу генерал в перерывах между руганью зубами стучал. Ко времени они, естественно, опоздали. В телефонном разговоре с помощником министра пришлось сослаться на дорожные пробки, и встреча была отложена.

Но не успел генерал снять пальто, как Диночка сообщила, что на проводе уже полчаса «висит» один из заместителей начальника управления по общественной безопасности товарищ Чуев, и Милославский не мог не смекнуть, что именно он и был причиной вызова к министру.

Генерал-майор Василий Васильевич Чуев, как шутили в министерстве, являлся попечителем нравов и курировал работу соответствующих отделов и служб в окружных и районных управлениях Центрального региона. Насмешки о том, что Чуев является главным

воспитателем всех проституток, нисколько его не задевали. К своему заплочному званию он относился не только спокойно, но даже гордился, что являлся одним из тех, кому выпала честь бороться со столь безуспешной и вечной проблемой. Одного лишь не любил генерал-майор, когда кто-то напоминал об орфографической опечатке, которую однажды второпях совершила молодая и неопытная секретарша. На ответственной, циркулярной бумаге из-под ее пальчиков вылетела не начальная фамильная «Ч», а такая же крупная заголовочная «Х». Срочный министерский документ был распечатан и подан на подпись Чуеву. Заместитель начальника управления также не стал утруждать себя проверкой правописания и поставил свою подпись. Распоряжение разлетелось по сотням адресатов. А через неделю в управление стали приходить отчетные доклады, которые начинались со слов: «Начальнику ...уеву В.В.».

После того случая министерские остряки сложили легенду, как ошибка в фамилии генерала стала вечным напоминанием о том, что он занимает свою должность по призванию.

Милославский подошел к аппарату и поднял трубку.

— Рад слышать тебя, Василь Василич, — произнес он и, чтобы успеть собраться с мыслями, задал самый заурядный вопрос, который Чуеву приходилось выслушивать по десять раз за день: — Как чувствуют себя твои подопечные?

При этом ни один из шутников никогда не предпочитал уточнять, какие подопечные имеются в виду.

В этот раз Чуев постарался быть оригинальным,

скорее всего, чтобы вызвать у Милославского доверительное расположение:

— Довольно активно, генерал. За прошедшие сутки московские проститутки выезжали по вызовам 955 раз, из них 800 раз в жилые помещения, 50 раз на предприятия и в организации. — Чуев сделал паузу и вздохнул. — Вот только 100 вызовов оказались ложными.

Князь лишь хохотнул, одоббив шутку, но предпочел первым не интересоваться темой разговора.

— А каковы твои успехи, Владимир Никифорович?

— Как обычно. Работаем, — холодно ответил Милославский, ожидая конкретного вопроса.

— Я слышал, нашим подразделением интересуешься? — вкрадчиво перешел к делу Чуев.

— Да так, по мелочам.

— А конкретно?

— Конкретно? Пожалуйста. Видишь ли, одна женщина знакомилась с мужчинами у гостиницы «Россия» и представлялась валютной проституткой. Что интересно, твои сотрудники прекрасно знали, что клиенты клевали на эту нехитрую удочку и расплачивались валютой. А на самом деле это была обычная рублевая проститутка, и валюту она брала совершенно незаконно.

По очередному вздоху Милославский определил, что шутки абоненту надоели. И в самом деле, Чуев теперь решил взять быка за рога:

— Каких конкретно ты имеешь в виду сотрудников? Подполковника Ломакина и майора Ремизова? Так они уже уволены из органов.

— Вот как?! — удивился Милославский. — А по моим данным, находятся на службе. Позволь, Василь Ва-

силич, поинтересоваться, а за что же вы их турнули? Какие основания?

Он услышал отчетливый вздох, но не получил на свой вопрос ответа. Чуев решил поменять направление разговора:

— А вот Дзись-Белоцерковского вы арестовать поспешили...

— Поспешили? — переспросил Князь.

— Нам палки в колеса вставляете...

— Вот как! — Милославский вовсе не ожидал такого поворота в разговоре. — Чем же мы на этот раз вам не угодили, генерал?

— Мы за этим ухарем полтора года наблюдаем, и, когда вдруг выясняется, что это главный сутенер, вы нам перебегаете дорогу. Мог бы позвонить, посоветоваться. Как-никак, в одной организации служим, — с наигранной обидой в голосе произнес Чуев.

— Странно как-то получается, Василь Василич, вы полтора года за этим развратником охотились, а мы за неделю управились.

— Да хрен с ним, с Белоцерковским! — примирительно ответил Чуев. — Вы у него из сейфа кое-какие документки извлекли, так отдал бы их мне, Владимир Никифорович. Зачем вам адреса борделей, сутенеров? Это наша работа. Даром, что ли, мы свой хлеб едим? А у вас и других забот полон рот.

— Только по этому поводу ты хотел со мной встретиться у министра? Нажаловаться успел...

— Случайно все произошло, поверь. — По интонации Чуева чувствовалось, что генералу вступать в конфликт не хотелось. — Встретились с министром в ко-

ридоре, разговорились. Босс и решил тебя вызвать. Ну так как на счет документов?

— Не отдам. До полного окончания следствия. Там ведь не только адреса притонов и сутенеров. Есть и адреса отделов нравов. — Милославский пожалел, что сказал последнюю фразу раньше времени.

Но Чувев, видимо, до конца решил оставаться открытым.

— Да знаю я, что не обошлось без помощи моих... — Он хотел сказать сотрудников, но, пересилив себя, произнес: — Обратней. Подполковник Ломакин запачкался, Ремизов, еще кое-кто. Будь уверен — все получат по заслугам. Только надо ли выносить сор из избы? Читал небось, как пресса лютует? Все газеты сегодня на нас ополчились!

— Я подумаю, — не скрывая негодования, коротко ответил Милославский и положил трубку.

Он резко поднялся и, не обращая внимания на новый звонок, вышел из кабинета. Кресло Диночки в приемной оказалось пустым, и он сам решил заглянуть к Полуярову.

Команда полковника была в полном сборе. Два свободных стула, Фочкин и Катышев. Золотарев, покачивая ногой в такт барабанной дроби, разместился на подоконнике. Получасом ранее завершился короткий допрос Дзись-Белоцерковского. Припертый к стенке красноречивыми документами, обнаруженными в сейфе, король конкурсов красоты, владелец двух десятков модельных агентств и эскортных фирм, куратор доброй сотни интимных заведений решил дать чистосердечные показания. Чтобы смягчить свою вину и поста-

ратся выйти из воды если не сухим, то чуть намокшим, Белоцерковский свалил всю вину на Ломакина и Ремизова. Это они его запугали и заставляли заниматься интимным бизнесом. А расписки и финансовые документы лишний раз подтверждали, что половина прибылей оседала на счетах и в сейфах милицейских начальников. Отчасти он был прав.

И теперь, барабая пальцами по столу и забыв, что в кабинете скучают подчиненные, Полуяров раздумывал, сколько времени потребуется, чтобы получить разрешение на арест оборотней. И сможет ли Милославский без разрешения свыше взять на себя всю ответственность. По крайней мере, все собравшиеся оперативники знали, что медлить было нельзя. Кураторы московской проституции в милицейских фуражках тоже не будут сидеть сложа руки. Одни, накопив приличные капиталы, постараются тихо исчезнуть в заграничном направлении, другие начнут избавляться от свидетелей и порочащих документов.

Увидев в дверях Милославского, все как по команде поднялись. Князь важно прошел к подоконнику и устроился рядом с Золотаревым.

— Раскололся? — спросил он без уточнения имен.

— Он намного умнее, чем кажется, — ответил Полуяров. — Всех сдал. Даже тех, кого мы не держали в поле зрения.

Князь посмотрел в окно, из которого была хорошо видна крыша Павелецкого вокзала.

— Как в дореволюционные времена. Полиция крышует проституцию.

— Вы ошибаетесь, товарищ генерал, — не согласил-

ся Катышев. — Тогда полиция действительно крышевала. А сегодня — стала организатором. Некоторые документы подтверждают это. Ломакин даже инвестировал средства в развитие этого бизнеса.

— Каким образом? — не отрывая взгляда от крыши, попросил объяснения генерал.

Полуяров открыл папку, вынул испещренный цифрами лист бумаги и сощурился:

— Пятнадцать процентов чистой прибыли Ломакин оставлял у Белоцерковского и Черемисовой. Два года назад на эти деньги был открыт центр молодежного досуга и ночной стриптиз-бар, приобретены несколько квартир, в которых открылись дома терпимости. В прошлом году на б...кие деньги, извините за откровенность, приватизированы несколько массажных салонов по тайской методике и еще десяток квартир, а также выплачены подъемные деньги двум сотням девчонок, которых завезли из Украины и Молдавии. И эти инвестиции осуществлялись только в Центральном округе. Надо полагать, что примеру Ломакина и Ремизова следовали и в других округах.

Милославский резко повернулся и в упор уставился на полковника:

— И вы до сих пор все еще тут сидите?!

— Изволите приказать? — шутливо отозвался Полуяров, прекрасно понимая, что риторический вопрос генерала и есть призыв к действию.

Медлить не разрешалось. Полтора часа назад он уже справлялся, находятся ли на месте службы подполковник Ломакин и майор Ремизов. И хотя полученная информация говорила о том, что оба поутру,

как обычно, вышли на службу и трудились в поте лица, он позаботился об ориентировках, которые при необходимости готов был направить на все железнодорожные вокзалы, аэропорты и выездные посты дорожно-патрульной службы.

Генерал набрал номер полковника Журбина.

40

Дежурный по отделению капитан, взглянув на корочки непрошенных гостей, нехотя сообщил, что подполковник Ломакин проводит рейд по объектам района и когда вернется, неизвестно.

— Какой еще рейд? — удивился Катышев.

— Внеплановый.

— Понятно. Значит, решил прокатиться по стрип-клубам, казино, нелегальным публичным домам и другим злачным местам. Славно погуляет, если вовремя не остановим. А по рации с ним связаться нельзя?

— Какая может быть рация? — нахально разглядывающая эсэсбэшников, хмыкнул дежурный. — У нас половина автопарка на приколе. Бензина не хватает. А вы мне про рацию!

— Но телефон-то у него есть?

— Может быть, и есть. Но я ему не зять и не сын родной. Личных номеров он мне не сообщает.

— Зачем ты вообще тут сидишь? — Катышев начал заводить.

— А давно отбыл ваш начальник? — решил прекратить эту бессмысленную перебранку Полуяров.

Дежурный, понимая, что в этот раз с вопросом об-

ратился далеко не равный по званию офицер, молниеносно соврал:

— Полчаса назад.

Полковник посмотрел на толпу людей, которые возле заветного кабинета утомленно ожидали появления начальника управления. На стульях валялись зачитанные до дыр утренние газеты.

— Ты хотя бы думай, прежде чем соврать!

Он посмотрел на часы: наверняка Журбин со своими ребятами уже находились около дома, где проживал Ломакин.

Массивная входная дверь, искусно обитая красным деревом, оказалась без глазка, и Полуяров понял, что если Ломакин в данный момент еще находится в квартире, то наблюдает за их действиями по экрану монитора. Он посмотрел по углам, стараясь обнаружить глазок видеокамеры, и в третий раз нажал на кнопку звонка. На этот раз изнутри раздался голос хозяина квартиры: «Кто там?»

— Открывайте, Ломакин. Ваши коллеги, — радостно выдохнул Катышев и, посмотрев на Полуярова, добавил: — Бывшие.

Лицо рослого омовца, который легко и с нетерпением перекидывал кувалду из руки в руку, стало кислым. Он поставил инструмент на лестничную ступеньку и снял с плеча «калашников».

Но открывать дверь Ломакин не спешил. После короткого молчания из-за двери снова послышался его голос:

— Что вам надо?

— Вот ордер на ваш арест и обыск квартиры. — Полуяров поднял вверх руку с бумажкой.

Снова молчание, и после паузы ответ:

— Вы не имеете права.

Не отрывая руки от кнопки звонка, полковник постарался быть спокойным.

— Ломакин, пожалей дверь. Будем ломать!

— Вы не имеете права, — слышалось изнутри.

Боец перекинул автомат за плечо и снова взялся за кувалду, ожидая распоряжения полковника.

— Вы не имеете права, — с той же интонацией ответили из-за двери.

После третьего однообразного ответа Полуяров насторожился и приник ухом к двери. Казалось, Ломакин, наблюдая за ними, просто издевался, рассчитывая то ли на собственную неприкосновенность, то ли на крепость дверных запоров.

— Е-мое! — стукнул себя по лбу полковник. — Это же автоответчик! Его нет в квартире! Ломай! Катышев, спустись к Журбину и скажи, чтобы внимательно смотрели за всеми выходами. И крышу, крышу надо срочно проверить. Если он не ушел раньше, чем приехали омоновцы, то еще в доме.

Английские замки с секретом не долго сопротивлялись мощным ударам кувалды. Квартира напоминала обстановку, когда жильцы, спасаясь от пожара или землетрясения, второпях забирают самые нужные и дорогие вещи. Полуяров обошел комнаты с выдвинутыми ящиками шкафов и открытыми дверцами антресолей и, вернувшись в прихожую, открыл дверь довольно просторной кладовки. В крошечной темноте

серела тонкая полоска света. Он сделал несколько шагов и оказался на площадке узкой потайной лестницы. Многие квартиры в сталинских домах, постройки пятидесятых годов, имели потайные выходы, через которые можно было достичь чердака или подвального помещения.

Полуяров, увлекая за собой одного из омоновцев, с осторожностью двинулся вниз. Наверняка чердак и крышу уже контролировали бойцы Журбина. По сбитой на ступеньках лестнице пыли он понимал, что не позже, чем четверть часа назад, тайный выход уже кто-то использовал. И ему оставалось лишь надеяться, что оставленные на ступеньках отпечатки протекторов были от ботинок Ломакина.

Через полторы минуты, распугав откормленных и наглых крыс, они достигли мусорного помещения. Огромную комнату, расположенную в двух уровнях, освещала тусклая лампочка. Дверь на улицу была незапертой. Открыв ее, Полуяров увидел Журбина, который, не отрывая глаз от кромки крыши, о чем-то активно спорил с Катышевым. Выйти из мусорки и остаться незамеченным Ломакин никак бы не смог. Полуяров снова поднялся по ступенькам на второй ярус помещения и на груде метел и грязной ветоши обнаружил миллицейскую фуражку и бушлат с погонами подполковника. Сразу обо всем догадавшись, он стрелой метнулся к выходу, поймав себя на мысли о том, что не потерял еще резкости и сноровки рядового опера. В два прыжка он оказался около Журбина.

— Кто-нибудь из мусорки выходил? — показывая

рукой на открытую дверцу, торопил он с ответом омоновца.

— Мусорщик. Минут пять назад, — невозмутимо ответил Журбин.

— Куда он пошел?

— Куда отвозят телегу, наполненную мусором? К помойке!

— Твою мать! — тыча под нос Журбину милицескую фуражку, негодовал Полуяров. — Это и был Ломакин! Где Катышев? Катышев где, я спрашиваю?

— Откуда мне знать, где твой Катышев, — обиженно отозвался Журбин. — Он мне не отчитывается!

— Все! Упустили. Лови-свищи его теперь!

— Да куда он уйдет в драном и замызганном халате! — постарался успокоить коллегу омоновец.

— С чемоданом-то денег в мусорной тележке? Поймает такси и — только его и видели!

Он уже вытащил телефон, чтобы позвонить дежурному и отдать распоряжение о проверке всех подозрительных лиц с внешностью Ломакина, когда у угла дома неожиданно появился капитан Катышев. Короткая цепь наручников тесно связывала руки оперативника и мусорщика. Перед собой Катышев толкал когда-то детскую тележку, на которой вместо уютной люльки был укреплен деревянный ящик. Он невозмутимо подкатил к полковникам и смахнул с тележки бумагу и очистки картофеля. На дне кузова показались ремешки и рыжая кожа дорожной сумки.

Полуяров, не скрывая брезгливости, оглядел Ломакина, которому так и не удалось освободиться от грязного, пропахшего вонью халата.

— Теперь я догадываюсь, почему нас называют мусорами, — сказал он в пространство.

Толстые щеки Ломакина расплылись в ненавистой улыбке:

— Ошибаетесь, гражданин-полковник. Это вас называют мусорами. Люди, неспособные получать больше одной зарплаты, и есть отбросы общества. Тягло и быдло! — Он опустил глаза и с жадностью посмотрел на рыжую сумку, все еще не освобожденную от картофельной кожуры.

— Я думаю, лет семь, Ломакин, ты не сможешь получать и одну зарплату.

Полуяров отвернулся, вынимая из кармана телефон и показывая, что разговор на улице, как и сам задержанный, теперь для него не представляют никакого интереса.

Несколько секунд он безуспешно набирал номер телефона Золотарева, и каждый раз механический голос аппарата отвечал, что абонент находится в зоне недосягаемости.

— А вы попробуйте, товарищ полковник, набрать номер самого Ремизова. — Катышев нахально дернул руку с наручниками. — Вот господин Ломакин вам подскажет и номер сотового телефона, и где находится его друг и соратник по банде.

— Ты что мне тут горбатого лепишь, юноша? Я впервые слышу об этом Ремизове.

— Разве? — удивился капитан, нагло запустив руку в карман чужого мундира под грязным халатом.

Он тут же извлек аппарат, один из тех, который прикупила покойница Черемисова в подарок за верную службу и сотрудничество. Моментально откопав в

электронной адресной книге нужную фамилию и нажав кнопку вызова, он даже не успел передать трубку Полуярову, когда включился абонент.

— Ломакин! Ты где? Ломакин!

Нетрудно было догадаться, что Ремизов с нетерпением ожидал звонка товарища по бизнесу.

41

Фочкин и Золотарев третий час измеряли столицу в вагоне метро. На работе Ремизов появился утром и сразу исчез, сославшись на плохое самочувствие. Эсэбэшникам не без труда удалось выяснить, что подорвавший на работе собственное здоровье майор мог лечиться по домашнему адресу в Северном округе, где в одиночестве проживал в пятикомнатной квартире элитной многоэтажки. С таким же успехом он мог поручить заботу о личном здоровье родителям, трехкомнатные апартаменты которых находились в новостройке на западе столицы. Еще у Ремизова имелись две сестры и брат, которые, не прожив в Москве и двух лет, обзавелись комфортабельными жилищами в том самом доме, где «прозябала» последние дни жизни Мамка-Танька. После посещения всех этих адресов и Фочкин и Золотарев пришли к мнению, что начальник отдела нравов майор Ремизов знал, куда вкладывать доход от деятельности интимного бизнеса. За его многочисленными родственниками, дядями и тетями, кузенами и снохами в разных концах Москвы были временно закреплены квартиры самых разных размеров, а по количеству удобств не отличавшихся от лучших номеров в «Президент-отеле». Не зря, наверное, его

двоюродный брат и сестра активно трудились на ниве продажи и покупки московской недвижимости.

Следуя ни с чем в направлении родного управления, они сумели связаться с Полуяровым, чтобы проинформировать его о бездарно потерянном времени, но тут же получили приказ вместе с отрядом ОМОН посетить Северо-Восточный округ. Полуяров коротко сообщил, что работники мобильной связи смогли просканировать и установить, что район Вешняков и есть место нахождения майора Ремизова. Скорее всего, скрывался он по одному из адресов, который значился в списках элитных борделей Мамки-Таньки.

Дважды обойдя сквер, так и не обнаружив ни омоновского автомобиля, ни людей в масках и бронежилетах, оперативники приняли решение дожидаться помощи. Проводить задержание самостоятельно было бы верхом безумства. Оставалось время, чтобы изучить обстановку. Ни джипов, ни дорогих иномарок, кроме «Тойоты» самого Ремизова, около подъезда они не заметили. А потому логично заключили, что майор мог отсиживаться в бункере в полном одиночестве.

Фочкин в ожидании бывших коллег остался на улице, а Золотарев во избежание проколов и неожиданностей решил понаблюдать за квартирой с лестничной площадки. Он не успел достать сигарету, когда из логова выскользнула девушка в высоких сапожках и коротком кожаном плаще. Упускать такой подарок было бы непозволительно. И Фочкин несказанно удивился, когда через пять минут после расставания снова встретился с капитаном, который, ко всему прочему, галантно придерживал под руку незнакомку.

Девушка долго не отпиралась и рассказала, что кли-

ент в обществе девушек отрывается по полной программе и, судя по его состоянию и очередной походке за спиртным и закусками, уходить никуда не собирается.

Золотарев и Фочкин переглянулись: у них были все шансы не терять лишнего времени и закончить операцию без помощи омоновцев.

Дверь открыла совершенно нагая прелестница и, обнаружив на пороге в сопровождении приятельницы двух мужчин, даже не подумала чем-то прикрыться. Из дальней комнаты слышались визг и хохот.

Фочкин на всякий случай нащупал рукоятку пистолета и безнадежно вздохнул:

— Господи, знала бы моя жена, по каким заведениям мне приходится ходить уже вторую неделю. Золотарев, я до основания провонял французскими духами.

— Поверь мне, Олег, — не отрывая глаз от обнаженной девушки, произнес Золотарев, — это гораздо интереснее, чем наблюдать, как теща бежит мимо тебя в ночной рубаше. Когда это закончится, ты будешь долго вспоминать и сожалеть.

Широкий диван был накрыт пятью обнаженными телами. Изнеможенный и небритый Ремизов находился в центре внимания. Восседающая на его волосатой груди, миниатюрная грудастая девчушка из бутылки заливала щедрому клиенту шампанское.

Фочкин и Золотарев опустили в свободные кресла, дожидаясь, когда обитатели заметят их присутствие. Девушки, вошедшие следом за операми, тоже предпочитали пока не вмешиваться. Пустая бутылка полетела на пол, и Ремизов приподнялся. Отмахнув-

шись от грудастой, он, словно приходя в сознание, некоторое время не мог понять: каким образом в этой комнате очутились посторонние мужчины. Девушки, почуяв надвигающуюся развязку, соскочили с дивана.

— Ну что ты вылутился? — первым прервал молчание Фочкин. — Собирайся, Ремизов, приехали.

— Ты не прав, Олег, — поправил его Золотарев. — В таких случаях говорят: собирайся, Ремизов, поехали...

— Эсэсбэ? — спросил он, вытирая липкий подбородок.

— Догадливый, черт! — отозвался Фочкин. — Ты оделся хотя бы. Смотреть на твои грязные яйца не доставляет особого удовольствия.

— Никуда я не поеду, — хриплым голосом ответил хозяин и в чем мать родила пополз к краю дивана.

— А тебя никто и не спрашивает. Кстати, Фочкин, я с удовольствием провел бы десяток лет под таким домашним арестом.

Ремизов уже сидел на краю дивана. Будто разыскивая, что накинуть на себя, он крутил головой и, наконец, остановил стеклянный взгляд на подушке, рядом с которой лежал белый халат. Он наклонился всем телом и засунул руку под полу халата. Золотарев был всего лишь в двух шагах, когда раздался выстрел. Соседняя комната и прихожая наполнились визгом девушек. По лестнице тарбанили подошвы омоновских ботинок. Пистолет выпал из руки Ремизова, а бездыханное тело все еще продолжало сползать с дивана.

— Твою мать! Так опростоволоситься! — поднимаясь с кресла, сказал Фочкин.

— А ты бы как поступил? — то ли от растерянности, то ли из любопытства спросил Золотарев.

— Никак! Мне по жизни не суждено оказаться на его месте. — Он подошел к мертвому телу и пальцами закрыл глаза Ремизову. — Отсвистелся, бедолага...

42

Князь дважды выезжал. Даже всезнающая Диночка не могла сказать, где и с кем у него состоялись встречи. Да и состоялись ли? Отлучки Милославского носили настолько молниеносный характер, что можно было подумать, что он выходил из управления за покупками в соседний магазин, куда курящие выскакивали за сигаретами и похmeliном, а сладкоежки за карамелью и сушками. И лишь к обеду стало ясно, что генерал Милославский ожидал гостей из городской Думы. Ходили слухи, что вовсе не депутаты напросились на встречу, а сам Князь решил устроить у себя в кабинете выездное парламентское заседание.

Полковник Полуяров стоял около окна и смотрел, как на служебной автостоянке рядом с его одинокой «Волгой» парковались сияющие иномарки с огромными флагами на номерных знаках. Из машин с трудом вылезали округленные пассажиры в кожаных плащах и кашемировых пальто и в сопровождении дежурного по управлению перекатывались к подъезду. Время катастрофически приближалось к четырем часам дня. Полуяров был совершенно спокоен. По оперативным каналам стало известно, что заместитель начальника управления общественной безопасности генерал Чуев, побывав у министра, был отправлен с инфарктом в клиническую больницу. Получив это известие, Полуярову самому захотелось побывать в палате у Чуева, успоко-

ить генерала и воздать хвалу героизму его подчиненных. Как ни пытался полковник во время допроса выведать у Ломакина, насколько тесной и взаимовыгодной была его дружба с генералом Чуевым, подполковник молчал как рыба. Скорее всего, надеялся на покровительство и благодарность Василь Василича или же боялся повторить в камере судьбу Черемисовой. Словом, сдавать своих покровителей он не собирался и держался.

Лимузины все подъезжали и подъезжали. Как это всегда бывает, Князю потребуется еще полчаса, чтобы каждому из городских законодателей подать руку и произнести дежурную фразу, за которой он никогда не лез в карман. Затем представители правового комитета будут важно передвигать стулья, рассаживаясь вдоль длинного стола, шелкать авторучками и лениво шуршать страницами подготовленной Полуяровым справки. И только потом, выдержав паузу, генерал объявит, что вопрос о столичной проституции, которая достигла невиданного доселе размаха, нужно как-то решать. И тогда Полуяров возьмет со стола припухшую папку и направится в гости к Диночке, где в приемной будет дожидаться своего звездного часа.

Конечно, как они заранее договаривались с Князем, Полуяров станет говорить, что без соответствующих законов борьба милиции со жрицами любви обречена на полный провал. Он назовет количество крупномасштабных мероприятий, проведенных сотрудниками милиции. Ошеломит цифрами и заинтригует фактами, но закончит тем, что ни проверки, ни рейды, ни облавы, на проведение которых требуется слишком много времени, сил и средств, не помогут, если сами законодатели, наконец, не зашевелятся. Борьба правоохрани-

тельных органов с проституцией все равно что борьба с сорняками с помощью косы, — одни выкашиваешь, другие тут же прорастают. Он вспомнил слова капитана Катышева, который как бы между прочим заметил, что в любом бизнесе, а уж тем более в интимном, самая привлекательная сторона — накопление капитала. Продажный секс долго был безнаказанным, принося баснословные доходы. Рентабельность обычной фирмы составляет от двухсот до трехсот процентов, и за месяц девушки могут намолотить для своих покровителей до пятидесяти тысяч басков. Да, Полуяров обязательно напомним депутатам, что одних женщин заставляют заниматься сексом насильно, других заманивают баксами сутенеры. Он вспомнил сводки статистики, которые запросил из социологического центра: основная масса приезжих в столицу девчонок начинает посещать панель от безысходности. Хотя нашлось бы немало и тех, кто от своей работы получает одно удовольствие. Да-да! Выгораживая себя на допросе, Ломакин рассказывал об одной школьнице из своего района, которой постоянные победы на олимпиадах по информатике не мешали ночью зашибать деньги. Еще одна красотка умудрялась сниматься на последних сроках беременности. В последний раз ее задержали за два дня до родов. «Ребенок уже вылезает, — содрогался Фочкин, — а его членом обратно запихивают...»

Обо всем этом он будет говорить депутатам, когда в свой кабинет его пригласит генерал Милославский. Будет говорить, прекрасно сознавая, что в очередной раз сотрясает воздух, а заодно выгораживает преступные действия ломакиных и ремизовых, бесчисленных постовых и инспекторов, у кого слишком много пол-

номочий и велико искушение не только бесплатно пользоваться молодым женским телом, но и при первой возможности обобрать это тело до нитки. Конечно, он скажет депутатам, на чем погорел подполковник Ломакин и по какой причине покончил с жизнью майор Ремизов. Но не сможет сказать, насколько были тесными отношения Ломакина и генерала Чуева. А что они были, он нисколько не сомневается. И, стоя перед депутатами, конечно, постарается забыть, как в течение двух лет ночными бабочками успешно руководил начальник уголовного розыска, отхвативший себе кусок земли и построивший особняк на Канарских островах. Как за сотрудничество с проститутками было расформировано целое отделение внутренних дел, как практически каждый участковый состоит в доле с сутенерами на подведомственной ему территории, как сотрудники дорожно-постовой службы занимаются развозом девушек по квартирам клиентов, а представители отделов нравов имеют свои собственные мобильные девичьи группы. Но это уже отдельный разговор, который, как по секрету сообщил Милославский, будет вынесен на заседание закрытой внутриведомственной коллегии.

У Полуярова оставалось еще пять минут. Он снял с аппарата телефонную трубку, с намерением позвонить Диночке и поинтересоваться, не шумно ли в кабинете у Милославского? В проеме двери появилась печальная физиономия Катышева.

— Чего тебе? — спросил полковник и положил трубку на стол.

— Я насчет диска, — замялся капитан.

— Какого диска? — прекрасно понимая, о чем идет речь, пожал плечами Полуяров.

— Того самого, который был отснят в квартире Коробатова. Дело закончено. Верните мне его или ликвидируйте.

— Зачем, Костя? Оставь на память, — открывая дверцу сейфа и стараясь скрыть улыбку, посоветовал Полуяров.

Катышев погладил небритую щеку, предпочитая оставлять шутку без внимания.

Полуяров вытащил целую стопу плексигласовых коробок и, по очереди отшвыривая ненужные в сторону, остановился на той, где рукой ценителя эротической живописи была сделана запись: «Майор Катышев в гостях у Коробатова».

— Эта, что ли? — он положил ее на центр стола и с хитрецей взглянул на неподвижно стоящего капитана.

В ту же секунду в дверь, словно порыв ветра, ворвалась Диночка Лямина. В тонком шифоновом платице она была обворожительна, просто прекрасна.

— Ну что же вы, полковник Полуяров! Дозвониться невозможно! Скажите, мне это надо, из-за вас получать? Бегом к Милославскому — давно уже ждут! — приказала она.

Только теперь полковник заметил снятую с аппарата трубку. Без паники и спешки он аккуратно водрузил ее на место и вышел из кабинета.

Катышев сделал шаг к столу, чтобы взять коробку с диском, но Диночка, успев оценить не только настроение капитана, но и прочитать надпись на коробке, опередила его. Диск оказался в ее руках.

— Это тот самый Коробатов, у которого мы были?

— Тот самый, — смущаясь, ответил Катышев и протянул руку. — Давай его сюда.

— А что там? — прижимая коробку к груди, спросила она. — Оперативная съемка?

— Оперативная съемка, — подтвердил Катышев. — Мне некогда, Дина, верни диск.

— Я хочу посмотреть! Имею полное право! Я ведь тоже участвовала в той операции!

Катышева словно дернуло током:

— Это невозможно! Там информация только для служебного пользования!

— Ой, Катышев, кто бы говорил! — передразнивая его, скривилась она. — К секретным документам у меня оформлен точно такой же допуск, как и у тебя! Посмотрю — потом верну. Гуд бай, мой мальчик!

Она уже готова была выскочить из кабинета, когда Катышеву удалось ее ухватить за руку.

— Дай сюда! — грозно и требовательно сказал он. — Быстро!

— Ух какие мы злые! Я прямо вас так боюсь...

Она даже не успела договорить, когда Катышев, придавив ее в угол и одной рукой обхватив за талию, постарался вырвать диск. Но Диночка оказалась проворнее, и, несмотря на свои размеры, коробка легко исчезла в декольте.

— Неужели ты посмеешь залезть к женщине в лифчик? — победоносно засмеялась она.

— Еще как посмею! — Он уже кипел от негодования и сильнее навалился на нее, боясь, что она может вернуться.

— Отстань, Катышев! Не то буду орать!

— Ори! — Он смело засунул руку в декольте.

Динчока ничего не придумала лучше, чем сползти по стене, увлекая за собой «насильника». Борьба перешла в партер.

— А-а-а! Насилуют! — во весь голос закричала она, обхватив груди и руки Катышева.

— Вы чего это тут делаете? — послышался за спиной голос Фочкина.

Катышев и Диночка быстро поднялись. Коробка выпала и раскололась. Диск медленно закатился под радиатор. Катышев заслонил проход к батарее, словно боясь, что Динчока снова постарается вернуть упущенное.

— Проводим следственный эксперимент, — поправляя волосы на голове, нашла что ответить секретарь.

Только теперь Катышев увидел, что рядом с Фочкиным стоит мужчина с депутатским флажком на лацкане пиджака. Завершив процедуру с прической, Диночка рыбкой проскользнула между двух мужчин. Депутат, провожая взглядом ее фигурку, заулыбался:

— А я грешным делом подумал, что и сие учреждение не миновала сексуальная волна! Девушка! — заорал депутат, пускаясь за Ляминой вдогонку. — А как вас зовут?

— Ты чего его сюда приташил? — стукнув в бок Фочкина, зашипел Катышев.

— Да это опоздавший! Я его к Милославскому провожал, а тут вы орете! А что случилось? Чего вы барахтались на полу?

— Тебе же сказали — следственный эксперимент.

Катышев поднял диск, вложил его в коробку и, оставив Фочкина в полном недоумении, зашагал к выходу.

ду из управления. Он уже опаздывал на встречу с Каткой, которая дожидалась его в итальянском ресторанчике. «Бедная Катка, — думал Катышев. — Сколько же она натерпелась за эти дни!»

43

Перрон мигом наполнялся пассажирами, прибывшими из Киева. Носильщики с трудом проталкивали доверху груженные национальной валютой тележки — салом, горилкой, домашними колбасами и прочими вещами — сквозь толпу. До отправки состава в Кременчуг оставалось еще полчаса. Безмятежная Ляля, которой так и не довелось покорить могущественную советскую столицу, отдав последние рубли за билет в плацкартном вагоне, уже заняла место.

Золотарев, грустно глядя за передвижением приехавших и отъезжающих, подумал о том, что одни прибывают в этот вечный, никому и ничего не прощающий город, в надежде устроить свою жизнь. Другие бегут из него со сломанной судьбой, в прах разрушенными мечтами. Стая совсем молоденьких девчонок, перемешивая и коверкая русскую речь с хохляцкой, покинув вагон, направилась в вокзальный ресторан. Отмечать прибытие. Золотарев вспомнил о фляжке коньяку, которая согревалась в кармане куртки, извлек ее и, сняв крышку, протянул Жанет.

— Ну, за расставание, — сказал он и пропел: — Я тебя никогда не забуду. Я тебя никогда не увижу...

— Зря, — сказала Жанет и сделала маленький глоточек. — Я бы могла тебя досыта кормить борщом с галушками.

— От вкусной и здоровой пищи у меня происходит несварение желудка. Я уже привык питаться где попало и чем попало. Чаше — всухомятку. Вот если бы не выпивка, давно бы помер. — Он закинул голову, и его кадык задвигался, словно шатун паровоза.

— Зря, — снова сказала Жанет. — Я бы сделала твой дом уютным и чистым.

— Это тоже смерти подобно, — улыбнулся Золотарев. — Тогда я помру от лени и самодовольства.

— Скажи, Коля, разве тебе не было со мной хорошо? — Она постаралась заглянуть ему в глаза.

Капитан, смутившись и раздумывая над ответом, поскреб кончик носа:

— Разве может быть плохо с профессионалом?

— Не напоминай мне о прошлом, — обидевшись, отвернулась она. — С этим покончено навсегда.

— Извини. И чем же ты теперь займешься? Уж не собирается ли бывшая топ-модель освоить токарный или фрезеровочный станок?

— Я пока не знаю. Скорее всего, восстановлюсь на филологическом. Ни Сидни Кроуфорд, ни Памелы Андерссон из меня не получилось. Кстати, а что будет с Белоцерковским?

— Скорее всего — ничего. Наймет самых известных адвокатов и в худшем случае получит условный срок. Он в силу своей национальности — хитрый мужик.

— Но он же нас подкладывал и продавал!

— А где доказательства?

— А штрафные роты? — Она даже вздрогнула, вспоминая о своем недавнем прошлом.

— Белоцерковский опять-таки здесь ни при чем.

Штрафроты изобрел Ремизов, а командовала ими ваша Мамка-Танька. А с мертвых уже ничего не спросишь.

— Что же, никого не накажут? Зачем же мы давали показания?

— Какая же ты кровожадная! Успокойся, Женя, кого-нибудь да накажут, — представляя, как будет выглядеть подполковник Ломакин во время судебного заседания, ответил Золотарев. — Только ничего от этого не изменится.

— Тогда поцелуй меня. Помнишь, как в ту ночь...

Золотарев едва коснулся ее губ. Он не помнил, что было в ту ночь, когда они приезжали к ним в гости с Фочкиным.

— Прощай и иди в вагон. До отправления осталось пять минут.

— Можно я тебе хотя бы позвоню?

— Конечно, — подталкивая ее к тамбуру, сказал он.

— А телефон? Назови свой номер.

— Его легко запомнить — ноль два.

44

За прошедшую неделю Клавдия Петровна вся извелась и истерзалась. Она не могла простить себе, что так безобразно и по-хамски вела себя по отношению к любимому зятю. Действительно, ну что с того, если бы она в тот злополучный вечер уступила телеэкран Олежке, а сама посмотрела бы сериал на следующий день? Не умерла бы, а так получила нервный стресс.

Она запила лекарства водочной настойкой, настоянной на лимонных корочках, и развернула телепро-

грамму. В восемь часов вечера по спортивному каналу начинался матч-реванш по боксу. В то же время первая программа Центрального телевидения обещала показать сенсационный репортаж о низвержении с трона председателя конкурсов красоты «Мисс Отечество». Она с истинной ревностью просматривала все репортажи с подобных состязаний, потому как и себя до сих пор считала пусть не молодой, но все еще привлекательной и полной страсти женщиной. И если бы ее молодые годы выпали на нынешнее времена, то уж доставила бы себе удовольствие сравниться в длинноте ног и пышности груди с другими конкурентками. По крайней мере, она была на сто процентов уверена, что в отличие от своей тихуши-дочери смогла бы заставить Фочкина каждое утро, стоя на коленях, восторгаться ее красотой. Но в прошлый раз с телевизором и матчем по боксу она явно переборщила. Напряженная ситуация в доме требовала немедленного разрешения. И поступиться принципами, а значит вместе с зятем смотреть бокс, на этот раз придется ей самой.

Она выбрала сумку с крепкими ремешками и извлекла из своих потайных запасов пятьсот рублей. В этот раз Клавдия Петровна решила не мелочиться и к пиву прикупить брюшков красной рыбки, от которых без ума был ее зять. Вскоре она уже разглядывала переполненную разными сортами пенящегося напитка витрину киоска и остановила свой выбор на недешевом голландском баночном. Уже закладывая банки в сумку, Клавдия Петровна почувствовала приступ жажды и приказала продавцу подать ей упаковку томатного сока.

— А сок у вас свежий? — поинтересовалась Клавдия Петровна и, получив заверения продавщицы в отмен-

ном качестве, прикупила к пиву и пакет. Она отошла от киоска, поглядывая в сторону постового милиционера. Ей показалось, что она уже его однажды где-то видела. Милиционер был вовсе не похож на тех, кто патрулирует улицы. Он, хотя и не отличался высоким ростом, был крепко сбит, и милицейская дубинка в его руках казалась тонким прутиком.

Клавдия Петровна открыла коробочку с соком и, сделав два глотка, выплюнула все на землю. Сок оказался если не прокисшим, то далеко не первой свежести. Женщина сразу почувствовала, как внутри ее заклокотала кровь. Она вернулась к киоску и шлепнула пакетом по прилавку так, что брызги томатного сока покрасили стенку.

— Блин! Вашу мать! — сказала Клавдия Петровна продавщице. — Я же справлялась у вас насчет свежести сока.

Продавщица, недовольная томатной покраской, подняла хай, и рядом с Клавдией Петровной тут же очутился мордастый милиционер с пристегнутой на ремне дубинкой.

— В чем дело, граждане? — спросил он, как-то совсем не по-доброму глядя на Клавдию Петровну.

— Да она, блин, старым соком торгует! — возмущенно пожаловалась ему покупательница.

Милиционер, не обращая внимания на крики продавца, осуждающе кивнул головой:

— А почему вы на всю площадь ругаетесь, гражданка? Непорядок...

— Это я ругаюсь? — опешила Клавдия Петровна. — Я еще ни одного плохого слова не сказала.

Она даже забыла о продавце и прокисшем соке.

Милиционер с бычьей шеей снова нахмурил брови:

— Придется заплатить штраф в размере двух минимальных окладов.

— Да пошел ты, знаешь куда!

— Знаю. Но придется пройти вместе. В отделение.

Патрульный крепко сжал руку Клавдии Петровны, в которой она держала сумку с пивом.

— Тебе не поздоровится, малый! — с угрозой в голосе произнесла грубиянка. — Ты знаешь, кто у меня зять! Если не хочешь иметь с ним дела — иди подобиру-поздорову.

Клавдия Петровна еще надеялась, что недоразумение каким-то образом разрешится. Но милиционер, невзирая ни на что, уже тянул ее к желтой патрульной машине. Теще помогли забраться в «стакан», где пахло блевотиной, бензином и перегаром.

...Майор Фочкин и Серега Блинков сидели в закутке дежурной комнаты районного отделения милиции и ждали начала «концерта по заявкам». Когда приемная наполнилась истерическими криками любимой тещи, дежурный офицер с усталым осуждением посмотрел на Блинкова, кому и принадлежала идея проучить Клавдию Петровну. Стараясь перекрычать задержанную женщину, патрульный милиционер по всей форме доложил, что нарушительница была задержана в общественном месте за брань и хулиганство. Он стал перечислять урон, какой нанесла невоспитанная дама киоску, и бранные слова из разряда ненормативной лексики, которыми наградила продавщицу и самого милиционера. По грохоту и скрипучему плачу барьера, который отделял дежурного от нарушителей, Фочкин догадался, что постовой, кому была оказана честь придрататься и

доставить тещу в отделение, был сметен и отброшен, и теперь место около окошечка занимала Клавдия Петровна.

— Никаких матерных слов я не говорила! Это поклеп! Я буду жаловаться прокурору, депутатам, президенту, зятю своему, наконец! Вам не поздоровится!

— Во чешет! — подтолкнул Блинков Фочкина. — Бой-баба, и как ты с ней уживаешься?!

— Вы оскорбили сотрудника милиции при исполнении служебных обязанностей словом на букву «б»... — фиксировал факт дежурный по отделению.

— Блин я сказала!

Дежурный офицер бережно снял фуражку, вытер пот со лба и постарался объяснить женщине, что слово «блин» есть прямой синоним определения, которым называют гулящих женщин.

— Так что, мать, грозит вам 192-я, часть первая Уголовного кодекса, которая предусматривает до шести месяцев лишения свободы или до года исправительных работ...

— Так вы тогда половину русских писателей усадите на нары! — истерично захохотала Клавдия Петровна. — Бунина, Набокова привлечите! Даже слово, о котором вы сейчас говорите, — литературное!

Дежурный бросил беспомощный взгляд в сторону «заказчиков концерта», которым уже едва удавалось сдерживать смех.

— А это уже другой разговор, — продолжал обороняться офицер. — Ваших друзей Бунина и Набокова можно привлечь за хулиганство по 158-й Административного кодекса просто за матерщину. Они штрафом

отделаются. А вы, извиняюсь, обложили ругательствами работника милиции... Вот так-то!

Он вытащил из ящика стола чистый бланк протокола.

— Фамилия, имя, отчество. Объясните, как было дело?

— За пивом я пошла для своего зятя.

— Где он работает?

Голос тещи стал гордо-угрожающим:

— В управлении собственной безопасности...

— Проверим, — отозвался дежурный, которому явно надоел весь этот спектакль. — Назовите номер телефона...

Наступала запланированная развязка, и Фочкин, сорвавшись со стула, вылетел на улицу. Из кармана раздалась трель телефона. Он поднес трубку к уху и услышал голос тещи:

— Олежек, милый, меня арестовали. Теперь пытаются и хотят засадить в тюрьму...

Фочкин, словно добрый молодец-освободитель, с силой рванул дверь и предстал перед тещей и милиционерами во всей красе:

— Что здесь происходит?

...По дороге домой он сам нес сумку с баночным пивом, а другой рукой бережно поддерживал «замученную» в застенках любимую тещу. До матча-реванша за звание чемпиона мира по боксу оставалось больше часа, и за это время он рассчитывал выпить пару баночек пива...

Литературно-художественное издание

Романов Сергей Александрович

ВЕДОМСТВЕННЫЙ ПРИТОН

Ответственный редактор С. Рубис
Редактор В. Матяш
Художественный редактор М. Левыкин
Художник И. Варавин
Технический редактор О. Куликова
Компьютерная верстка Г. Клочкова
Корректор Т. Пикула

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 18.08.2005.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 13,2
Тираж 5100 экз. Заказ № 743.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Сергей Донской

ФСБ

РУССКИЙ

007

В СЕРИИ

**И ЦЕЛОЙ
ОБОЙМЫ МАЛО**

**ЖИВЕШЬ
ТОЛЬКО ТРИЖДЫ**

*В новой серии
«Спецназ. ФСБ. Русский 007»
выходят книги о суперагенте,
русском Джеймсе Бонде.*

*Опытный и бескомпромиссный
офицер способен работать
в одиночку, уничтожать бандитов
и террористов.*

*Ему под силу
любая секретная
миссия.*

**НАШ «БОНД»
НЕ ЗНАЕТ СЛОВА
«НЕВЫПОЛНИМО»!**

ТАКЖЕ В СЕРИИ: «Цену жизни спроси у смерти»
«И целой обоймы мало», «На секретной службе»
«В Россию с любовью», «Умри сегодня и сейчас»
«Никогда не говори: не могу»

www.eksmo.ru

ДЛЯ НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН!

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

В СЕРИИ

БОЙЦОВСКИЙ

КЛУБ

www.eksmo.ru

**ЖЕСТКИЕ ПОВЕСТИ И РОМАНЫ
О РЕАЛЬНЫХ УЛИЧНЫХ БОЙЦАХ!**

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«Русский стиль», «Эскадрон смерти»,
«Черный пояс», «Моё оружие — кулак».

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

БОЙЦОВСКИЙ

КЛУБ

**БЕЗ ПРАВА
НА ПОБЕДУ**

Автор новой серии книг
«Бойцовский клуб»
Илья Деревянко отлично
знает специфику
рукопашного боя, он
неоднократно
сам выходил на ринг.
Герои его романов –
профессиональные
спортсмены. Кто-то из них
воевал в Афгане, а потом
потерялся среди
гражданского населения,
а кто-то нашел нелегкий
способ добывания денег,
став участником закрытых
боев без правил.

ЛУЧШИЕ КНИГИ О НАСТОЯЩИХ СОЛДАТАХ

ЛЕВ ПУЧКОВ

в серии

★ ОФИЦЕРЫ ★

СПЕЦНАЗ
ГРУ

www.eksmo.ru

Лев Пучков – офицер внутренних войск, служивший на территории Северного Кавказа и Закавказья, на личном опыте изучил все особенности так называемых «малых войн» и локальных военных конфликтов. Герои его книг настоящие мужчины, для которых служба Отечеству не пустой звук.

Также в серии:

Л. Пучков «Пасынки Джихада»,
«Операция «Моджахед», «Поле битвы — Москва»,
«Мастера убойного дела», «Дикая степь»

ДЛЯ НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН!

